

**Дневники, записи, письма
ген. Алексева и воспоминания об отце
В. М. Алексеевой-Борель**

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА ПОСЛЕ
МОЕГО ОТЧИСЛЕНИЯ ОТ КОМАНДОВАНИЯ**

Июнь 1917

Генералу Скугаревскому¹

Как ни тяжело было за последние месяцы командование армиями, как ни быстро шло разложение частей, я не решился бы сам оставить управление и обратиться в постороннего зрителя борьбы, которой в течение почти трех лет отдал все свои силы без остатка. Только в наиболее тяжкие минуты, когда в один день получалось много телеграмм о беспорядках в полках, аресте начальников, изгнании прочных, хороших офицеров, об отказе идти на позиции, когда излагались заключения начальников, как вывод из наблюдений и настроений, что с такими войсками осуществление какой-либо оперативной задачи немыслимо... только в такие минуты созревало желание уйти, сознать свое бессилие, передать дело в другие руки, которые, быть может, окажутся и более умелыми, и более счастливыми.

Последняя, несколько сокращенная часть из подготовляемой к печати в издательстве „Посев“ книги под редакцией Н. Рутыча „Создание Добровольческой Армии.

Все даты приводятся по старому стилю.

Но это были только минуты. Сознание обязанностей и долга перед родиной заставляло бороться со своей слабостью, искать пути к оздоровлению больного организма армии и жить надеждою, что болезнь еще не окончательно подорвала ее духовные силы.

Я оказался неудобным, неподходящим тем темным силам, в руках которых, к глубокому сожалению, безответственно находятся судьбы России, судьбы армии. Не ведая, что творят, не заглядывая в будущее, мирясь с позором нации, с ее неминуемым упадком, они — эти темные силы — видели только одно, что начальник армии, держащий иметь свое мнение, жаждущий возрождения в армии порядка и дисциплины, живущий мыслью, что русская армия не имеет права сидеть сложа руки в окопах, а должна бить неприятеля и освобождать наши русские земли, занятые противником, — для них неудобен и нежелателен.

Меня смели...

Поздно вечером 23/V я получил телеграмму, что постановлением Вр. Пр. я назначен в его распоряжение. Предлагалось сдать дела ген. Брусилову и прибыть в Петроград.

Распоряжение это не явилось для меня неожиданным, хотя проезжавший мимо Могилева 20/V Керенский, разговаривавший со мною около часа, не нашел достаточно мужества высказать мне это откровенно, несмотря на то, что (как оказалось затем) на пути уже объявлял всем, что „Алексеев должен оставить свой пост”.

Мое удаление было поставлено на очередь давно... Осуществили его при первом удобном случае.

Еще в первой половине марта, когда объявленные „свободы” и „права” избрали главным объектом армию, когда за развращение ее принялись и

наемные на немецкие деньги агенты, и доморощенные агитаторы, для которых сильная, сохраняющая (власть) порядок и дисциплину армия представляла опасность, я отдал распоряжение таких почтенных деятелей задерживать и предавать военно-полевому суду.

За этот „контрреволюционный” приказ разнужданная печать в виде „Рабочей Газеты”, „Правды” и пр. требовала в отношении меня крутых мер. Ко мне правительством был командирован генерал, имя которого, после возрождения нашей армии, будет записано на позорную доску, чтобы убедить меня в необходимости отменить приказ².

После моего решительного отказа и предложения уволить меня в отставку, дабы не дискредитировать власти начальника, отменили не только военно-пол. суды, но приостановили действие и обычных, то есть корпусных и армейских судов; упразднили фактически устав дисциплинарный и оставили армию без правосудия, виновных без наказания, начальников без власти, без влияния, без возможности держать войсковой организм в повиновении.

Ведь* только не зная психологии массы, не зная своего народа, можно утверждать, что „не арестами и расправами, а убеждениями и словами мы создадим новую революционную армию...” Что за дело этим реформаторам в армии до вразумительных уроков прошлого и настоящего, до богатого чужого опыта, которым нельзя пренебрегать и на котором нужно учиться. Когда-нибудь и мы дорастем до понимания этой истины, но пока-то мы живем во власти теорий, опасных опытов и искания путей, по которым никто никогда не решался ходить.

Великодушно оставили начальнику, особенно

* Весь следующий абзац — на отдельном листке, вклеенном в текст.

офицеру, ответственность, право быть униженным, оскорбленным, побитым, даже убитым. И всякий начальник, пытавшийся в эти тяжкие минуты сохранить во вверенной части дисциплину, карался самовольным отрешением „снизу”. „Сверху” немым согласием санкционировали этот произвол.

Результаты деятельности не замедлили сказаться: развал армии пошел быстрыми шагами и уже в начале апреля высшие начальники высказывали мнение, что „о наступательной операции с такой армией немислимо думать; хорошо, если противник сам атакует; войска будут только сидеть в окопах и (делают) проявят способность защищаться”. Но неприятель предпочел продолжать атаку деньгами, прокламациями, пропагандою, водкою, братаньем. Это стоило дешевле и отвечало интересам стратегической обстановки на западном фронте. Такой способ действий (отвечал) был выгоден и потому, что немец и австриец нашли могучего союзника в лице большевиков, проповедь которых широко разлилась по фронтовым и тыловым частям нашей армии, никем не сдерживаемым... Явились „Окопная Правда”, „Солдатская Правда”, „Рабочая Газета”³. Они дружно рыли и роют могилу честности воина, сознанию им своего долга перед Родиной, готовности жертвовать собой...

Продолжали свою разрушительную работу и высшие ответственные деятели армии в Петрограде. Забывая говорить об обязанностях солдата, развивали вопросы о его правах. Выработана „декларация прав военнослужащих”. В бытность в Петрограде 21/IV я отказался обсуждать ее, как акт вредный для блага армии.

На официальный запрос об этой декларации ответил я резкою критикою, увеличивая этим постепенно число моих „преступлений”.

Угрожающие отовсюду донесения о настроении войск заставили меня собрать в Могилеве 1/V всех главнокомандующих (кроме Кавказа), чтобы обсудить меры и в зависимости от состояния армии наметить время возможного приступа к деятельности. Нерадостная картина развернулась перед всеми, картина расстройств войск, их нежелания драться, падения власти и т. д. По общему настоянию, я просил правительство вызвать всех гл-щих в Петроград и выслушать их в соединенном заседании министров, Исполн. Комитета Гос. Думы и Исполн. Комитета Совета Р. и С. депутатов. Нужно было, чтобы все из первоисточника узнали, что представляет армия, что нужно для ее оздоровления; нужно было, чтобы лекарства были изготовлены и применены совместными усилиями.

Так произошел вызов нас в Петроград и закрытое длительное заседание 4/V. Кто проявил способность „ходить вокруг и около”, тот обеспечил себе положение; кто говорил прямо, честно, открыто и неминуемо резко, тот в этот день подписал акт своего удаления. Нужно было для этого выждать (однако) „открытого” проявления неблагонамеренности...

За этим дело не стало: разрешение мною офиц. съезда в Могилеве, приветственные слова, мною сказанные; мой призыв заняться только делами армии, не увлекаясь вредными для армии платформами и исповеданием своего политического credo, граждански мужественное присоединение участников съезда к этому призыву... разве это малые преступления?

Разве корректное (по форме) письмо ген. Гурко⁴ после издания декларации прав военнослужащих, чуждое резкости по содержанию и форме не являлось завершением обвинительного акта, составленного 4/V?

Что официально приписано Драгомирову⁵ я не знаю, но это не важно, так как и его увольнение решено было 4/V. Армия во всяком случае освобождена рукою властною, но бесправною, от „неблагонадежного” элемента, не желающего окончательно утратить свою законом определенную самостоятельность и право иметь свое мнение.

Кто же „освободил”? Керенский где-то и кому-то выразил свою заслугу перед Россией, что „он в 24 часа обновил высший командный состав”. Кн. Львов,⁶ при встрече со мною 27/V в Петрограде, высказал, что „они понимают, что поступили несправедливо, что мне тяжело переживать, но я должен иметь в виду, что им приходится иметь дело со стихийными явлениями, бороться с которыми невозможно, что эта стихийная волна смывает сегодня вас... а завтра, быть может, меня”.

Кто же прав? Думаю честнее и откровеннее, не рисуясь и не фиглярничая, высказал суть кн. Львов. Быть может, потом, когда-нибудь выяснится и та рука, которая руководила „стихией” и сметала „неудобных и неудобных” начальников.

Рука великого „реформатора” армии Гучкова вымела из наших рядов в наиболее острую и критическую минуту около 120 генералов на основании более чем сомнительных аттестаций анонимных „талантливых полковников и подполковников”. „Реформатор” мечтал освежить командный состав и вызвать „небывалый подъем духа в армии”. Последнего не случилось, к несчастью, а вреда сделано не мало. Сам „реформатор”, /натворив/ положив прочное начало мно/го/му непоправимому на десятки лет для армии, поспешил умыть руки в дальнейших ее судьбах.

Теперь думают речами, воззваниями, подыгрыванием на эпитетах создать „новую железную”

дисциплину, забывая о том, что материал-то остался прежний и что для пересоздания его нужны поколения. А пока новый цемент для спайки не найден, старый забракован...; думаем, как-нибудь из старого материала „образуется”...

Вот история моего отчисления. Отставки мне не дают, но не дают и никакого дела. Сказано, что пока я свободен и волен жить, где хочу, делать, что желаю. Но до отставки я не могу найти себе занятий, без которых в силу разных соображений обойтись не могу. Против моего пребывания в роли хотя бы эксперта опять „стихий”, которые правят Россией и куда-то влекут ее. Даже в скромном положении советчика /и руководителя/ я неприемлем, ведь в такой роли нельзя /будет/ молчать, соглашаться и равнодушно смотреть на /творимое в/ совершающееся в армии. А совершается нехорошее. Простите, что так разболтался. Тяжело после кипучей работы очутиться в положении ни для кого и ни для чего не нужного.

Князю Львову. 10 июля 1917

Только 9 июля получил я Вашу телеграмму, прочитав уже ранее Ваше письмо временному правительству⁷. Тяжелым ударом для России было решение министров партии народной свободы уйти и снять с себя ответственность за творящееся. Я имел еще надежду, что Вы останетесь во главе правительства и своим нравственным авторитетом сдержите движение Ваших оставшихся сотрудников в сторону гибели отечества. Рухнула и эта надежда.

Для чего же мне теперь стремиться к работе активной? Я имел в виду сотрудничать с Вами и теми членами правительства, у которых „родина”

и ее благо стояли выше всего. Разве я подойду к взглядам тех, в руки которых, к сожалению, переходит управление?

Ваш уход совпадает с тяжелым несчастьем России, с поражением армии на Тарнопольском направлении⁸. Со времени несчастной битвы в Вост. Пр. в августе 1914 г. не было поражения столь чреватого возможными последствиями. При всех крупных недостатках минувшего оно не знало таких неудач при наличии войск, артиллерии, снарядов.

Таким поражением подарила новая, „наиболее свободная в мире армия” (слова Керенского в Могилеве, обращенные к солдатам). С первых дней перехода к новому строю все честные начальники военные, хвостом не виляющие и не умевшие пресмыкаться, громко говорили и доносили военным министрам, что армия идет к полному развалу, утрате дисциплины, что с такою армиею вести войну нельзя.

На первые предостережения Гучков ответил, что „теперь нужно на все смотреть сквозь пальцы”. Приказ за приказом отнимал власть у начальников, дискредитировал их значение, уничтожал устои, на которых всегда покоились, покоятся и будут покоиться во всем мире способности армии к борьбе.

Но сам Гучков начал понимать, что дело плохо. Он, положив прочное начало развращению армии, ушел с поста военного министра.

С задором школьника взялся за дело преемник. Не зная основ существования вооруженной силы, не зная русского человека и русского солдата, не принимая во внимание психологии толпы и массы, игнорируя все то, что дал опыт почти двух тысяч лет, он стал во время упорнейшей войны искать новых путей устройства и воспитания армии... Глу-

постыю признано все то, что дал опыт всех народов, опыт положительный и отрицательный... Рука спешно и нервно подписывала разные „декларации прав солдата”; речи будили дурные стороны натуры нашего солдата; всякие советы вели невозбранно пропаганду; борьба с нею была воспрещена; всякие преступления единичные и массовые оставались безнаказанными; насилия над начальниками, если не поощрялись официально, то и не преследовались... Сколько прочных, лучших офицеров всех чинов выброшено из армии, как будто их работа, труд, их честная готовность жертвовать собою не нужны России... Как можно: раз развращенные солдаты выгнали, то для высшего представителя армии остается одно... подписаться под волею солдат и отказаться от офицера.

Зато начались речи без конца. „Свободные в мире” солдаты слушали и распускались все более и более соответственно с днями, а не красивыми речами.

На Тарнопольском направлении Россия, к нашему великому горю, пожинает плоды, семена которых посеяны в апреле-июле этого года...

...Я надеялся, что под влиянием позорных событий в Петрограде, да и в других городах России, в виду неправды, властно охватившей нашу деревню, начнется иной период под Вашим руководством. И хотелось работать усиленно в целях спасения родины. Но впереди только больший развал; игра на грубых инстинктах массы приведет к результатам, учесть которые едва ли возможно. В такой работе я буду лишний, неподходящий работник...

Тяжелое, гнетущее чувство заставило меня написать эти строки, чувство солдата и бывшего начальника, переживающего позор армии и отечества.

Прошу и т. д.

Моя первая запись 10 июля 1917 г. Смоленск

По телефону из Могилева С. М. Крупин⁹ передал:

XI армия, отскочив за р. Серет, остается сегодня на месте; у противника, по-видимому, нет достаточных сил, чтобы развить свой успех в восточном направлении; Тарнополь пока в наших руках. Но зато на правый фланг VII армии давление продолжается, и этот фланг за 10 число отскочил еще на 10 верст по сравнению с линией, указанной 9 июля. Противник, по получаемым разведкою сведениям, подвозит свои подкрепления с французского фронта, и уже появились части гвардейского резервного корпуса.

Развал в наших войсках развивается; имеются сведения, что в некоторых частях офицеры перебиты руками своих же мерзавцев-солдат. Сегодня получено донесение, что в одной из дивизий убит своими начальник штаба дивизии.

На Зап. фр. у Деникина, после усиленной артил. подготовки первая линия неприятельских укреплений взята, почти без боя, захвачена тысяча пленных. Но после этого негодяи „товарищи” вернулись в свои окопы, отказавшись от новых трудов по укреплению и оборудованию новой позиции.

В штабе верх. главн-щего настроение паническое, особенно у Брусилова: боятся за участь VII армии, уже глубоко охваченной с ее правого фланга. Брусилов предоставил Керенскому полную свободу распоряжений и сам даже в оперативном отношении поставил себя в полное ему подчинение.

Корнилов донес о тяжелом положении фронта; говорит, что только восстановление военно-полевых судов и смертной казни может оздоровить ар-

мию и заставить изменников-солдат драться с врагом.

Керенский спасение, по-видимому, видит в смене начальников. Удален Эрдели и XI армия передана Балуеву¹⁰.

Вот тяжелая картина событий, нарисованная человеком, не все знающим и через которого только случайно проходят шифрованные донесения. Как ни мало прошло времени со дня оставления мною поста верховного глав-щего, в штабе не осталось почти никого из моих сотрудников, кто мог бы ориентировать меня в обстановке и ходе событий. Неспokoйно на душе и тревога закрадывается в душу за каждый будущий день.

Развивать свое наступление к востоку энергично и настойчиво неприятель не может, не только потому, что у него пока нет для этого достаточно сил, но и потому, что его собственное положение не без-опасно. При наличии энергии и способности к бою VII армии (сил у нее достаточно) она могла бы *маневрировать* и угрожать тылу прорвавшихся войск противника, вклинившихся в наше расположение более чем на 40 верст.

Весь вопрос, в каком состоянии находится VII армия. Судя по донесению спокойного и не теряющего самообладания Корнилова, положение тяжелое: части и неспособны и не хотят вести борьбу и дать в руки своего глав-щего средства для парирования опасности, для производства смелого маневра. Нельзя упускать из вида, что противник стеснен, имея не все обозы и артиллерию запряженными, что большую часть тяжелой артиллерии ему пришлось оставить позади, что в его распоряжении пока нет укреплений, проволоки, убежищ. Обстановка сводится к полемому бою; еще на нашей стороне превосходство сил. Но у нас — развал дисциплины,

сплошное нежелание солдат драться и полное отсутствие у начальников средств заставить развращенных людей вспомнить свой долг перед родиной.

Да и кто сейчас помнит о родине. Кто будет впоследствии перечитывать многочисленные речи и воззвания к армии фигляра-Керенского и даже Брусилова, с изумлением остановится перед фактом, что великие понятия „родина“, „отечество“, „Россия“ изгнаны из употребления. Перед кем ответственна армия, по мнению этих господ? „Перед революцией“ или „перед демократией“... и только с 5—7 июля Керенский начинает упоминать о „родине“... Поздно: солдат уже забыл об этом, а пропаганда учила его, что „демократия“ заключит мир без аннексий и контрибуций, что драться больше не нужно, что достаточно только „защищаться и вести оборону“.

Действительность показала, что и защищаться такая армия не может...

11 июля.

Сообщил С. М. К.,* что в XII армии на фронте XVIII к. из Якобштадтского района была произведена атака, взята часть неприятельских окопов, но войска предпочли затем вернуться в свои окопы. То же повторилось в V армии.

В X армии бой не возобновляется: из резерва уходят назад целыми группами доблестные „товарищи“.

В XI армии — Тарнополь оставлен нами; при оставлении город разграблен, были насилия над жителями.

* Фамилия /Крупин/ зачеркнута.

VII армия отходит. По телефону трудно установить линию, но, по-видимому, по Серету на Брикуту — Монастержиску, а VIII армии приказано отойти на линию Монастержиско—Надворная—Зелена.

Корнилов приказал стрелять по отступающим и безобразничающим „товарищам”.

Из Петрограда получено вестей мало. Финляндия объявила независимость и туда посылаются войска.

По слухам, Керенский объявил себя диктатором...

Итак, в Галиции мы оставляем почти все, что было взято в 1916 году, прибавляем часть удержанного с 1914 года и держимся в крошечной части неприятельской территории, если только противник не будет развивать дальше удара, иначе он будет угрожать нашим южным губерниям и заставит очистить Буковину.

Позор армии развивается.

А фигляр-министр, — по слухам, диктатор, — 8 июля издал новое свое произведение — приказ: „приказываю восстановить в войсках дисциплину, проявляя революционную (!!!) власть в полной мере (?) и не останавливаться при спасении армии перед применением вооруженной силы. Разложение армии недопустимо...” Он думает, что загубленную им же и комп. дисциплину легко восстановить, что это можно сделать по мановению волшебной палочки после 3—4 месячной вакханалии разврата армии. Он отнял у начальников всякую власть, уничтожил все устои дисциплины, а теперь требует проявления какой-то пресловутой *революционной* власти в полной мере. Бедные начальники! Где узнать, в каком законе прочтут они о характере и

пределах этой власти, на кого обопрутся они в применении мер, которые подскажет им обстановка?

„Разложение армии недопустимо”. Он вместе с советом рабочих и солд. депутатов работал усиленно в деле разложения армии; а теперь по-младенчески вопит, что разложение недопустимо! Нет мужества признать истинных виновников этого и прежде всего полностью отправить в бой Петроградский совет раб. и солд. депутатов, столь много поработавших в деле разложения войск.

Но шкура этих господ пока застрахована.

Для диктаторства у Керенского нет главных данных: умения и спокойной решимости. Кликушество и словоизвержение теперь делу не помогут.

12 июля 1917.

Газеты заполнены „воззваниями”. Объединенные и необъединенные советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов „вопят”: ко всем гражданам России, ко всем комитетам армии и флота, к солдатам, к железнодорожникам, к крестьянам, к рабочим и работницам... Литературы этой так много, она так характеризует минуту, что она заслуживает быть сохраненной для памяти. Переполнены эти воззвания, как всегда, словами: „революция, революционная демократия, ответственность перед революцией, спасайте революцию, добейтесь подчинения постановлениям большинства демократии”... Но есть и новое слово: откуда-то появилась „Россия и родина”. Еще так недавно эти великие понятия совершенно затерялись. Умышленно вычеркнули их из своего лексикона наши горе-министры из социалистов. Я ни разу не слышал и не читал, чтобы при своих словоизвержениях Керенский

говорил солдатам о родине, об ихнем долге перед Россией, будил любовь к многострадальному, всеми забытому отечеству. С его языка не сходила „революция“, защита ее, ответственность армии перед революционной демократией.

Не особенно часто напоминали русскому человеку о „России“ и министры из кадетов. Не знаю, почему. Подчинялись ли они общему требованию минуты, были ли они под тяжелым влиянием своих „товарищей“-социалистов, но факт несомненен...

Ту же почти манеру принял и Брусилов, приняв должность верховного главнокомандующего. Да и мог ли он поступить иначе, когда свой первый приказ — обращение вождя к армии, свое верование — он отправил 26 мая, прежде обнародования, на просмотр и утверждение г-на Керенского! Это было печальное явление: главнокомандующий не нашел в себе силы воли сказать свое слово подчиненным войскам без предварительной цензуры министра-социалиста; этим он подчинил Керенскому не только свое мышление, не только выражение своей мысли, но и свою волю. Как сказалось это в тяжелые дни разгрома нашей армии на Тарнопольском направлении.

Хотя 4 мая на соединенном заседании главнокомандующих с членами временного правительства, временного комитета Гос. Думы и исполнительного комитета Совета Р. и С. деп. Брусилов перед представителями этого последнего совета и отрекомендовался, что он уже 12 лет *революционер*, но я считаю, что такое признание направлено было исключительно к упрочению своего положения в глазах новых „господ“.

Как бы то ни было, но несчастье глубокое и трудно поправимое начинает отрезвлять служителей

революции. Они начинают, по-видимому, сознавать свои ошибки. Жестокая классовая борьба, ненависть к интеллигенции, мечты о социалистическом счастье, ослепление идеями интернационализма... заслонили собою Россию, родину. Более искренние и отзывчивые, как Керенский, быть может, пойдут во главе нового движения, и желание „служить и спасти Россию” станет во главе всех остальных стремлений.

Что касается самых воззваний, то они в основном написаны в обычном стиле широко распространенных с марта этого года воззваний и обращений. Мне кажется, что их мало читают и во всяком случае мало обращают на них внимания. Думаю так потому, что за четыре месяца сказано хороших призывных слов и фраз и как мало сделано хороших дел; даже можно вернее сказать — как много сделано дурного как бы в насмешку над призывами Гос. Думы, Вр. Правительства и разных Советов. Слишком много увещают, просят и никто не заставляет. Между тем человек создан так, что по доброй воле он не захочет творить доброе обещанное дело, поступаясь своими интересами. Верное вообще, такое положение особенно верно по отношению армии: кому охота по доброй воле жертвовать жизнью; кругом пропаганда говорит настойчиво — храни свою жизнь, отказывайся сражаться, не слушайся начальников, а правительство, советы (впрочем, только сейчас, раньше речь была совсем иная) уверяют, что нужно жертвовать собою. Уверяют, но не побуждают. Патриотизма нет, народное воспитание отсутствует, а в результате — постыдное бегство.

Из других вопросов дня, возбужденных в печати, нужно остановить внимание на приказе Керенского от 8 июля о *привлечении* к ответственности

агитаторов, призывающих армию к неповиновению, и на телеграмме комиссаров при армиях Ю.—З. фронта о необходимости восстановления смертной казни.

Когда я, исполняя обязанности верховного главнокомандующего, отдал распоряжение в марте задерживать агитаторов и предавать военно-полевому суду, на меня обрушились скверные газеты, вроде „Рабочей газеты”, и, кажется, „Известий Совета р. и с. деп.”. Ко мне был прислан ген. Поливанов убеждать меня (отдать прик.) отменить распоряжение. После отказа сделать это — цель была достигнута в Петрограде иными путями.

И агитация широкой волной хлынула в армию. Мутный поток ее залил все то, что (являлось) сохраняло еще честь и совесть. Разврат начал распространяться с ужасающей быстротой; печальные результаты сказались скоро.

Все честные начальники, не смущавшиеся воплями разнузданной черни, советов, съездов... указывали на вероятные последствия. Но кто слушал нас!! Усиленно развращали „на законном основании”; приказами, декларациями прав. Никто из реформаторов армии в „демократическом духе” не хотел допускать и думать, что для армии роется могила, что дисциплина, раз изгнанная, не может прийти по первому зову реформатора.

Жизнь указала, что нарушать безнаказанно законы, выработанные опытом народов, нельзя. Результат печален: армия отказывается сражаться: представители правительства говорят о необходимости смертной казни. Какой поучительный урок для идеалистов, взявшихся руководить жизнью армии, не зная законов истории, указаний опыта, не зная человека вообще, а русского солдата в частности.

13 июля 1917.

Вечером 12 числа С. М. К.,* а затем ген. Лукомский по телефону предупредили меня о получении от Керенского Брусиловым такой, примерно, телеграммы: „предлагаю Вам собрать совещание для обсуждения военного положения на фронте, пригласив ген. Алексеева, Рузского и тех начальников, которых Вы сами признаете нужным”. В 1 час ночи мне принесли такую срочную телеграмму: „По желанию правительства в Ставке состоится совещание, на котором крайне необходимо Ваше присутствие, Михаил Васильевич. О дне совещания в зависимости от приезда Рузского буду Вам телеграфировать. 12. VII. 917 № 9479. Брусилов”^{1 2}.

Сегодня от ген. Лукомского получена телеграмма, что совещание состоится в 15 час. 16 июля в воскресенье. С. М. Крупин сообщил, что, кроме меня и ген. Рузского, приглашены ген. Гурко, Каледин, Клембовский и Деникин.

Выеду утром 15, чтобы иметь возможность изучить положение. Опасаюсь, что не получу данных о *современном численном составе частей*, наличии оружия в войсках и складах, равно о степени обеспечения огнестрельными припасами. Между тем без этих данных говорить о настоящем, решать вопрос о будущем невозможно.

На совещании должны принять** четверо выброшенных капризом правительства из рядов армии. В критическую минуту они оказались *необходимыми*; они должны представить из себя профессоров-врачей, собираемых на консилиум у постели тяжело больного. Пользующий врач, чтобы снять с

* Крупин.

** Пропущено, очевидно — „участие”.

себя ответственность, заявил о необходимости консилиума.

За все время войны это первый случай. В критические периоды во время нахождения верховным главнокомандующим Вел. Кн. Николая Николаевича, он приезжал сам, приглашая другого главнокомандующего с начальником штаба. Никаких экспертов не искали и не привлекали. В бытность во главе армий Императора я никогда не докладывал ему о необходимости военного совета. Знаю, что Государю стороною говорили, что я делаю неправильно и слишком много беру на себя. Во главе таких докладчиков, как говорили, стоял бывший воен. мин. ген. Поливанов. Человек исключительно канцелярской подготовки, прошедший много лет своей службы в Петроградских центральных управлениях, он не признавал ведения дела без столь излюбленных совещаний и комиссий.

Вести войну и принимать ответственные решения может только *один человек*. Дурно ли, хорошо ли, но это будет решение ясное, определенное, в зависимости от характера решающего. Я всегда избегал обсуждения приказов вместе с другими. У каждого свое желание; свое решение; свои доказательства. Мысль *ответственного начальника* от такого совещания затуманивается, воля колеблется, решение в большинстве случаев принимается какое-то среднее.

Нарекания, однако, заставили меня в феврале 1916 доложить Государю о созыве совещания. Он, видимо, принял эту мысль с удовольствием, потому ли, что признавал вместе с Поливановым пользу совещания, потому ли, что хотел провести его лично и показать, что он вершитель и важнейших военных вопросов. Таких совещаний при мне было два: 11 февраля и 11 апреля 1916 г.

*Письмо министру-председателю А. Ф. Керенскому
от 20 июля 1917 г. № 24*

М. Г. Александр Федорович! Недостаток времени на совещании 16 июля в Могилеве лишил возможности поставить на обсуждение существеннейшие вопросы, от успешного разрешения которых будет зависеть дальнейшее ведение войны.

Обстановка указывает, что четвертая зимняя кампания 1917/18 года неизбежна. При выполнении ее мы встретимся с такими затруднениями, о которых ранее не могло быть речи. Те лишения, с которыми неминуемо приходится иметь дело всему личному составу действ. армии, были по плечу нашему солдату лишь тогда, когда дисциплина была надежная, прочная, и когда с недостатком питания, с медленным, запоздалым подвозом теплой одежды, с тяжелыми климатическими и атмосферными условиями мирились, как с неизбежным злом и в сознании своего святого долга перед родиной.

Перед Вами 16 июля открыта тяжелая картина действительного состояния дисциплины среди солдат. Полученные мною сведения говорят, что тыловые дороги покрыты дезертирами как на Западном, так (и особенно) на Юго-Зап. фронтах. И это — летом, в благоприятное время года, при полном обеспечении довольствием. С /таким/ развращенным, забывшим долг и дисциплину солдатом начинать зимнюю кампанию трудно: утечка в тыл будет столь велика, что ее невозможно будет своевременно пополнять высылаемыми укомплектованиями. Окопы будут заниматься войсковыми частями в столь слабом численном составе, что удерживать позиции при частных и даже несерьезных ударах дисциплинированного и настойчивого противника будет трудно.

Если Вами будут проведены смелою и решительною рукою *теперь же* все меры, указанные военными членами совещания 16 июля, то и в таком случае желанные результаты оздоровления армии и возрождения исчезнувшей дисциплины могут получиться примерно через три месяца при спокойной, но неумолимо настойчивой работе начальников всех степеней, /только через то/ и притом не только в действующих, но и в запасных частях, рассеянных по всей территории государства. Только через такой приблизительно период (в лучшем случае) мы можем вернуть /боевую/ нравственную упругость солдату и некоторую боевую прочность армии. Конец этого периода совпадает с началом зимы. Следовательно, высшее благо родины, необходимость ее спасения настоятельно требуют, чтобы приказы, определяющие меры для воспитания солдата и восстановления дисциплины, безусловной отмены пресловутой декларации прав, были проведены без промедлений и колебаний. Смелость делает свое благотворное дело, и я не разделяю высказанных на совещании опасений, что сегодня будут отданы распоряжения, а завтра будет резня офицеров и старших командующих лиц. События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более труслива она и тем /более/ легче пасует /они перед силою/ перед решимостью и смелостью.

Быть может где-либо и произойдут эксцессы. Их можно и нужно задавить жестокою рукою. Это /спасет/ сохранит нам для последующего сотни и тысячи жизней и устранил возможность повторения бунтов. /.../

Отдав в течение многих лет, а за время войны особенно, все силы мои на служение родине, я тяжело переживаю глубокие несчастья и испы-

тания, выпавшие на долю многострадальной России.

Вам много дано Богом, в Ваших руках сосредоточена теперь громадная власть и возможность провести в жизнь то, что может спасти родину и вернуть ей силы, возможность одержать победу и развернуть творческую работу для уврачевания тех ран и болезней, которыми родина страдает так, как никогда в прошлом долгом ее существовании.

Вы еще /быть может/ можете вдохнуть в своих сотрудников способность к практической, плодотворной работе на благо отечества, чего оно до сих пор не видит и не чувствует. /Больно, конечно, государство и люди, но нет и умелых целителей, которые успели бы показать, что они умеют и могут бороться с болезнью./ Родина /же/ страстно ждет такой работы. Если будут обмануты ожидания, проклятье народа обрушится на Вашу голову, /Александр Федорович/ если Вы, стоя на столь высоком и важном посту, не сделаете героических усилий для спасенья родины, заставив своих сотрудников забыть все остальное и проникнуться единым помыслом и желаньем принести жизненную, практическую пользу России.

Прежде же всего нужно возродить армию. Без нее гибель родины неизбежна. Меры для возрождения известны, они в Ваших руках и все честное, твердое, /и/ неколеблющееся, неискательное ждет их скорого бесповоротного осуществления. Вам будет принадлежать *тогда* признательность современников и потомства.

Прошу и т. д.*

* Дальше три с половиной строки зачеркнуто и прочитывать невозможно.

20 июля 1917.

Вчера, 19-го, из Могилева по телефону сообщили весть, что Брусилов смнен с поста верховного главнокомандующего; преемником назначен ген. Корнилов; при этом телеграммой Керенского Брусилову предложено немедленно выехать в Петроград, не ожидая приезда в Могилев Корнилова.

Сегодня в телеграммах получено подтверждение этого сведения. На Юго-Зап. фронте Корнилов заменен Черемисовым.

Уход Брусилова в штабе верх. главнокомандующего встречен с удовольствием и с чувством глубокого удовлетворения. Думаю, что назначение Корнилова будет приветствуемо и штабом, и оставшимися честными и верными войсками. /.../

...Дай Бог Корнилову силы, терпения, мужества и счастья сладить с теми путами, которые наложены нашими военными министрами последнего времени на главнокомандование, которое несет ответ нравственный и служебный за позор и поражения, переживаемые армией и родиной. Где власть главнокомандующих, командующих, всех офицеров? Она отнята этими министрами, отнята полностью, расплывлена между коллегиальными, нелепыми учреждениями, столь не отвечающими духу вооруженной силы. Быть может, после совещанья 16 июля Керенский уразумет эту истину. Но едва ли он найдет в себе силу и мужество провести в жизнь меры, которые могут вернуть родине ее надежную и верную вооруженную силу. Керенский все-таки не умеет стать выше партийного работника той партии, из которой он вышел; он не имеет силы отрешиться от ее готовых рецептов; он не понимает того, что армия в монархии и республике должна су-

ществовать на одних и тех же законах организации и бытия, он мечтает о сохранении в армии „завоеваний революции”. В этих мечтах его поддерживает его друг и сотрудник, тупой фанатик-революционер, Борис Савинков. На совещании он не пошел дальше того, что армия революционная и республиканская не может пойти по путям армии прежней, царской. Повторил эту мысль и Керенский. Будем снова болтаться между тремя соснами и искать путь, который ведет к созданию какой-то фантастической „революционной” армии. Пока это исканье привело к печальным результатам: погибла дисциплина и на этой почве дали блестящие всходы усилия пропаганды: солдат потерял совесть, честь, достоинство и обратился в негодного труса, жаждущего сохранения своей дрянной, а по его мнению драгоценной, жизни.

Так будет и впредь. Солдат, над которым нет власти, нет суда, бездельник, митингующий целыми днями; трус, мечтающий только о спасении своей жизни, не может быть доблестным воином-борцом за родину, самое понятие о которой им утрачено под влиянием пропаганды.

Отцы и деды теперешнего солдата, как залило бы краскою стыда ваши лица, если бы, встав из гроба, вы могли увидеть поведение своих внуков и детей в апреле—июле 1917 года. Вы назвали бы их негодьями, или обратились бы к тем, которые сделали все необходимое для развала и разврата армии, и сказали: „Зачем убили вы душу наших детей и внуков, зачем вытравили вы из памяти их службу и работу их дедов и отцов. Уйдите вы, развратители, и уступите свое место людям честным и умеющим”.

24 июля 1917.

Продолжаю только 24 числа. События слагаются так тяжело для России; руководители ее судеб столь ничтожны, столь заняты делами *личными и интересами своих партий*, столь мало думают о положении — не преувеличивая, отчаянном — родины, столь связаны волею совета „собачьих” депутатов, что не хочется вести запись переживаемому; на душе тяжело. Я вообще человек деятельности; быть летописцем, хотя бы только для себя, мне не свойственно. В минуты гибели России, когда каждый желающий работать, должен был бы вложить в дело все силы своего ума и воли для помощи отечеству, меня те же дрянные деятели устранили искусственно от участия в общей жизни и в работе. Времени свободного много, но отдать его полностью этим записям не могу: ими я никому пользы и помощи не принесу, тогда как все помыслы и желания направлены к одному — к деятельности практической, к возможности отдать на служение России все то, что еще сохранилось у меня. Но разве это осуществимо теперь? разве мне по пути с Керенским и его настоящей компанией? разве могу я вертеться беспомощно около слова „*революция*”, за которым скрывается участь России, народа русского, наши обязанности перед родиной...

Нет у русского человека „родины”; у него сейчас только „революция”. Но так как всяк по-своему толкует для себя это понятие; так как забравшиеся на верхи власти и руководства заражены лишь социалистическими бреднями; так как они лишены любви к отечеству и широкого государственного смысла, то мы, русские, сейчас представляем из себя безотрадную толпу, не объединенную одною мыслью, одною волею, желаньем; у нас нет идеалов

чистых, высоких, вытекающих из сознания принадлежности к могучему народу, из сознания своих обязанностей к России и будущим нашим поколениям. Все занялись обдѣлыванием только *своих делишек*, забывая об общих интересах. А наше „благочестивое временное правительство“! Как правительство оно отсутствует; как собрание министров оно преступно и ничтожно; люди мелкие, партийные и дальше осуществления целей своей партии не идущие. Нам неминуемо предстоит пройти через период власти исключительно социалистического министерства. Только тогда, когда оно таким путем докажет и свое убожество, и свое неумение справиться с работой, настанут, быть может, иные дни. „Преступники“ будут свергнуты с тем, чтобы и память о них исчезла. Дай Бог, чтобы тогда вышло на сцену все твердое, сильное, честное, ныне находящееся в угнетении. Но когда настанет эта минута воскресенья родины и ее спасение? Где к тому времени окажется противник? В таком состоянии новые люди примут армию? Тяжело и безотрадно будет наследство; безгранична будет ответственность этих людей перед родиной. Но не забудет зато Россия той бескорыстной работы, того подвига, которых она от этих людей потребует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С к у г а р е в с к и й А р к а д и й П л а т о н о в и ч, генерал русской армии, участник войн — русско-турецкой 1877—78 гг. и русско-японской 1904—5 гг. Вскоре после японской войны был уволен в отставку. Приобрел известность, как строгий критик порядков в армии. Во время Великой войны не играл роли.

² Имеется в виду ген. А л е к с е й А н д р е е в и ч П о л и в а н о в, военный министр с июня 1915 г. до марта 1916 г. После февральской революции главный советник А. И. Гучкова и председатель „особой комиссии по построению армии на новых началах“. Те, кто уверены в том, что после падения самодержавия можно было предупредить разложение русской армии, считают А. А. Поливанова одним из главных виновников наступившей катастрофы. Во время войны с поляками в 1920 г. ген. Поливанов предложил свои услуги сов. правительству. Скончался в том же году в Риге во время сов. польских мирных переговоров.

³ „О к о п н а я П р а в д а“ — орган инициативной военной группы с.-д. (большевиков). Начал выходить в мае 1917 г. в Риге. Издатель — солдатский комитет Новоладожского пех. полка.

„С о л д а т с к а я П р а в д а“ — газета военной организации при Петербургском Комитете РСДРП.

„Р а б о ч а я г а з е т а“ — газета партии с.-д. меньшевиков, издававшаяся в Петербурге.

⁴ Г у р к о В а с и л и й И о с и ф о в и ч, генерал русской армии, замещавший ген. М. В. Алексева во время его болезни на посту Наштаверха. После издания „Декларации прав солдата“ В. И. Гурко подал Верховному Главнокомандующему ген. М. В. Алексеву рапорт, в котором заявил, что при создавшихся условиях он слагает с себя ответственность за вверенную ему армию. Вследствие этого был отрешен от должности. В августе 1917 г. был арестован по распоряжению Керенского; несколько недель спустя был выслан за границу.

⁵ Ген. Д р а г о м и р о в А б р а м М и х а и л о в и ч принял после переворота от ген. Рузского главное командование Северным фронтом.

⁶ К н я з ь Л ь в о в Г е о р г и й Е в г е н ь е в и ч, Председатель Временного Правительства. Ушел в отставку 7 (20) июля 1917 г.

⁷ Кн. Г. Е. Львов обратился к Временному Пр-ву с письмом, в котором заявил о своем несогласии с программой деятельности Врем. Пр-ва, предложенной министрами-социалистами. Особенно кн. Г. Е. Львов возражал против деятельности министра земледелия В. М. Чернова.

⁸ После первоначальных успехов русских армий Юго-Западного фронта в июне 1917 г. австрийцы и германцы перешли 6 (19) июля 1917 г. в контрнаступление и прорвали русский фронт на линии Тарнополь-Злочев. Началось паническое отступление 11-й армии, обратившееся в бегство, результатом которого было очищение русскими Галиции и Буковины.

⁹ К р у п и н С е р г е й М и х а й л о в и ч, обер-офицер кавалерии. С самого начала Великой войны состоял в распоряжении ген. М. В. Алексева, сперва в штабе Юго-Зап. фронта, а затем в Ставке.

¹⁰ Ген. Э р д е л и И в а н Г е о р г и е в и ч, командующий 7-й армией. Принял участие в выступлении ген. Корнилова и был заключен в Быхове.

Ген. Б а л у е в П е т р С е м е н о в и ч, командовал 5-м арм. корпусом, а затем 11-й армией. Перешел на службу к сов. пр-ву.

¹¹ Генерал-от-артиллерии И в а н о в Н и к о л а й И у д о в и ч, главнокомандующий Юго-Зап. фронтом до начала 1916 года. Затем находился в распоряжении Государя при Ставке. В первые дни февральской революции был послан царем в Петроград для подавления восстания. Умер на Дону в январе 1919 г.

¹² Полный протокол Совещания напечатан в журнале „Красная Летопись“ (1923, № 6).

ОТ РЕДАКЦИИ

На этом мы заканчиваем публикацию „Заметок” ген. Алексева, напечатанных в первом и единственном Сборнике „Русского Исторического Архива”.

Опустив, с сожалением, важное, но хорошо известное, благодаря генералу Деникину, выступление генерала Алексева на совещании командующих фронтами в Ставке 16 июля 1917 года (оно описано в 1-м томе „Очерков русской смуты” ген. А. И. Деникина, а протокол его опубликован в журнале „Красная летопись” № 6 за 1923 год), на котором ген. Деникин произнес в присутствии А. Ф. Керенского свою знаменитую речь в защиту армии и ее офицерского корпуса, а также заявление ген. Алексева на Московском совещании в августе 1917 г., мы продолжаем публикацию бумаг ген. Алексева и воспоминаний его дочери Веры Михайловны Алексеевой-Борель лишь с момента его второй отставки и возвращения в Смоленск 12 сентября 1917 года.

Необходимо, однако, напомнить, что, приехав в августе из Смоленска в Петроград для дачи показаний по делу бывшего военного министра Сухомлинова, ген. Алексеев оказался в столице как раз во время выступления ген. Корнилова. А. Ф. Керенский пригласил его к себе, в Зимний дворец, и в тот же день, 28 августа, предложил ему через Вырубова снова стать начальником штаба Верховного главнокомандующего при нем, Керенском, решившем заменить собой ген. Корнилова.

Как передает Деникин, ген. Алексеев после настоячивых уговоров министра иностранных дел Терещенко согласился принять должность начальника штаба при Верховном главнокомандующем

Керенском с единственной целью — спасти ген. Корнилова и его сторонников от расправы. Для офицера старой школы, каким был ген. Алексеев, это согласие было большой личной жертвой, ибо он допустил использование своего имени, положил на чашу весов свой авторитет, свою честь — в пользу человека, которого он презирал и которого считал виновником развала русской армии. Как передает Деникин, Алексеев говорил в это время: „Только что был Терещенко. Уговаривают меня принять должность начальника штаба при Верховном — Керенском... Если не соглашусь, будет назначен Черемисов... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют! Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что же делать?”*

Через 11 дней, убедившись, что благодаря его усилиям ген. Корнилов и другие участники выступления 28 августа — в том числе ген. Лукомский, Деникин, Марков, Эрдели и др. — находятся под надежной охраной верных генералу Корнилову техинцев в Быхове, ген. Алексеев сдал должность начальника штаба генералу Духонину и уже на следующий день, вернувшись к себе, в Смоленск, начал кампанию в защиту ген. Корнилова, что видно из его письма Милюкову и другим общественным деятелям.

* * *

* Ген. А. И. Деникин. Очерки Русской смуты. Том второй. Париж, 1922, с. 65.

В архиве В. М. Алексеевой-Борель сохранилась копия письма генерала Алексева П. Н. Милюкову от 12 сентября 1917 г.*:

„Глубокоуважаемый Павел Николаевич.

Перед моим отъездом из Петрограда 31 августа я не имел возможности повидать Вас. Теперь, сдав должность, я не могу приехать в Петроград и должен письмом беспокоить Вас. Помощь Ваша, других общественных деятелей, всех, кто может что-либо сделать, нужна скорая, энергичная и широкая.

Усилие лиц, составляющих правительство, сводится к тому, чтобы убедить всю Россию, что события 27—31 августа являются мятежом и авантюрой кучки мятежных генералов и офицеров, стремившихся *свергнуть существующий государственный строй* и стать во главе управления. Стараются убедить в том, что дело это простое, несложное, что кучка мятежников, не опиравшаяся на сочувствие и помощь каких-либо кругов, проявила измену Родине и мятеж, а потому кучка эта подлежит быстрому преданию самому примитивному из судов — суду *военно-революционному* и заслуженной *смертной казни*.

В этой быстроте суда и в этих могилах должна быть скрыта *вся истина*, действительные цели движения, участие в деле членов правительства. Чтобы легче достигнуть этой цели, прибегают к недостойному приему, хотят выделить дело арестованных в Бердичеве лиц: Деникина, Маркова, Эльснера, Эрдели, Ванновского и еще троих, фамилии которых сейчас вспомнить не могу. Хотят, опираясь на

* Письмо это было опубликовано в „Вестнике народной свободы“ № 31 от 28 декабря 1917 года.

законченность расследования, судить их *на месте*, в военно-революционном суде.

Страсти в Бердичеве комиссаром Иорданским, его помощником и армейским комитетом приподняты до наивысшего градуса. Откровенно требуют *казни*. Правительство якобы бессильно извлечь из Бердичева обвиняемых, соединить все дело в одно общее (в Бердичеве второстепенные участники) — и судить там, где суд будет свободен от влияний возбужденной грубой черни и ее вдохновителей, в числе которых, по-видимому, ведет тонкую недостойную игру военно-полевой прокурор Юго-Западного фронта: ген. Батет. Говорят, что по его совету набрали 8 лиц, ибо только такое число дает основание считать деяние — мятежом.

Если у низменных деятелей Бердичева, играющих на грубых страстях черни, сорвется их игра, суд в Бердичеве и казнь, то в их распоряжении *самосуд оскорбленной демократии*. А суд на месте и казнь должны предрешить судьбу Корнилова и других.

Павел Николаевич! Совершается возмутительное дело, а общественная совесть *спит*, честная печать эту совесть не будит, она молчит. Неужели она будет только оплакивать могилы честнейших русских людей, искусных и доблестных генералов, любящих Россию, и только ради нее поставивших на карту свое дорогое имя и свою жизнь.

Неужели не настало время громко вопиять об этом и разъяснить русскому народу, в чем заключается дело Корнилова. Думаю, что это *долг* честной печати.

Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции, для которой слишком тяжелы были страдания Родины, доведен-

ной до гибели неудачным подбором правителей министров.

Никто не может доказать, что движение было против существовавшего 27—31-го августа государственного строя. Оно было направлено исключительно против последовательно выступающих в составе министерства и быстро уходящих из него лиц, не могущих составить прочной, твердой власти и ведущих государство к конечной гибели. Цель движения не изменять существующий государственный строй, а переменить только людей, найти таких, которые могли бы спасти Россию.

Выступление Корнилова не было тайно от членов правительства, вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко и через них с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в предварительных переговорах и соглашениях. Савинков уже должен был сознаться печатно об этом. Филоненко будет выведен на чистую воду. Он в будущем министерстве претендовал на пост министра иностранных дел, великодушно, на другой день, соглашаясь на пост министра внутренних дел.

Участие Керенского бесспорно. Почему все эти люди отступили, когда началось движение, почему отказались они от своих слов, я сказать не умею.

Движение дивизии 3-го конного корпуса к Петрограду совершалось по указанию Керенского, переданному Савинковым. В какой мере было выработано и установлено соглашение (объясняемое ожидаемым выступлением большевиков), пусть укажет вам следующая телеграмма:

„27-го августа. 2 часа 40 мин. Петроград. Управляющему военным министерством. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28-го августа. Прошу объявить Петроград на военном по-

ложении 29-го августа. Генерал Корнилов. № 6394”.

Думаю, что мне не нужно объяснять значение этой телеграммы.

Члены правительства, принимавшие участие в деле и почему-то отступившие от него в минуту решительную, решили в ночь с 26-го на 27-е августа, то есть почти что час в час, когда Корнилов писал свою телеграмму за № 6394, сместить его с поста главнокомандующего. Но остановить тогда уже начатое движение войск и бросить дело было невозможно, что генерал Лукомский и высказал в телеграмме от 27-го августа № 6406 Керенскому: „Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от *Вашего имени*, заставило генерала Корнилова принять окончательное решение и, идя согласно с Вашим предложением, отдать окончательные распоряжения, *отменяя которые теперь уже поздно*”. Телеграмма большая, я цитирую только одно наиболее важное для подтверждения моей мысли место.

Из-за отказа Керенского, Савинкова, Филоненко от выступления, имевшего цель *создание правительства нового состава*, из факта отрешения Корнилова от должности вытекли все затруднения 27-го—31-го августа. Рушилось дело. Участники *видимые* объявлены авантюристами, изменниками и мятежниками. Участники *невидимые* или явились вершителями судеб и руководителями следствия, или отстранились от всего, отдав около 30 человек на позор, суд и казнь.

Бы до известной степени знаете, что некоторые круги нашего общества не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали ген. Корнилову.

Корнилов не искал лично власти для себя, цель его была — создание власти твердой, прочной, из

людей, могущих более надежно вести Россию к спасению. Но ведь это — желание и стремление всего честного и любящего свою Родину!

Почему же ответить должны только 30 генералов и офицеров, большая часть которых и совсем не может быть ответственной. Неужели в угоду все-сильной демократии и для спасения участников, которые хотят спрятать свое участие?

Пора начать кампанию в печати по этому вопиющему делу. Россия не может допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению ее лучших доблестных сынов и искусных генералов.

Корнилов не покушался на государственный строй, он стремился, *при содействии членов правительства*, изменить состав последнего, подобрать людей деятельных и энергичных.

Это не измена, не мятеж. Здесь нет признаков преступления, предусмотренного статьей 110-й устава о наказаниях воинских. Едва ли можно подвести даже под статью 100-ю. Пусть подведут с натяжкой под статью 100. Эта статья не влечет преданию военно-революционному суду.

Такого суда быть не может. Суд должен быть обычный, где участие прокурора, председателя юриста, защитников обеспечит широту расследования. Для господ Филоненко тогда будет иная работа, кроме снятия шляпы над могилой Корнилова („Русское Слово” 10 сентября, № 207, стр. 3). Им придется занять место рядом с генералом Корниловым.

К следствию привлечены члены главного Комитета офицерского союза — не принимавшие никакого участия в деле, и только после воззвания ген. Корнилова от 27 августа обратившиеся со своим воззванием к офицерам — членам союза. Почему

они заключены под стражу? Почему им грозят тоже военно-революционным судом?

Ген. Деникин и прочие, находящиеся во власти Иорданского и фронтового комитета Юго-Западного фронта, виновны: 1) в выражении телеграммой, что они солидарны с идеями ген. Корнилова; 2) в рассылке воззваний ген. Корнилова.

Пусть юристы определят, по какой статье можно предъявить обвинение этим генералам; пусть скажут они свое слово громко и авторитетно: а) можно ли судить этих 8 лиц отдельно от ген. Корнилова судом неправым и поспешным, б) компетентен ли комиссар Юго-Западного фронта и главнокомандующий предать суду этих второстепенных участников, когда главные будут преданы суду властью правительства.

Я уверяю, что страсти, доведенные до ненависти грубой толпы и солдат в Бердичеве, созданы искусственно нечестным, дрянненьким составом комитета, проявляющим демагогические стремления. Комитет имел счеты с Деникиным и Марковым, поставившим предел запусканью лапы комитета в казенный денежный мешок, а Иорданский — мелко мстительный и ничтожный духовно — имел несколько столкновений с Деникиным и Марковым.

Неужели Россия не должна знать и не узнает этого? Неужели нельзя заставить правительство голосами честной России извлечь 8 генералов из Бердичева и присоединить их дело к общему? Неужели допустима преступная дряблость власти правительства?

У меня есть еще просьба. Я не знаю адресов г. г. Вышнеградского, Путилова и других. Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать комитету союза офицеров до 300.000 рублей. Я настойчиво прошу их *прийти*

на помощь. Не бросят же они на произвол судьбы и голодание семьи тех, с которыми они были связаны общностью идеи и подготовки! Я очень прошу Вас взять на себя этот труд и известить меня о результатах. В этом мы, офицеры, более чем заинтересованы.

Нужно сказать, что если честная печать не начнет немедленно энергично разьяснения дела, настойчивого требования правды и справедливости, то через 5—7 дней наши деятели доведут дело до военнореволюционного суда с тем, чтобы в несовершенных формах его утопить истину и скрыть весь ход этого дела. Тогда ген. Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как в тяжелую минуту он, всеми покинутый, с малым числом офицеров, предстал перед спешным судом, чтобы заплатить свою судьбою за гибнущую родину.

Вот суть моей мольбы к Вам. Помогите и поддержите.

Мих. Алексеев”.

Вероятно, в тот же день ген. Алексеев пишет издателю-редактору петербургской газеты „Вечернее Время” Б. А. Суворину. Как видно из ответа Бориса Алексеевича, отцом было написано не одно письмо, с настойчивыми требованиями — начать в печати кампанию в защиту арестованных генералов и офицеров. Из сохранившегося ответа Б. А. Суворина видно положение, в котором находился редактор „Вечернего Времени”.

„Глубокоуважаемый Михаил Васильевич, с глубоким волнением читал я Ваши письма. То же чувство обиды испытывали и те, кому я давал их

прочсть. Так близко всем нам это жгучее чувство обиды за доблестных русских людей и еще более жгучее чувство своего бессилия в настоящее время. В Ваших благородных словах я понял упрек, но верьте моему глубочайшему уважению к Вам, дорогой всем любящим Россию, Михаил Васильевич, и верьте, прошу Вас, моей искренности...

...Позвольте пока рассказать Вам, что удалось мне сделать. Мы напечатали две статьи — одну в „Новом Времени” и другую в „Вечернем Времени”. Ваши письма в переводе я представил послам французскому и английскому. Что же делать, если все еще единственное средство воздействия у нас — это союзники: на нашу печать господа положения не обращают ни малейшего внимания. Те же письма в извлечениях мною, через доверенное лицо, сообщены представителям социалистических-патриотических групп, которые все же любят свою родину.

В то же время я предполагаю отправить к Вам одного из наших талантливых молодых сотрудников со специальной целью переговорить с Вами и напечатать о том, что думаете Вы, в „Новом Времени”. Как бы к Вам ни относились самонадеянные молодые люди у власти, Ваше мнение облетит всю Россию и Европу, а мы тогда получим громадную нравственную поддержку в защиту правого дела.

Все это пишу я Вам, многоуважаемый Михаил Васильевич, чтобы Вы знали, что я понимаю свой долг и что я высоко ценю ту честь, которую оказали Вы мне, призвав меня помочь этим невинным честным и доблестным русским людям. Не я виноват, что силы мои не так велики, как мне бы хотелось, и что возможности у меня ограниченные. Извиняюсь за несколько личный характер этого письма, которым я беспокою Вас, очень прошу и впредь не оставлять меня Вашими указаниями и советами.

В них черпаешь и силу и уверенность в наше безвременье и веру в лучшее будущее.

От всего сердца прошу Вас принять мои горячие пожелания силы и здоровья в Вашем тяжелом служении родине и прошу Вас принять уверение в моем искреннем и глубоком к Вам уважении.

Готовый к услугам Вашим глубокоуважающий Вас *Бор. Суворин*.

20 сентября 1917 г.”

Отец писал и в другие газеты по тому же вопросу, стараясь разбудить совесть в широких массах населения или хотя бы в читающих печатное слово.

Привожу еще два сохранившиеся письма:

„Дорогой Михаил Васильевич, все искренне любящие родину радовались возвращению Вашему к деятельности, надеясь на успех. Но Вы ушли, мы догадывались о причинах и скорбим о них. Но сообщение Панкратова в „Русском Слове” способно вызвать крик отчаяния. Как ни хочется верить в силу и мощь молодой России, нельзя не согласиться, что Вы правы. Но кто же тогда выведет армию и страну из критического положения? Что нас ждет?

Душевно Вам преданный *А. Скугаревский*. 15 сентября 1917 г.”

„21 сентября 1917 г. № 1737 м. Новобелица.

Ваше Высокопревосходительство дорогой наш вождь Генерал Алексеев, — пишет подполковник Николай Цветницкий. В № „Русского Слова” 20-го сего сентября за № 214 Ваша беседа с корреспондентом газеты вся истина, все верно, все свято; каждое Ваше слово ложится у нас, старых офицеров, в самое сердце, проникает в душу; как Вы правильно цените ген. Корнилова, какое ужасное вышло недоразумение с обвинением Корнилова!!! Хо-

лод проникает в душу, когда пишут: „Корнилов изменник”, „Корнилов мятежник”!..

Подполковник Николай Цветницкий.

В конце сентября отец опять вызван в Ставку в Могилев. В записной книжке запись:

„Совещание 27 сентября в Могилеве. Утром по оздоровлению армии. От 4 ч. дня вопросы — идти ли нам на компромисс и мир, или же тянуть войну и быть готовыми даже к катастрофе.

Резюме Керенского: у нас формула без аннексий и контрибуций — в пользу нас или /во/ вред центральных держав. Теперь такой фазис, что нужно показать вид, что мы готовы к продолжению войны (далее неразборчивая фраза. — В. Б.)...

Верховский (военный министр. — В. Б.):

1) Увольнение 35-летних и старше. Это, якобы, наиболее будирующий элемент. Их уход даст первый толчок к оздоровлению армии.

2) Замена старшего командного состава людьми, в политической честности которых сомневаться нельзя и которые были бы более ответственны в знании и умении вести войну...

3) Поднять дисциплину, при помощи комитетов, воскресить авторитет начальников и офицеров, а затем — возратить дисциплинарную власть офицерам”.

Будучи в Могилеве, отец опять поднимает вопрос об улучшении участи ген. Корнилова и иже с ним. Он требует: „Допуск (родных) к арестованным в Быхове”, „Деньги Быховским арестованным”, — и последняя запись: „Отнятие содержания от них”. Материальный вопрос Быховских узников и их семей волнует отца: если правительством отнято содержание, — надо обеспечить их другим способом

— общественными средствами. Он уже об этом писал Миликову и искал способов помочь и обеспечить семьи заключенных.

В конце сентября Временное Правительство начало подготовку к выборам в Учредительное Собрание. Предварительно состоялись выборы в Совет Российской Республики. В архиве отца есть несколько телеграмм с извещением об избрании его в Совет Республики и выдвижении его кандидатуры в Учредительное Собрание. Привожу эти телеграммы:

1) „Смоленск. Генералу Алексееву. 3.10.1917. Советом Московского Совещания Общественных деятелей Вы избраны представителем в Совет Российской Республики. Товарищ председателя Сахаров”.

2) „Петроград. Совет Республики, генералу Алексееву. 19.10.1917. Западном фронте выборах Учредительное Собрание, наряду списками кандидатов политических партий, будет выставлен список от имени русской демократической партии, выставившей также свой список по Минскому округу от гражданского населения и признающей единую, неделимую Российскую республику с широким местным самоуправлением, государственным языком русским. Точка. По поручению партии прошу согласия занести Ваше имя, генерал, кандидатский список. Точка. Минск (адрес) Полковник Жиглевский”.

3) „Срочно. Петроград. Совет республики. Генералу Алексееву. 18.10.1917. Офицеры Десятой армии по соглашению с военной фракцией Западного фронта партии народной свободы желают выставить Вашу кандидатуру в Учредительное Собрание. Благоволите срочно телеграфировать согласие. Штарм десять. Рылский”.

И 4) Письмо, штемпель: Московский губернский отдел Всероссийского союза Земельных собственников. Октября 21 дня 1917 г. № 145.

„Ваше Высокопревосходительство Михаил Васильевич, Московский Губернский Отдел Всероссийского Союза Земельных Собственников благодарит Вас за изъявление согласия баллотироваться в Учредительное Собрание по списку кандидатов, заявленному Союзом под названием „Группа Общественных Деятелей“, и сообщает Вам, что названный выше список пойдет на выборах по Московской губернии под № 10 и что Ваша фамилия в списке поставлена на первом месте. Примите уверение в совершенном почтении и преданности. За председателя *Влад. Пономарев*”.

Таким образом, разные группировки, из разных партий, к которым отец не имел никакого отношения, желали, чтобы он был их представителем в Учредительном Собрании. Был ли он избран — не знаю, но в Совете Республики участие принимал.

Для участия в работе Совета Республики ген. Алексеев выехал в Петроград. 8 октября он пишет из Петрограда моей матери:

„Моя родная, любая Нюточка! Совет Республики, величаемый Предпарламентом*, все-таки открылся

*Работа Предпарламента, как обычно именовался Временный совет Российской Республики, началась 7 (20) октября в Маринском дворце. На первых заседаниях обсуждались вопросы о боеспособности армии. Большевистская фракция вышла из Предпарламента, объявив его „Советом контрреволюционного попустительства“. 25 окт. (7 ноября) большевистские части Красной Гвардии окружили Маринский дворец и, выставив часовых, объявили от имени ВРК о роспуске Предпарламента. — Прим. ред.

8 I 917

Петербург

Моя родная, любая Наталья! События
революции, величайшие преобразования,
всегда открывшие врата. Мы изжили,
мы, повидавший, испытывавший все средства, как
бы устроились в мир непримиримости... Не ма-
стерская горячего духа, ни наша воодушевленность,
ни камень кипучей энергии. Сгор, тлеть, изжечь,
исторично обрела путь Керенского, тупая брешь
своей заранее наивною предвзвешенной аб-
сурдностью, нереально расценивая и в том, что
говорила временная Председательница Пресс-
Трудовой. А мы матери нелегкой работы Союз,
мы и теперь еще не достигли того куска хлеба
любви, который нам бы открыл будущее, мирная
будущая организация России.

Мы все еще придем к пониманию в Москве
не более 12 человек, чтобы и заставить са-
мозащиты общественной деятельности сказать ко-
нечно о нас о современном состоянии армии
и, если можно, дать толчок к развитию, в
борьбе за возрождение России и ее судьбы.

Как упоминают и в настоящее время Союзники,
мы и в сейчас еще не подготовлены все,

вчера. Мы изжились, мы, по-видимому, испробовали все средства, как бы убедились в их непригодности... Ни малейшего подъема духа, ни тени воодушевления, ни капли кипучей энергии. Серо, бледно, заурядно, истерично звучала речь Керенского, бледны были слова заранее намеченного председателя Авксентьева, ничего не расслышал из того, что говорила временная председательница Брешко-Брешковская. Если так пойдет работа Совета, то из недр его не забьет тот ключ воды живой, который мог бы оживить больной, тяжело больной организм России.

Мне все-таки придется проехать в Москву, на вечер 12 октября, чтобы в закрытом заседании общественных деятелей сказать несколько слов о современном состоянии армии и, если можно, дать толчок к настоящему, к борьбе за возрождение этого почти мертвеца.

Как утопающий хватается за соломинку, так и я сейчас хочу использовать все, что можно, для достижения хотя бы только частицы желанного. Тяжелее, чем теперь, не будет для моего сознания даже тогда, когда я увижу полное крушение моих надежд, когда выяснится, что при современных деятелях сделать ничего нельзя. Отчасти я готов к этому, но ранее хочу испробовать все способы.

Переберусь в общежитие, нанятое и устроенное московскими общественными деятелями — Галерная № 8, кв. 4*. Там же будет организован и стол. ...Перееду, вероятно, на эту квартиру 9.X. в понедельник. Это совсем близко от Мариинского дворца. Ходить теперь далеко по Петрограду совсем неприятно...

* Ныне „Красная”. См. современную фотографию этого дома. — Прим. ред.

Вчера, в субботу, вечер просидел у меня Н. А. Колоколов... Разговор шел, конечно, о том, что теперь близко касается его, как участника комиссии (судебной, по делу ген. Корнилова. — В. Б.), и меня, как участника событий и заинтересованного в судьбах людей, втянутых в это дело...

Все как-то сошлось, столпилось, обступило кругом, хочется света, воздуха, хочется хотя бы старого солнца, сиявшего над Русью... Но как-то нет просвета, и серые люди, которым принадлежит господство, тускло, безнадежно вершат дела. Нет ни мысли, нет ни размаха, а какое-то дурное кустарное производство и ломанье под пьяную руку того достояния, которое по наследству досталось им”.

На следующий день, 9 октября, отец пишет домой: „Пользуюсь случаем послать тебе несколько строк не по почте, а с верным человеком. Вчера целый день прошел, хотя и без дела, но в атаках на меня разных лиц, до И. И. Сикорского* включительно — по делам воздушных кораблей...

Не могу сказать тебе, чтобы я чувствовал себя хорошо; не знаю, может быть, наладится работа Совета, захватит, почувствуется, что это нужно, что пойдем к какой-то цели. Пока этого сознания нет, и это угнетает меня и не дает той бодрости, с которой я привык приступать к делу. Как-то мелко политикански тянется все, и в этом политиканстве уже утонуло все святое на Руси, а стряхнуть с себя мы все не можем. Я в письме, посланном вчера, 8 числа в воскресенье, по почте, писал тебе о своих первых впечатлениях... Повторяю и то, что 11 числа выезжаю в Москву на один день. Скажу и то, что нажим на меня о поездке во Францию продолжается

* Речь идет об известном авиаконструкторе, в эмиграции работавшем в США. — Прим. ред.

настойчиво и что это нарушает мое равновесие, так как я остаюсь при сложившемся у меня в душе убеждении, что мне появляться там не следует, что уверить меня в желании работать по оздоровлению армии они (то есть Временное Правительство. — В. Б.) пока не могут”.

С какими полномочиями намеревалось Временное Правительство послать отца во Францию, мне неизвестно, возможно, что хотели просто отделаться от него. Видимо, отец мешал им своей настойчивостью, своими советами и требованиями.

Отец это чувствовал и считал, что ему „появляться там”, то есть во Франции, „не следует”. Моя мать 9 октября писала мужу в Петроград из Смоленска по этому поводу:

„В этот раз особенно тревожно у меня на душе. Хочу непременно, чтобы возможно скорее ты вернулся из Петрограда. Пользы там никакой не принесешь, лучше сбереги свои силы и свое имя к Учредительному Собранию. Взволновалась сегодня газетой, прочтя твои интервью по поводу далекого путешествия (во Францию. — В. Б.). Никким образом на него соглашаться нельзя. Разве можно доверять этим господам. Спровоцируют и тебя, как многих, да чего доброго, еще пришлют вслед депешу, что ты лишен полномочий и доверия. Всего ведь от них ожидать можно. Одним словом, ради Бога, не дай себя вовлечь в их грязную компанию. Возвращайся домой. Ужасно боюсь, что тебя спроводят ко времени открытия Учредительного Собрания. Береги же себя. Ждем тебя домой в самые ближайшие дни”.

Свои впечатления от Предпарламента записывает отец 10 октября. Отметка из речи Верховского:

„Не победа на поле сражения
Немцы не в состоянии
Существует русская армия и исполнит свой долг
до конца.

Реальную силу мы представляем.

Корниловская история подорвала доверие к командному составу.

Комплектование не обучено, не дисциплинировано, не воспитано. Разрушены особенно запасные части Петроградского и Сибирского округов.

Непонимание целей войны. У каждого офицера и солдата должна быть ясная цель”.

12 октября отец пробыл в Москве, а оттуда не прямо вернулся в Петроград, а на несколько дней заехал домой в Смоленск. Ни он, ни мы, провожая его опять в Петроград „на несколько дней”, не предполагали, что он уже никогда больше не вернется в этот „свой дом”, а потом, через какие-нибудь 2—3 недели, и вся наша семья покинет этот „дом”, и покинет навсегда.

18-го октября отец пишет из Петрограда:

„Оба дня по приезде сюда вертелся, ложился поздно, с утра уже приходил кто-нибудь. Однако вчера сделал крупное дело по известному тебе вопросу. Сегодня вечером — в Белом Кресте, с которым по этому вопросу нужно установить соприкосновение для отчетности и по причинам формального характера.

В Москве мне придется вести дело самому же, потому что, как это ни грустно сказать, — я не нашел готовность помогать делом, хотя на словах все обещают и уверяют, что это просто и пустяки. А воз и ныне там.

В сущности это увлечение фразами, словами, обе-

шаниями, стремление обойтись компромиссами есть общее наше русское горе, ибо этим заражено все: и та лавочка, в которой я нахожусь сейчас, и те подлавочки, которые из нее выделяются для разработки вопросов. Неумение взяться за практическое дело. И у многих определенная тенденция — мешать делу, выдвигая для этого слова, комиссии, уполномоченных и прочие приемы, тормозящие работу. Отсутствие решимости и способности действовать — вот характерная особенность, все убивающая и парализующая...

Когда я уезжаю из Смоленска, а особенно приезжаю сюда, какое-то тяжелое, давящее чувство не покидает моей души. И потому, вероятно, что я чувствую себя совсем чужим и одиноким, и потому, что все кругом серо и бледно, — природа, погода, люди, беспомощность”.

К этому времени относится, вероятно, первый план по созданию будущей „Алексеевской организации”, ставшей основой для Добровольческой Армии.

В книжке запись:

„Шт/аб/. Сбор средств. Выбор пунктов формирования. Заботы по продовольствию, вооружению, обмундированию, снаряжению. Учет — Директивы по боевой подготовке.

Только ячейки отделов.

Финансы — сбор средств, распределение, учет, отчетность. Контроль — в пятерках.

Личный состав. Учет звеньев, пятерок.

Орган/изация/ — распределение пятерок, обращение в части, боевая подготовка.

Продов/ольствие/ и снар/яжение/: что, где, как достать по вооружению.

Политическая.

Звено. Подчиняется штабу. Состоит из пятерок. Во главе каждой руководитель.

Пятерки звена.

Пять „основных пятерок”.

25 простых пятерок.

155 оф/ицеров/. Наиболее твердые, прочные, надежные, идейные — руководители пятерок.

Подбор: Каждый офицер, по возможности, подбирает, вербует 10 солдат своей части, георгиевских кавалеров, добровольцев.

Пятерка 5 офицеров, 50 солдат. Кадр. рота, в крайности полурота.

Пятерка звена подбирает административно-хозяйственную часть.

Пятерки звена: Упр/авление/ полка, команды связи, разведчиков.

Основные пятерки со своими пятерками — 5 рот и пулеметная команда.

Из рот 5-я штурмовая.

Всего в полку — 20 рот, 5 штурмовых рот, 5 пулеметных команд.

Офицер берет солдат на свою ответственность. Непрочные отчисляются, добровольцы исключительно.

Кадр — учит. и начальств. персонал. Принимать 100—120 новобр/анцев/, добров/ольцев/ из полков.

Подготовка — упорный бой в позиционной войне.

Поступление солдат добровольное по подписании обязательства — подчинения начальникам, дисциплинарному уставу, воинский вид и порядок, чинопочитание, отказ от политики.

В роте „кооператив” — 1 офицер, 5 солдат — хозяйство.

Отсутствие партий, политики.

Жалование: р/ядовой/ 20; еф/рейтор/ 25;

у/нтер/-оф. 30; фельд/фебель/ 40; Все готовое. Звание в звеньях”.

Полковник Павлов пишет о подготовке создания Добровольческой Армии*:

„Два имени произносились офицерами: ген. Алексеев и ген. Корнилов. Иных не находили. Но... все знали, что ген. Алексеев устранен из Армии и находится в Петрограде под наблюдением Временного Правительства и Совета депутатов, а ген. Корнилов предан суду и сидит в Быховской тюрьме...

Подготовку военную секретно ген. Алексеев вел с помощью верных и надежных офицеров, стремясь объединить и связать сохранившие порядок и дисциплину воинские части, главным образом военные училища и школы прапорщиков.

В Петрограде находилась масса офицеров, как служивших в запасных частях, военных школах, так и случайно оказавшихся в нем. Ген. Алексеев стал проводить объединение их в Офицерскую организацию, с тем, чтобы в нужный момент сформировать из них воинские части. Дабы держать в Петрограде офицеров, случайно там оказавшихся, то есть не живущих в нем постоянно, нуждающихся в помещении и питании, по поручению ген. Алексеева полковник Веденяпин вошел в состав Общества борьбы с туберкулезом — „Капля молока”, превратив Общество одновременно и в питательный пункт, и в нелегальное „управление этапного коменданта”. Затем, ген. Алексеев при посредстве торгово-промышленных кругов вел подготовку к пуску в ход

* Марковцы в боях и походах за Россию. Книга первая, 1917—1918 гг. Составил подполковник Марковского Пехотного Полка В. Е. П а в л о в. Париж, 1962, сс. 21—22.

бездействующих заводов, чтобы разместить в них офицеров под видом рабочих.

Так зародилась „Алексеевская организация” в Петрограде, затем в Москве. Она держалась в секрете. Цель ее такова: при неизбежном новом восстании большевиков, когда Временное Правительство безусловно окажется неспособным его подавить, выступить силами организации, добиться успеха и предъявить Временному Правительству категорические требования к изменению своей политики.

Но ген. Алексеев учитывал и возможность победы большевиков, тем более потому, что его организация едва начала свое дело и была очень слаба. На этот случай он договорился с атаманом Дона ген. Калединым о переброске своей организации на Дон, чтобы оттуда продолжать борьбу”*.

22 октября отец пишет домой: „Моя любая, родная Нюточка! Никогда еще не охватывала мою душу такая давящая тоска, как в эти дни, дни какого-то бессилия, продажности, предательства. Все это особенно чувствуется и переживается здесь, в Петрограде, ставшем осиным гнездом, источником нравственного, духовного разложения государства. Как будто по чьему-то приказу, исполняя чей-то предательский план, власть в полном значении слова бездействует и ничего не хочет „делать”, зато говорения бесконечно много. И каждый день все более прихожу к какому-то убеждению, что пребывание в „Совете республики” пользы родине не приносит, что являешься одним из участников беспо-

* По вопросу об „Алексеевской организации” мы обратились к автору этих строк, полк. В. Е. Павлову, указавшему нам, что при составлении этой части своей книги он основывался на письменных и устных показаниях участников „Алексеевской организации”, имена которых приведены в приложении к его книге. — Прим. ред.

22 октября 1917

Петроград.

Моя любимая, родная Ксюша! Ни-
когда еще не охватывала мою душу такая
гнетущая тоска, как в эти дни, дни та-
кого-то безумия, пропажи, предатель-
ства. Все это обострено выливается и
остро переживается здесь в Петрограде,
ставившем основой своего, государственного
управления, двоякое разделение властей.
Как будто по какому-то призыву, не-
получившей-то предательский удар, встал
в полном одиночестве слова бездумности
и мучило не только "громады", но и творение
бездумного мира. И карфагенское все было
призвано к какому-то употреблению, что пре-
двещало в "Солнечном репродукте" полета для
прошлого не приходящего, что являлось од-
ним из признаков безумия, при
котором не было разделения, а всего.

привел две габриелы, ушаравца Рос-
сия. Председательство ево, председатели
прикрито есподствуют наф ветис.
Противили днаш е сталки вавоси се мого-
ли, много придошиса говориса, мене
болте, гтиш, ожно, выговарют к теле-
фону. Но все это не даета того, се гтиш
свечано обижени: у мене нити покоя ду-
ши, как в Сидленск, даже в тн не-
многое дни, которые е провел се тоби
нефтиш тошу надар.

лезного дела, из которого не будет результатов, необходимых для гибнущей, умирающей России. Предательство явное, предательство прикрытое господствуют над всем. Целыми днями я сталкиваюсь с людьми, много приходится говорить, меня более, чем нужно, вызывают к телефону. Но все это не дает того, с чем связано общение: у меня нет покоя души, как в Смоленске...

Вчера у меня последовательно перебивало 12 посетителей по самым разнообразным делам и такого же разнообразного направления, а телефон звонил без конца по поводу Бурцевской заметки, что Верховский в комиссии заявил о необходимости заключения скорейшего мира. Хочется уйти от всего этого, спрятаться в самого себя, оказаться скорее в Смоленске, где нет бестолочи жизни; эта бестолочь составляет сейчас характерную черту петроградского существования. Неделя сейчас, как я уехал от тебя, хочется иметь хотя бы одну твою коротенькую строчку. Где Коля?..."

В это время полк брата был переведен с фронта в глубокий тыл — в Гжатск, где славный боевой л.-гв. Уланский Его Величества полк фактически кончал свое существование. Это была агония полка, тяжело переживаемая всеми его офицерами.

Гжатск недалеко от Смоленска, поэтому брат мог часто приезжать домой, приезжали с ним к нам и его полковые друзья. Брат был в курсе всех предположений отца по его „организации”, поэтому он иногда ездил в Могилев, в Ставку к ген.-квартирмейстеру ген.-лейт. Дидерихсу, который был в постоянном контакте с ген. Алексеевым.

О дне переворота краткая запись в книжке отца: 25.10. „Выступление”.

В день Октябрьского переворота генерал Алек-

сеев пошел на заседание Предпарламента, но у входа в здание Маринского дворца не был пропущен часовым. Далее, как пишет В. Е. Павлов:

„Часовой не узнал генерала, но генерал по часовому и другим признакам понял, что в городе восстание большевиков. В течение целого дня он стремился связаться с „власть имущими“, но те, с которыми ему удавалось встречаться, были в полной растерянности. Такую же растерянность он нашел и в Штабе Округа; ему отказали даже дать конвой, чтобы связаться с Временным Правительством в Зимнем Дворце. Из последнего его убедительно просили не предпринимать никаких мер и...скрыться”*.

Об этом же дне ген. А. И. Деникин пишет:

„25-го видели характерную фигуру генерала Алексеева на улицах города, уже объятого восстанием. Видели, как он резко спорил с удивленным и несколько опешившим от неожиданности начальником караула, поставленного большевиками у Маринского дворца, с целью не допускать заседания „Совета республики“. Видели его спокойно проходившего от Исакия к Дворцовой площади сквозь цепи „войск революционного комитета“ и с негодованием обрушившегося на какого-то руководителя дворцовой обороны за то, что воззвания приглашают офицерство к Зимнему дворцу „исполнить свой долг“, а между тем для них не приготовлено ничего — ни оружия, ни патронов...**

Напрашивается вопрос: почему же ген. Алексеев не организовал и не возглавил сопротивление вос-

* Марковцы в боях и походах..., с. 25.

** Ген. А. И. Деникин. Очерки Русской смуты. Том 2, сс. 132—133.

ставшим большевикам? На это отчасти мы находим объяснение там же, в книге полковника В. Е. Павлова:

„Из тысяч офицеров, зарегистрировавшихся в „Алексеевской организации“, только около ста собралось в здании одного из женских институтов, согласно ранее объявленному распоряжению. Командовал ими старший из них, шт.-кап. Парфенов (л.-гв. Измайловского полка. — В. Б.). Эта сводная рота, не имевшая полного комплекта оружия, действовала активно: производила вылазки, обезоруживала красногвардейцев, освобождала захваченных последними офицеров и юнкеров. К роте стали присоединяться юнкера, оставляя своих пассивных начальников. Но напрасны были ожидания ротой каких-либо распоряжений, и шт.-кап. Парфенов повел ее на соединение с 14-м Донским полком. Полк, оказалось, объявил о своем нейтралитете. Роте здесь было делать нечего, и она пробралась к Инженерному училищу, продолжавшему активное сопротивление. Но отсутствие распоряжений свыше и получаемые сведения о полном успехе восставших побудили офицеров и юнкеров к распылению”*.

О всем происходящем в городе отец был хорошо осведомлен через добровольно в эти дни ставшего адъютантом лейб.-гв. Кирасирского Его Величества полка ротмистра Шапрон-дю-Ларре, с этого дня остававшегося при отце до самой его смерти.

Судьба его беспокоила членов организации. Полковники Веденяпин и Кутепов сочли своим долгом позаботиться о нем в эти тревожные трагические дни. Они перевезли отца с Галерной улицы, где он остановился в Общежитии московских обществен-

* В. Е. Павлов. Ук. соч., т. 1, с. 24.

ных деятелей, в квартиру тоже члена организации инженера Сергея Сергеевича Щетинина, директора воздухоплавного завода, и его жены Наталии Павловны, сестры милосердия Кауфмановской Общины Красного Креста. С тех пор Наталия Павловна стала другом нашей семьи. 50 лет спустя, уже овдовев, живя в Парагвае, в ответ на мою просьбу Наталия Павловна написала, как удалось спасти и скрыть отца, а также сообщила в этом письме, как состоялся отъезд отца, ее самой, полк. Веденяпина и ротм. Шапрона на Дон.

Привожу письмо Н. П. Щетининой:

„25 октября нам (Щетинину, Веденяпину, Кутепову, Шатилову (л.-гв. измайловец) и Шапрону, которые все время были у нас) стало известно, что генерал пошел в Предпарламент, но матрос его не впустил, и он вернулся к себе на Галерную (№ дома не помню). По городу тотчас же были расклеены объявления, что он разыскивается и что все, знающие о его местонахождении, обязаны сообщить в совет рабочих и солдатских депутатов. Сейчас же с одним молодым измайловцем было отправлено штатское платье, которое генерал не получил, так как этот офицер был по дороге арестован, о чем мы узнали позже. Под вечер было решено, что Веденяпин, Шапрон и я поедem на Галерную, чтобы увезти оттуда генерала. Я надела форму своей Кауфмановской Общины. Сначала нашли только одного извозчика и поехали втроем, по дороге нашли второго, и я пересела. Не желая ехать через площадь Зимнего Дворца, который был осажден, мы хотели въехать в Галерную со стороны Крюкова канала. Веденяпин и Шапрон ехали впереди. Не доезжая до Галерной, я увидела, что их задержал патруль матросов, которые меня пропустили без задержки. Подъехав

к дому, извозчик не захотел ждать и уехал. Я начала подниматься на второй или третий этаж и, так как № квартиры мне был неизвестен, а на площадке оказалось три двери, то я остановилась в раздумье, как вдруг правая дверь приоткрылась и я увидела генерала. К счастью, тут же подошли Веденяпин и Шапрон, которых пропустил патруль. Было решено, что генерал поедет со мною на их извозчике, а они как-нибудь доберутся с его чемоданом. Извозчик не захотел возвращаться тем же путем, и мы взяли направо к площади Зимнего Дворца. Въехав под арку, мы были остановлены другим патрулем матросов, который потребовал документы. Генерал, который был в форме и со своим золотым оружием, полез в карман и передал свой документ. Под аркой было почти темно, около небольшого фонаря матросы развернули документ, и я увидела, что они держат его вверх ногами и рассматривают печать. Причем тот, кто его держал, заметил: „Товарищи, у него печать Временного Правительства“, а другой ответил: „У меня тоже печать Временного Правительства, у нашего пока еще печатей нет“. Генерал молчал. Тогда я попросила пропустить нас скорее, так как „дядя очень болен, и я везу его в Кауфмановскую Общину на операцию“. Матросы нас отпустили. Выехав на площадь, мы взяли сразу направо, где было довольно пустынно, но проехали немного, нас опять остановил патруль. На этот раз спросили только, нет ли оружия. Так как генерал молчал, то я снова попросила поскорее пропустить, „везу на операцию“, и мы снова были отпущены. Конечно, все это сделала моя форма сестры милосердия, престиж которой был еще очень высок в армии.

Приехали к нам на Манежный около 9 час. вечера. Вероятно, через час подъехали и Шапрон и Веде-

няпин с чемоданом. Генерал объявил, что он должен идти в Северную Гостиницу, где у него назначено свидание с Савинковым и представителем казачества, фамилии не помню. Но тут все запростестовали, и Шапрон поехал за ними. Совещание продолжалось бесконечно долго; что предлагал казак, я не помню, а Савинков *требовал* от генерала, чтобы он отдал приказ Военным Училищам, чтобы юнкера выступили на защиту Зимнего Дворца. На что генерал категорически заявил, что он детей на верную смерть не пошлет. 26, 27 генерал принимал еще кого-то и жил у нас. Шапрон носился куда-то. Я всех кормила. Но 28 или 29 генерал объявил, что он поедет немного погулять с Шапроном, так как ему не хватает свежего воздуха. Возвращаясь, на лестнице они столкнулись с каким-то штатским, который остановился и, быстро спустившись, набросился на нашего старого швейцара Никиту — „это же генерал Алексеев”, — и Шапрон услышал спокойный ответ старика: „Не могу знать, может быть, и Алексеев, у господ Щетининых много генералов бывает”. Тогда было решено перевести генерала к двоюродной сестре Шапрона на Спасскую (рядом с Манежным).

30-го рано утром появился наш друг Владимир Петрович Шуберский с сообщением, что под вечер должен отойти в Ростов, вероятно, последний поезд и что в его распоряжении имеются два маленьких купе 1-го класса для генерала и тех, кто с ним поедет. Тогда я немедленно понеслась к моему отцу (тайному советнику в отставке) с просьбой одолжить для генерала его паспорт, что папа, конечно, и сделал, только, улыбнувшись, сказал: „А меня не повесят за это?” Больше я его не видела. Дома было решено, что я опять надену форму и поеду с генералом на случай, если что случится. Вечером Шуберский приехал за нами. Генерал был уже опять

у нас, и мы все отправились на Николаевский вокзал. Веденяпин ехал по паспорту Сергея Сергеевича со мной в купе, генерал с Шапроном. Купе были смежные, их соединяла уборная, и мы могли сообщаться, не выходя в коридор. Так как я велела горничной уложить все съедобное, то когда после бесконечного ожидания на запасном пути мы наконец отъехали, мы решили питаться, оказалось, что нет соли. Генерал сказал, что есть у него в чемодане, открыли — и первое, что я увидела, это был большой министерский конверт: „Его Высокопревосходительству Михаилу Васильевичу Алексею”. Мы только молча переглянулись... А потом проводник вдруг обращается к Шапрону, когда мы стояли в коридоре — „а Его Высокопревосходительство не желает выпить чайку?” — оказывается, он ездил проводником в Ставке. А в Орле, как генерал вдруг исчез, пока мы ели в буфете, оставив его одного в вагоне, — пошел отправить телеграмму вам в Смоленск, что он едет на юг! И все же доехали благополучно, ни разу нигде не спросили документов, не открыли ни одного чемодана!”

По приезде в Новочеркасск отец писал нам три раза, однако только последнее его письмо дошло, но уже тогда, когда вся наша семья была в Новочеркасске. Оно было написано 13-го ноября, а мы приехали в Новочеркасск 15-го. Оно было переслано нам позже. Отец писал:

„Прилагаю доверенность на получение содержания за ноябрь и все беспокоюсь, доходят ли до тебя мои письма, или по принятому порядку уничтожаются теперешними заправилами. По крайней мере, от тебя ничего не дошло до меня, и не случись разговора по аппарату с Колей, я так и оставался бы в

тяжелом сомнении, что творится у тебя. Но и разговор этот был более недели назад (то есть числа 6—7 ноября. — В. Б.)... Свои письма, хотя и короткие, послал 7 и 11 ноября”.

По аппарату Юза отец из Войскового Штаба Донского Атамана вызвал Ставку, ген.-квартирмейстера ген.-л. Дидерихса. В это время у Дидерихса как раз был мой брат, и Дидерихс позвал его к аппарату. Генералу Дидерихсу отец передал свое распоряжение об отправке офицеров на Дон и помощи им. Брату сказал о желательности сбора офицеров и желающих добровольно служить солдат на Дону, и просьбу, чтобы вся семья приехала в Новочеркасск, где, он считал, мы будем вместе и в большей безопасности. После этого разговора отец через ростовское отделение военного телеграфа передал в Ставку тому же ген. Дидерихсу для нас в Смоленск свои распоряжения и пожелания. Привожу эту телеграмму:

„Ставка. Генералу Дидерихсу. Прошу Михаила Константиновича передать по телефону в Смоленск Анне Николаевне следующее: говорил сегодня по аппарату с Колей; прихожу к убеждению, что лучше нам собраться здесь на юге, как-либо пробиваемся, взять с собою что можно, сдав остальное на хранение в склады, если такие в Смоленске имеются, ликвидировав денежные дела, получив от воинского начальника мой аттестат на жалование и копию письма Временного Правительства. Квартиру буду искать, если не найду здесь, переберусь в другие пункты Дона или Кубани. Все равно лично мне пока в центр приезжать не следует, жить всем вам в Смоленске, ввиду грядущих событий, нежелательно. Думаю, что сообщаемое составит наиболее вы-

годное решение, хотя и весьма неудобное по разорению дома. Алексеев”.

Сборы наши были недолгие, говорилось и считалось, что мы уезжаем на три месяца, но какое-то внутреннее чувство подсказывало, что уже больше никогда мы не вернемся в это свое гнездо. Это как-то смутно чувствовалось, но не говорилось. Хотя мы ехали на „три месяца”, а был ноябрь, но были уложены и взяты летние вещи и многое такое, что на три месяца брать не стоило. Дом оставался в полном порядке, в нем оставалась одна из сестер матери и вся прислуга.

Из Ставки на Дон собирався ехать целый ряд офицеров, а также однополчане брата из Гжатска. Ставка, благодаря ген.-кварт. Дидерихсу, распорядилась о вагонах. Из Гжатска был прицеплен один классный вагон и один товарный, в который были погружены офицерские лошади и сопровождавшие их солдаты. Солдаты ехали добровольно, им было предложено сопровождать лошадей до места назначения, а там по желанию — или остаться служить дальше, или получить документы и отпуск домой. По прибытии в Новочеркасск все эти солдаты — уланы, взяв отпуск, уехали по домам и уже больше не вернулись. Кроме одного, — вестового моего брата Аввакума Дорошенко. Он остался с братом, вошел в дивизион полковника Василия Сергеевича Гершельмана (тоже улана Его Величества), проделал 1-й и 2-й Кубанский походы, а после взятия Екатеринодара поехал домой на Украину, тогда находившуюся под немецкой оккупацией. Взял там свою семью — жену и двух детей — и вернулся с ними обратно. Дорошенко остался с братом до конца белой борьбы и эвакуировался вместе с войсками, а семья эвакуировалась раньше, вместе с нами из Но-

вороссийска в Сербию. К сожалению, он очень рано умер от рака, уже в Белграде, а семья его сейчас в Канаде.

Эти вагоны почему-то официально назывались для „отряда по охране персидской миссии” — где, какой, никому не было известно, это был, конечно, камуфляж. В Ставке их в шутку называли „Главкоперс”. Таких вагонов на юг прошло три, причем последний, с офицерами и 50-ю унтер-офицерами разных полков, ушел из Могилева в ночь захвата Ставки большевиками, в ночь того дня, когда был зверски убит ген. Духонин.

Эти вагоны, из Гжатска, проходили через Смоленск в предутренние часы, кажется, в 5 часов утра. Мы не ложились спать в эту ночь, и часы тянулись мучительно медленно. Я не помню, как мы ушли из дома, как за нами закрылась дверь навсегда. Ночь была темная, морозная, улицы пустые, только у хлебопекарни стояли длинные очереди. Было жутко и тоскливо.

Вагон был еще полупустой, и мы сразу легли спать. В Могилеве были в обед. Морозный, солнечный день. На перроне масса народа, уезжающих офицеров, и одиночек, и с женами, с семьями. Много провожающих, много знакомых. Наш вагон наполнился. Не только заполнились купе, но и коридор. В дальнейшем пути почти на каждой станции подбирали каких-нибудь офицеров. Так мы и ехали под флагом „персидской миссии”. В этом же вагоне с нами ехал однополчанин брата хан Нахичеванский, который, когда надо, показывал в окно свою кавказскую физиономию. Он легко мог сойти за перса.

Поздним вечером мы приехали в Новочеркасск. К нам в вагон пришел отец. Как велика милость Божья — после всех тревог, неизвестности мы опять вместе. Отец — странный, непривычный, в штат-

ском. Чужое штатское платье сидит на нем неуклюже.

Этот день — 15 ноября 1917 года — день официального основания Добровольческой Армии. В этот день ген. Алексеев выпустил свое воззвание с призывом записываться в армию для спасения чести, веры, родины — России.

С этого дня началось, как он сам говорил: формирование белой армии, начало борьбы за Россию, „мое последнее дело на земле”.

Генерал Богаевский описывает свою встречу в Новочеркасске с ген. Алексеевым:

„Затем я снова увидел его (Алексеева. — В. Б.) уже в Новочеркасске. Вскоре после моего приезда я зашел в его штаб на площади Никольской церкви. В жарко натопленной комнате сидел он за письменным столом, похудевший, осунувшийся, но все такой же деятельный, живой. Сердечно и тепло встретил он меня, вспомнил недавнее прошлое и сейчас же перешел к настоящему — формированию Добровольческой Армии — святому делу, которому он посвятил остаток своей жизни...

Много раз потом встречался с ним в Ростове, во время Ледяного похода, и опять в Новочеркасске, когда я был председателем Донского правительства. За это время я ближе сошелся с покойным своим учителем и проникся к нему еще большим уважением. Я преклонялся перед его глубоким патриотизмом, здравым смыслом всех его решений и распоряжений, безупречною чистотою всех его побуждений, в которых не было ничего личного. Он весь горел служением своей великой идее и, видимо, глубоко страдал, когда встречал непонимание или своекорыстные расчеты. Несмотря на свой возраст и положение, духовный вождь белого движения,

политический руководитель и организатор его , — он скромно уступал первое место Корнилову, своему ученику в Академии, а затем после его смерти и ген. Деникину”*

Привожу заметки отца из записной книжки конца октября — начала ноября 1917 года:

„Надо — где-то здоровый центр. Здесь собрать мощные умственные и культурные силы. Положение не безнадежно. Не в интересах мощных западных демократий распад России...

История — за образование здорового центра. Народ — психологически не может погибнуть. Он переживает великие социальные, земельные революции в виде анархических захватов. Народная душа должна вернуться к здоровому началу.

В России есть большие интеллектуальные силы, с которыми нельзя не считаться.

Где же центр — Юго-Восток. Сюда подтянуть все интеллектуальные силы России. Задача главная колоссальная, безмерная. Здесь все силы должны быть на учете...

На днях *факты*: Объявление Юго-Восточного Союза — обладает государственным суверенным правительством. Право самостоятельного государства. Пред. и изоляция от финансовой разрухи России. Право выпуска государственного займа. Благоприятное территориальное положение, богатство природы, ценности — обеспечение кредита.

Привлечение культурных сил военных и других. Если это желательно и ценно, то многие сотни лиц посвятили бы свои силы и знания на насаждение профессионального образования. Эти же силы, кро-

* Воспоминания ген. А. П. Богаевского. 1918 год. „Ледяной поход”, Нью-Йорк, 1963, сс. 37—38.

ме педагогической помощи: новое управление на начале народоправства. Нужно войти в контакт с низами народных масс.

Пресса для данного момента не может высказаться в России: газеты закрываются, терроризирована свобода общественного мнения. Здесь нужно развить общественное мнение... Это и возможно и должно...

Нужно привлечь на свою сторону местное крестьянское население. Создать прочное государство. А там разграбленное. Ленины уйдут.

Отношение к Учредительному Собранию — уклониться нельзя.

Три случая: идти на Россию спасать, отмежеваться от остальных, идти по пути рады украинской. Лучше всего до перелома 2-й путь, обождавать просветления народа, который примкнет... Пока же создавать силы: войсковые, промышленные, духовные, просвещение.

Пригласить можно представителей общественных организаций.

Никаких блоков, соглашений с партиями. Сила, к которой прирастут области.

Средства — заем, а не помощь.

Не порывать с политической жизнью всего государства. Идем в помощь государственной власти, а не отнимаем ее.

Учредительное Собрание — идем''.

В дальнейшем в записной книжке есть запись:

„1) Общая идея — организация правительства там, где хлеб, припасы.

2) Иначе всякое правительство беспочвенное, бес- сильно.

3) Только Юго-Восток может организовать такое правительство. Голод севера.

4) Здесь должен быть центр, источник порядка, спокойствия. Отсюда развитие тех же начал на соседей.

5) Союз казачьих областей. Его задачи, его территориальный состав.

6) Его объединенное правительство. Отношение к областным правительствам.

7) Средства Союза, материальные и вооруженные силы.

8) Моральные силы вождей и народа.

9) Слабые стороны: крестьянский земельный вопрос, развал частей на фронте.

10) Возможные действия Союза.

11) *Выводы*: Пожелания Союза, его осторожность. Использование средств Союза в общегосударственном смысле. В общем, пассивность, желание заняться *своими делами*".

О Юго-Восточном Союзе отец подробно пишет генералу М. К. Дидерихсу из Новочеркасска 8 ноября 1917 года*:

„Пришлось уходить из Петрограда. В Смоленск нельзя было попасть. Поехал в Новочеркасск, имея в виду не только найти временный приют, но и начать работу, если только это окажется возможным. Вы, вероятно, знаете, что заключен союзный договор Юго-Восточного Союза. Экземпляр этого договора я Вам прилагаю. Моя мысль, развитая и дополненная некоторыми прибывшими из центра деятелями, такая: юго-восточный угол России — район

* Это письмо генерала М. В. Алексеева было опубликовано в „Белом Деле", т. 1, 1926, сс. 77—82, а также в труде Ген. Н. Н. Г о л о в и н а „Российская контрреволюция в 1917—18 гг.", часть II, книга 4-я. Приложение к „Иллюстрированной России" в 1937, сс. 48—56. — Прим. ред.

относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы, кроме — в известной мере — угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; на Кубани и Тереке хороший урожай. Здесь, если теперь же приложить капитал, энергию, знания, временно оказавшиеся ненужными для центра и севера, можно толкнуть вперед промышленность, удовлетворить потребности не только нуждающегося во всем местного населения, но поделить с соседними губерниями, не принадлежащими к Союзу, создавая тем и для них условия наступления порядка и нормальной жизни. Как от масляной капли, начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности. Такова ближайшая цель *экономическая*. Цель более отдаленная — дать краю стать на ноги, чтобы, по заключении мира, он оказался способным отбиться от немецкого капитала, промышленной предприимчивости, тевтонского натиска для мирного завоевания. Из этой цитадели — должна затем начаться борьба за экономическое спасение наше от немца, при участии капитала англо-американского.

Под покровом силы промышленно-экономической и порядка здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосударственную. Это — цель политическая, которая в своем осуществлении не должна быть откладываемой далеко. Нужно образовать, однако, силу, на которую эта власть могла бы опереться.

Пользуясь пока некоторым моральным престижем и всеобщим убеждением, что казачьи области имеют достаточную силу не только для обороны, но и для активных предприятий, то есть, пользуясь видимой недосыгаемостью и безопасностью, присту-

пить здесь к формированию реальной, прочной, хоть и небольшой реальной силы, вооруженной для будущей активной политики. Элементы имеются: много офицеров, часть юнкеров и гардемарин из разгромленных училищ, не потерявшие честную душу солдаты, наконец, добровольцы. Первоначальное формирование — на частные пожертвования, но, по мере готовности, — принятие на общий бюджет, ибо благотворительность не может дать всего необходимого.

Вот схема начинающейся работы. Работа пока чуть теплится, так как приток средств скуден, русский человек не хочет рисковать и жертвовать ничем.

Пока я писал эти страницы, сюда дошла пресловутая телеграмма Ленина и Троцкого ко всем, заключающая поручение заключить перемирие. Союзники, конечно, ответят молчанием; противники используют это нелепое сепаратное выступление в своих интересах; наша современная „доблестная“ армия может ответить стихийным движением „по домам“. Но все это не изменяет, по моему мнению, общей схемы спасения России и ее остатков.

Теперь кратко изложу Вам результат изучения в течение недели общего положения моральных и физических сил казачьего союза. Общая, резко выраженная, тенденция всех стоящих во главе и влиятельных, виднейших советников: задача союза — внутреннее благоустройство, удержание порядка и спокойствия, внешние предприятия исключаются: „завоевание“ России казакам „не по силам“. Крайняя осторожность положена в основу всех решений. Но по части экономической — мысль о необходимости скорейшего крупного займа является более или менее общей. Намечавшаяся прошлыми деятелями осторожная мысль о создании при военно-

промышленном комитете комиссии совещательного характера, получила более смелое, а главное более быстрое осуществление в виде органа правительства — „экономического совещания”, которому я склонен придавать большое значение, и не только промышленно-экономическое, но и политическое, а следовательно, косвенно и военное. К работам этого совещания, думаю, будут привлечены и выдающиеся деятели центра.

Военные наличные силы казачьего союза действительно ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям (угольно-рудный район, Ростов, железные дороги). С ними на внешние предприятия идти, конечно, нельзя. Возвращаемые с фронта части, особенно Донские, заражены немногим меньше, чем „товарищеские”. Нужно время, прежде чем на месте старый прочный казачий элемент успеет выколотить навешанную дурь в голове более молодых казаков. Настроение же местной пожилой массы — государственное: она стоит впереди своих вождей, будучи убеждена, что она обязана так или иначе спасти Россию. Но это настроение пока не может повлиять на правительство, которое, кстати сказать, в виде общего „объединенного” еще не создано и создастся, по-моему, не без трений, как не без трений пойдет и первоначальная его работа. Хорошо будет, если от него изойдут энергичные меры по развитию материального благосостояния, удовлетворению насущнейших нужд населения, по поддержанию безусловного порядка, по сохранению своего престижа в глазах „Временного Правительства” и по обеспечению возможности формирования прочных частей. Все это не останется без влияния на общее положение дел государства, на работу текущую и на последующее исполнение задачи по спасению государства.

Задача последняя разветвляется на две основные: *политическую* — печать, пропаганда, агитация, обработка умов, внушение побольше смелости, специальная работа в отношении „рады”; *военную* — подготовка войсковых частей, усиление казачьих. *Политическая* часть требует крупных денежных средств и большого числа идейных и умных работников. Для последней цели завязываются сношения с организациями, отдельными лицами. Приток денежных средств, как я говорил, пока ничтожен. Но верится, что, когда увидят приступ к серьезному делу, дадут. *Военная* часть требует тоже денег, но, кроме того, общего плана, общей помощи, крупной работы. Если штаб основных работников должен быть создан на территории казачьих войск, то тайные официальные отделения его должны существовать в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове и других центрах. Если главные силы должны создаваться здесь, то местные организации, возможно по обстановке сильные, нужно образовать в тех же центрах. Офицеры, студенты, интеллигенция должны составить контингент. Если в Москве этот элемент оказался раздавленным, то только потому, что он не имел совершенно предварительной организации, не был никем управляем и, наконец, по видимому, прямо продан полк. Рябцовым. Этим уроком нужно хорошо воспользоваться.

Перехожу теперь к организации и сбору сил здесь для будущего удара, шире и деятельнее подготовленного мерами политическими.

Прежде всего нужно направить все, что можно, под благовидными предложениями с фронта, так, например:

1) Для формирования все чешско-словацкие полки, которые охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения России. Некоторые связи установлены;

в скором времени они получают дальнейшее развитие. Если Вы можете оказать содействие к переводу под тем или другим предлогом, то положите прочное начало к созданию здесь реальной силы.

2) Георгиевский запасной полк, формировавшийся в Киеве, рассыпался. Но офицерский состав с ничтожным числом солдат прибыл сюда. Он послужит кадром. Послал командира сговориться со Ставрополем, жаждущим получить прочную часть для защиты населения. Узаконьте формирование такого, якобы запасного полка в Ставрополе, и формирование крупной части обеспечено.

3) Если бы можно было рассчитывать на перемещение чехословаков, то командирование от них офицеров было бы полезно для изучения условий расположения.

4) Нужно освободить область от совершенно большевистских запасных полков, или расформировав их, или безоружными потребовав на фронт. Здесь они ничего не делают, являются источником постоянной тревоги, опасения, и в полном смысле не только не полезны, но вредны и опасны. Вывод их освободит помещения и даст хотя и небольшое количество винтовок.

5) Частным почином Киевское Николаевское артиллерийское училище переезжает на территорию Союза. Но материальная часть осталась в Киеве. Нужно это вызволить от рады и передать в училище. Это будет остов и инструкторский отдел артиллерии.

6) Изучить вопрос о польских войсках. Хотя, мне думается, они уклонятся от участия в этом деле.

7) Затем нужно приступить к созданию из тех элементов, на которые указал, новых частей на прочных началах дисциплины и порядка. Наплыв офицеров и юнкеров только сдерживается пока чисто искусственными мерами, невозможностью

без подготовки и средств наводнить Новочеркасск. Но затем число желающих будет значительно. Нужно будет начать извлечение из частей честных, желающих солдат и прибегнуть к добровольцам. Сколько формировать таких частей, нужно бы сговориться, условиться, изучив вопрос совместно с Вами.

8) В то время когда в деле снаряжения, обуви, отчасти обмундирования здешний военно-промышленный комитет, отчасти вновь формируемый военно-технический отдел „экономического совещания” пойдут навстречу этим вновь формируемым частям, в деле вооружения на месте сделать ничего нельзя, и все может быть создано только Вами и УпАртом, отчасти ГАУ и ГВТУ*.

9) Дело в том, что существует Новочеркасский Артиллерийский склад, правда, с ничтожным личным составом и с полным отсутствием каких-либо запасов. ГАУ в начале октября своим попечением направило в этот склад 10 тысяч винтовок из Петрограда и 12000 винтовок из Москвы. 1-я партия заведомо разграблена; о 2-й никаких вестей нет, надо думать, подверглась той же участи. Надо повторить наряд, вытребовать приемщиков и конвой. Довести наряд до 30 тысяч винтовок на первое время.

10) Нужны пулеметы. Ко всему этому побольше патронов, так как на богатстве (так в оригинале. — Р е д.) запасов здесь будет главным образом зависеть питание.

11) Нужно направить 4—5 местных артиллерийских парков с артиллерийскими патронами в виде резерва для Кавказской армии. Здесь даже наличная артиллерия не имеет боевого комплекта.

* УпАрт — Управление Генерал-Инспектора Артиллерии; ГАУ — Главное Артиллерийское Управление; ГВТУ — Главное Военно-Техническое Управление.

12) Для батарей, здесь формируемых, нужно направить орудия и материальную часть. Лучше, быть может, расформировать что-либо существующее. Амуницию и конское снаряжение можно обеспечить на месте.

13) Для ручных гранат здесь изготавливаются только оболочки. Нужно снаряжение доставить.

14) Все это нужно направлять в местный Артиллерийский Склад.

15) Не можем на месте дать телеграфного имущества, котелки, походные палатки, части шанцевого инструмента.

16) Обоз, походные кухни, сбрую... можно в большей части потребовать заготовить на месте.

Создавая организации в центре, нужно подумать о сосредоточении для них оружия и патронов, а то и наличные офицеры в Петрограде, могшие принять участие в обороне Зимнего Дворца, остались без всякого оружия, а в Москве не имели достаточного количества патронов. В результате — гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная.

Вот краткий набросок предположений, мечтаний, пожеланий. От мечтаний в некоторых направлениях перейдем к делу, но в вопросах организационных нужно соглашение с Вами и совместная разработка плана. Нужно заботливо собирать оружие.

Привходящий частный вопрос. В Астраханском казачьем войске предположено формирование 6—10 конных полков калмыков. Сколь и какого оружия могут получить они? Инструкторов офицеров найдем из числа ныне выброшенных милыми „товарищами”.

Повторяю, что начальный период формирования надеюсь провести на средства, которые будут даны лицами, организациями, но нужно определить время и порядок перехода в состав вооруженных сил,

состоящих в ведении штаба Верховной Главнокомандующего. Иначе может настать минута, когда нечем будет кормить и содержать собранных, и все дело рухнет. — Как видите, прежде чем начинать развивать дело, нужно многое разработать совместно. Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиваться. Само собой ничего не произойдет при той степени развала, до которого его довели представители Временного Правительства и деятельность большевизма. Только энергичная, честная работа всех, сохранивших совесть и способность работать, может дать результаты. Нужно поставить дело так, чтйбы получить возможность повести за собой местных здешних деятелей. Они пойдут. В них проснется общегосударственная точка зрения. Но сами они не начнут, равно не пойдут только со своими силами. (...)

Слабых мест у нас много, а средств мало. Давайте группировать средства главным образом на Юго-Востоке, проявим всю энергию, стойкость. Если позорно окончится война, то с этим не окончатся страдания России, разложения ее на части. Откуда-то должно будет идти спасение от окончательной гибели политической и экономической. Юго-Восток имеет данные стать источником такого спасения. Но его нужно поддержать, спасти самого от потрясений. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжиданием. Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и погибнуть со спокойной совестью”.

15 ноября, с согласия атамана генерала Каледина, было выпущено воззвание, призывающее желающих записываться в ряды „Алексеевской организации”. Тогда же на Барочной улице № 36 (в помещении лазарета № 2, освобожденном от раненых)

было открыто бюро записи. В этом бывшем лазарете сохранился персонал и хозяйственная часть. Там была организована столовая. Как говорили, это помещение стало колыбелью Добровольческой Армии.

Хотя атаман Каледин всецело и разделял цели и намерения генерала Алексеева, но, в силу царящих тогда настроений в казачьих кругах, просил их не афишировать. В силу этой причины, прибывающих на Барочную офицеров, юнкеров, солдат зачисляли как раненых и выпускали в город по запискам старшего врача.

Отец постоянно бывал на Барочной и по своей традиции — обедал там с тем, чтобы войти в связь с прибывающими, чтобы вдохнуть в них веру и надежду.

Отец часто, особенно после обеда или ужина, собирал около себя наличных офицеров, юнкеров, кадетов и вел с ними беседу о создавшемся в России положении, о долге каждого любящего родину и о целях их сбора здесь.

В книге „Марковцы” полковник Павлов приводит одну из таких бесед:

„13 декабря генерал Алексеев произвел смотр 5-й роте, переименованной в 1-ю. Обойдя строй роты, генерал Алексеев собрал вокруг себя офицеров и обратился к ним с речью. Он говорил о том, что в охватившем Россию мраке мы являемся той светлой искрой, которая, постепенно развиваясь, осветит наконец всю Россию. Он говорил о невозможности рассчитывать на какую бы то ни было поддержку со стороны и о необходимости полагаться только на свои силы. Он указывал на то, что собравшиеся здесь офицеры — это кадр возрождаемой Русской Армии, и требовал напряжения, дабы быть

на высоте положения. Далее генерал Алексеев обратил внимание на необходимость соблюдения добрых отношений к казакам, так как мы пользуемся их гостеприимством**.

В бумагах отца сохранился конспект одной из таких бесед:

„В исключительно тяжелую пору собрались мы сюда. Никогда в историческом прошлом России наша родина не переживала того горя, унижения, нравственного падения, как ныне. Никогда государство, полное, казалось, нравственной мощи, физической силы, не растрачивало так быстро своих культурных богатств, накопленных нашими предками, дедами и отцами, как мы.

Молодая, слабая, разрозненная Русь пережила тяжелое татарское нашествие. Исчезли с лица земли цветущие города, где занималась жизнь, зачатки культуры, там зашумели лишь дремучие леса...

Умерло, казалось, государство, но не умер народ, жива была его вера в Бога, его душа, его любовь к своему родному краю, в нем билось русское сердце, его не покинула мысль свергнуть иго, вернуть свободу.

Пережила Русь и лихолетие смутного времени. Погибало все: исчезла сила сопротивления народа, не видящего поддержки в своем правящем классе. Но и в эти тяжелые дни дух народный не погиб, мощно жило стремление к самостоятельности, была готовность жертвовать достоянием своим, высшим благом — своей жизнью.

Не то теперь. Наш враг через своих наймитов, набранных из русских изменников, из преступников, из элементов, для которых сила, мощь России были

* В. Е. Павлов. Ук. соч., т. 1, с. 58.

грозны и опасны, растлили Бога, вытравили понятие о родине, заставили забыть любовь к этой родине.

Но вот, среди бушующего моря низких стремлений, упадка народной доблести, образовался островок, где спаслось все доблестное, честное в душе человека. На этом островке жива вера в Бога, сознание родины, любовь к ней, понятие, что жизнь без чести, без идеалов, без готовности погибнуть и жертвовать собой — есть жизнь позорная, чисто животная...

Поставим нашим великим идеалом — спасение родины от того глубокого падения, до которого дошла она. В этом стремлении почерпнем мужество, честность, отдадим наши силы, жизнь на достижение цели.

Отбросим несвоевременную мысль — на какой политической платформе мы стоим. Трудно говорить, какой стиль придадим мы зданию, материал для которого объят пламенем. Спасите материал, а Учредительное Собрание определит, какой зодчий создаст здание.

Не верьте гнусным наветам, что где-то зреет черносотенная мысль...

Спасти, возродить когда-то великую, почти умирающую родину — вот единственная цель, путеводная звезда. Только чистые, честные намерения наполняют душу тех, кого сила обстоятельств заставляла руководить этим делом..."

Формирование шло туго, хотя приток добровольцев увеличивался, но становился все труднее и опаснее проезд, так как на многих узловых станциях большевики производили проверку документов, а то просто арестовывали всех, в ком усматривали офицеров или просто интеллигентных людей. Толь-

ко мужество и находчивость помогали многим спастись; но немало гибло от большевистских пуль.

Сразу по прибытии в Новочеркасск после свидания и разговора с ген. Калединым, получив его согласие на формирование добровольческих частей из спасающихся и прибывающих на Дон офицеров, ген. Алексеев начал рассылать во все концы России извещение о начале формирования противобольшевистских сил и призыв вступать в их ряды.

Выезжая из Петрограда, ген. Алексеев отдал распоряжение полк. Веденяпину: „Начать отправку добровольцев немедленно”, — как только от него будет получена условная телеграмма. И вот после получения согласия атамана Каледина в Петроград была послана эта условная телеграмма, гласившая, что формирование начато.

Из Петрограда прибыл шт.-капитан Парфенов с несколькими офицерами; почти весь состав юнкеров Константиновского артиллерийского училища с некоторыми своими курсовыми офицерами; небольшие группы юнкеров Михайловского артиллерийского и Николаевского кавалерийского училищ; довольно большая группа гвардейских офицеров; наш „персидский отряд” дал возможность сразу сформировать основу „отряда полк. Гершельмана” (полк. Гершельман — тоже офицер л.-гв. Уланского Его Величества полка) — это первая кавалерийская часть Добровольческой армии, которая приняла участие во всех первых ее боях. Все прибывшие пехотные офицеры сосредотачивались в Сводно-офицерской роте, первым командиром которой был назначен шт.-кап. Парфенов. Эта первая добровольческая часть развернулась впоследствии в 1-й пехотный генерала Маркова полк.

Но кроме всех этих людей, пробравшихся в одиночном порядке, на Дон прибыл Корниловский

ударный полк, конечно, не в полном его составе. После большевистского переворота на фронте командир полка полк. Неженцев отдал приказ о роспуске полка, а неофициальный приказ по полку — ехать на Дон, куда, как известно, собирался и ген. Корнилов. На Дон доехало около четверти состава полка.

Кроме того, из Киева прибыл, тоже в довольно большом составе, 1-й Запасный Георгиевский полк. Разместить его в Новочеркасске не было возможности, так как казармы были заняты запасными батальонами, разложившимися, но вооруженными. Решение было попытаться разместить Георгиевцев в Ставрополе.

О прибытии этого полка в Новочеркасск отец сообщает атаману Каледину письмом от 15 ноября 1917 года:

„Кадр 1-го запасного Георгиевского полка, формировавшегося в Киеве и распавшегося в дни беспорядков в этом городе, прибыл в Новочеркасск, вынужденный покинуть Киев по предложению „рады“.

Командир полка донес телеграммой Штаверху (Штабу Верховного Главнокомандующего. — В. Б.), что прибыл для формирования полка в Новочеркасск. О том же им донесено и начальнику 3-й запасной пехотной бригады, которому полк был подчинен непосредственно.

Оружие и все имущество полка частью оставлено в Киеве, частью передано командиром полка другим частям.

Командированный в гор. Ставрополь командир полка получил согласие этого города на формирование части в этом пункте с отводом ему оборудованных помещений и предоставления некоторых средств на устройство.

Полагалось бы в ближайшее время отправить в Ставрополь наличность офицеров и юнкеров. Для этого нужен наряд поезда. Число отправленных будет доставлено дополнительно.

Наличный состав нужно отправить вооруженным. Для этого нужно предоставить полку до 250 винтовок системы ГРА, взяв их из запасных полков области. Это необходимо как для безопасности самого полка, так и для того, чтобы с 1-го дня прибытия кадр послужил твердым оплотом порядка для города (телеграмма губернскому комиссару 12 ноября № 8656).

Затем необходимо:

1) Снестись со штабом Кавказского округа о прибытии, задачах полка, прося содействия для пополнения.

2) Просить об отпуске полку из Георгиевского Союза винтовок и из Тифлиса пулеметов.

3) Просить согласия Главнокомандующего Кавказским фронтом на оставление формируемого полка в ведении Войскового Атамана Войска Донского на случай необходимости обеспечения порядка, особенно в Донецком шахт. бассейне.

4) Если бы было признано возможным, высказать Кавказскому начальству просьбу о расформировании расположенного в Ставрополе Запасного пехотного полка, опасного для населения, бесполезного и вредного для армии”.

В это время предполагалось также перевести все добровольческие части и все формирование армии в Ставрополь. Хотя атаман Каледин был всецело на стороне генерала Алексеева и его дела, но на него напирала левые круги войскового правительства, которые не доверяли генералу Алексееву. Постоянно шли запросы и вопросы: „зачем, почему, необходим контроль”.

После возвращения командира Запасного Георгиевского полка из Ставрополя с известием, что город принимает полк, переезд был почти решен. Но в это время произошло восстание в Ростове, казачьи части были малочисленны, а частично ненадежны, и Атаман обратился к генералу Алексееву с просьбой помочь очистить Ростов. На просьбу Атамана генерал Алексеев ответил: „Дорогой Алексей Максимович, все, что у меня есть, рад отдать для общего дела”. Таким образом, пребывание Добровольческой Армии на территории Войска Донского стало официальным и даже желательным.

Посылал генерал Алексеев „гонца” и на Румынский фронт к его командующему генералу Щербачеву, очень сочувственно отнесшемуся к призыву генерала Алексеева. Началось формирование, желающих оказалось много, так что у генерала Щербачева родилась надежда, что он сможет в Румынии сформировать из добровольцев крупные и надежные части и начать борьбу оттуда. Однако этому очень решительно воспротивилось румынское правительство, и генералу Щербачеву пришлось отменить свой приказ. Не подчинился этому приказу лишь волевой и энергичный полковник Дроздовский и объявил, что продолжает формировать отряд для похода на Дон и соединения с Добровольческой Армией. Однако не все записавшиеся у генерала Щербачева офицеры вошли в состав отряда полковника Дроздовского. Таких героев оказалось немногим больше 1000 человек, с которыми полковник Дроздовский проделал свой знаменитый поход Яссы–Дон. С боями, он пришел на Дон в апреле 1918 года. На Пасху отряд Дроздовского помог восставшим донцам выгнать большевиков из Новочеркасска, а затем соединился с Добровольческой Армией.

В Ростове было открыто бюро записи добровольцев, но Ростов и Нахичевань дали их мало. Обычным вопросом многих, приходивших в бюро, был: „Что даст Добровольческая организация?“. На него мог быть лишь один ответ: „винтовку и пять патронов“, и предупреждение для задумавшихся, что от большевиков можно получить пулю в затылок. Ответ не удовлетворял, а предупреждению не верили. Не верили, так как большевики в Ростове не трогали соблюдавших „нейтралитет“ офицеров.

Был в Ростове сформирован и Студенческий батальон, в который вошли студенты, семинаристы, ученики старших классов средних учебных заведений. Нашлось несколько сот молодых людей, горевших истинной любовью к родине.

Первое время по приезде в Новочеркасск генерал Алексеев жил в вагоне, предоставленном ему атаманом Калединым на запасных железнодорожных путях. Вагон охраняли юнкера, однако это не помешало как-то ночью едва не увезти его. К вагону однажды уже был прицеплен паровоз, и только благодаря юнкерскому караулу удалось предотвратить беду.

Когда приехала наша семья, то нам фактически негде было устроиться. Город еще жил прежней патриархальной жизнью, никто не хотел сдавать комнат, никто не хотел пускать к себе „чужих“. С большим трудом, даже не знаю каким чудом, именно генерала Алексеева с семьей приняли к себе казаки — старoverы — купцы, отдали нам пустовавшие комнаты бывшей своей конторы. У родителей была отдельная, — правда, очень маленькая — спальня, в передней была канцелярия и приемная, где стоял письменный стол и два-три стула, затем комната, где жил адъютант отца ротмистр Шапрон и троюродный брат — молодой врач, без которого,

по состоянию своего здоровья, отец не мог обходиться.

Отец никогда не любил пользоваться и не любил иметь адъютантов, и они при нем числились только номинально, но, начиная с дней большевистского переворота в Петрограде, вышло как-то само собой, что ротмистр Шапрон стал его адъютантом, и он был действительно единственным адъютантом отца до самой его смерти.

За этими комнатами находилось большое помещение, когда-то являвшееся складом, а у нас там была устроена столовая. За перегородкой жили сестра и я.

В комнате у ротмистра Шапрона всегда днем дежурили два юнкера, которые выходили на звонки, открывали двери, докладывали отцу, кто пришел, принять ли его или не принять... Впрочем, я не знаю, были ли такие люди, которых отец не принимал. Ротмистр Шапрон и брат старались всегда сопровождать отца, чтобы он никуда не выходил один. Однако отец часто, как они говорили, „удирал” от них. Но после одного случая было решено создать более солидную охрану. Как-то вечером отец возвращался пешком с какого-то заседания у Атамана. Ротмистр Шапрон и брат шли сзади по слабо освещенным улицам. Брат увидел, как перед ними выросла солдатская фигура, вскинула винтовку в направлении отца, щелкнул затвор... В одну секунду ротмистр Шапрон и брат схватили этого солдата, выхватили у него винтовку, отвели его в комендантское управление. Отцу пришлось согласиться на составление его „личной охраны”, он просил только назначить в эту охрану самых молодых добровольцев, и таким образом появились „мои мальчишки”: кадет 5-го класса Орловского-Бахтина корпуса князь Василий Накашидзе, Морского Корпуса гардемарин

Анатолий Розе, лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка прапорщик Георгий Брак и Новочеркасского Военного училища юнкер Петр Григоревский, остававшиеся при отце до его смерти и проделавшие с ним 1-й Кубанский поход.

Запись отца от 16 ноября 1917 г. Неясно — обсуждались ли эти заметки с генералом Калединым или были сделаны для себя:

„1) Война до крайности во имя чести России и верности союзникам.

2) Засилие эсдеков в армейских комитетах и армиях заставили опереться на них и поставили Ставку в зависимость от них (?)

3) Союзники будут продолжать войну. Возможность присылки в феврале-марте 1918 г. английских, американских, японских войск.

4) Внутреннее положение Германии тяжелое. Большевизм коснулся и немецкой армии. Запрещено братание. Возможность в Германии социальной революции”.

22 ноября в 7 часов вечера отец в сопровождении ротмистра Шапрона выехал в Екатеринодар. Оба переоделись в штатское и оба ехали с фальшивыми паспортами. Поездка по железной дороге была рискованной, везде шла проверка документов, везде снимали с поездов и арестовывали „подозрительных”.

Но отец хотел войти в личный контакт с кубанским атаманом полк. Филимоновым и с Кубанским войсковым правительством. Главными вопросами были формирование боеспособных частей, а также организация на Кубани органов Юго-Восточного Союза, в который Кубань вошла. Там же, в Екатеринодаре, была назначена встреча и с Терским атаманом Карауловым.

23 ноября они благополучно прибыли в Екатеринодар, где ген. Алексеев сразу же повидался с атаманом, но беседа их была, как записывает отец, чисто совещательного характера. В 7 часов вечера состоялось заседание объединенного Кубанского правительства во главе с Макаренко. 24-го вечером состоялось второе заседание, где обсуждали и конкретные дела и вопросы, как, например:

1) Организация военных сил на территории Союза, не только казачьих, но и других.

2) Нужно единение по всем вопросам гражданского управления Союза.

3) Большую тревогу вызывает предстоящая демобилизация Кавказской Армии, части которой неудержимой лавой, причем недисциплинированной, потекут через Терек и Кубань в Россию, а часть будет расформировываться на их территории. Необходимо выработать план.

4) Охрана железных дорог, как теперь, так и при демобилизации.

24 декабря генерал Корнилов официально вступил в командование Добровольческой Армией, а 27-го выпустил Воззвание, в котором говорил о целях Добровольческой Армии:

„Создание организованной вооруженной силы, которая могла быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию... Первая непосредственная цель — отстоять руку об руку с доблестным казачеством Юг и Юго-Восток России... Новая Армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного Собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населе-

ния. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным Собранием”*

30 декабря в Новочеркасске состоялся съезд представителей „иностранного” населения области. Съезд этот вынес резолюцию „о разоружении и роспуске контрреволюционной Добровольческой Армии, борющихся против наступающих войск революционной демократии”.

Донское (уже паритетное) правительство, пользовавшееся помощью добровольцев для защиты границ области, искало компромисса, и атаман Каледин обратился с просьбой к генералу Алексееву в личной беседе с представителями „демократии” рассеять все сомнения о „контрреволюционности” Армии.

Генерал Алексеев приехал в Новочеркасск из Ростова, и 18 января „...беседа состоялась в кабинете М. П. Богаевского (помощника Атамана) на заседании Войскового Правительства, на которое был приглашен председатель Областной Управы В. В. Брыкин... Когда прибыл генерал Алексеев, то заседание открыл Богаевский, изложив... как цели и задачи, преследуемые Добрармией, так и особенно отметив ту помощь, которая была оказана Добровольцами при взятии Ростова и защите границ Дона”.

Затем генералу Алексееву был предложен ряд вопросов и главным образом Брыкиным**. Наст-

* Генерал А. И. Д е н и к и н. Очерки Русской Смуты. Т. II. Изд. Поволоцкого, Париж, 1922, сс. 198—199.

** Полный протокол этого совещания содержится в книге ген. Н. Н. Г о л о в и н а „Российская контрреволюция в 1917—1918 гг.”, ч. II, книга 5-я. Приложение к „Иллюстрированной России”, 1937, сс. 56—62.

Впервые этот протокол был опубликован в „Донской волне” от 24 марта 1919. — Прим. ред.

роение известной части правительства было сухо сдержанное.

„Съезд крестьян поручил нам, — начал В. В. Брыкин, — всесторонне ознакомиться с организацией, деятельностью и задачами Добровольческой Армии. В интересах полной осведомленности позвольте, генерал, задать вам ряд вопросов.

— Какова история возникновения Добровольческой Армии.

Спокойно и мягко взглянув на говорившего, быстро взглянув на свою записную книжку, генерал ответил:

— В октябре месяце в Москве был организован Союз Спасения Родины. Организаторами этого Союза являлись главным образом представители кадетской партии. Этот Союз поручил мне дальнейшую организацию дела спасения Родины, всеми мерами и средствами, для каковой цели я и приехал на Дон, как единственное безопасное место, куда стали стекаться беженцы.

— Если у вас, генерал, существует, как вы говорите, контакт с демократическими партиями, то почему члены вашей армии нисколько не стесняются открыто выражать свое презрение к демократическим организациям, допуская в своих разговорах такие выражения, как „совет собачьих депутатов” и прочее.

На одно только мгновение что-то ироническое мелькнуло в глазах генерала, и раздался ответ:

— Прежде, чем судить добровольцев, нужно вспомнить, что они пережили и переживают. Войдите в их психологию, и вы поймете происхождение этих разговоров. Ведь 90% их буквально вырвалось из когтей смерти и, по приезде на Дон, не оправившись еще от пережитого, вынуждены были вступить в бой с советскими войсками. Из трех ночей

им приходится спать только одну. Кроме того, я не понимаю, почему это вас так волнует: ведь Добровольческая Армия не преследует никаких политических целей. Члены ее при своем вступлении дают подписку не принимать никакого участия в политике и заниматься какою бы то ни было политической пропагандой.

— А скажите, генерал, откуда вы получаете средства для существования.

— Средства — главным образом национального характера и добываются путем добровольных пожертвований от частных лиц. Кроме того, не скрою от вас, что некоторую поддержку мы имеем от союзников, ибо, оставаясь верным до сих пор союзным обязательствам, мы тем самым приобрели право на эту с их стороны поддержку.

— Скажите, пожалуйста, генерал, — раздается все тот же сухой голос Брыкина, — даете ли вы какие-либо обязательства, получая эти средства.

Генерал М. В. Алексеев всем корпусом повернулся в сторону говорившего и медленно, отчеканивая каждое слово, произнес:

— При обыкновенных условиях я счел бы подобный вопрос за оскорбление, но сейчас, так и быть, я на этот вопрос вам отвечу:

Добровольческая Армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели Спасения Родины — ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ АРМИЮ КУПИТЬ НЕЛЬЗЯ...”

*

В середине января управление Добровольческой Армии, ее Штаб с генералом Корниловым во главе — перешел в Ростов.

Один из ростовских „тузов”*, много вообще помогавший Армии, предоставил в распоряжение Штаба Армии свой новый дом, как его называли, „Парамоновский дворец”. Переехал вместе со штабом и генерал Алексеев. В этом „Парамоновском дворце” разместились все учреждения Штаба, а также имели свои комнаты и генералы Корнилов, Алексеев и их ближайшие помощники.

Вместе с отцом уехал в Ростов брат, племянник отца — молодой врач и с ним муж сестры. Мы — женская половина — оставались в Новочеркасске, но ненадолго.

Приток добровольцев из России все более затруднялся, возвращающиеся с фронта Великой Войны донские полки расходились по станицам, не желая встать на защиту Дона.

Маленькие части Добровольческой Армии и несколько небольших партизанских отрядов казаков доблестно и героически отстаивали пределы Дона. Но кольцо постоянно сжималось. Руководителям Армии надо было считаться с тем, что Ростов удержать не удастся, а самое главное — надо было спасти единственное ядро русской государственности. Так зародилось решение уходить в степи.

В эти дни, второй половины января 1918 года, отец, озабоченный нашей судьбой — жены и двух дочерей, — решил, что мы будем в большей безопасности в какой-нибудь станице. Согласиться на наше присутствие в Армии во время степного похода он не мог по двум причинам:

1) подвергнуть жену и детей всем превратностям необычайной военно-походной жизни без тыла, без

* Речь идет очевидно о Н. Е. Парамонове, близком к руководству партии Народной Свободы, возглавлявшем „Экономический совет” при Войсковом Правительстве ген. Каледина. — Прим. ред.

базы, в полной неизвестности и лишь с надеждой на спасение только по милости Божьей.

2) И Корнилов и Алексеев не могли позволить себе, как и своим ближайшим сотрудникам, да и рядовому офицерству, иметь семьи при себе.

К нам в Новочеркасск приезжал муж сестры и передал нам просьбу отца — уехать в какую-нибудь станицу. Один из братьев наших хозяев в Новочеркасске согласился отвезти нас в станицу Мелиховскую, в 40 верстах от Новочеркасска, где у него были знакомые станичники, и он ручался устроить нас неплохо. Муж сестры привез нам троим фальшивые паспорта на имя Афанасьевых, выданные надлежащими властями города Баку. Паспорта были самые настоящие, только имена были в них фальшивые, а кроме того никто из нас никогда в Баку не был и никакого представления об этом городе не имел. Хорошо, что большевистские власти были тогда в „младенческом возрасте”, да и вообще Бог нас хранил, и за наше трехмесячное пребывание под советами мы ни разу ни на какие допросы не вызывались, ни с какими советскими учреждениями дела не имели.

В морозное солнечное утро, уже после Крещения, на санях, запряженных одной лошадью, мы выехали из Новочеркасска. Кругом нас расстилалась безбрежная снежная степь. Позади, за нами, как бы благословляя нас, блестя на солнце своими золотыми крестами, высился красавец Новочеркасска, его Войсковой Собор. Я не помню, чтобы мы где-нибудь останавливались во время этого пути, да в общем и останавливаться было негде. За все 40 верст мы не проезжали ни одного селения, и я не понимала, как наш вожатый находил нужную дорогу на всех совершенно одинаковых, покрытых снегом перекрестках. Уже стало смеркаться, когда мы

подъехали к спуску в балку, то есть по-донски большому оврагу, вдоль которого была расположена станица Мелиховская. Наш новочеркасский хозяин устроил нас у своей знакомой, вдовы есаула, которая нас приняла на полный пансион. Началась наша станичная жизнь, делать было нечего, тоска ужасная и полная оторванность, ползли невероятные слухи, и до нас доходили разговоры казаков и казачек с нашей хозяйкой, которыми она с нами делилась. Мы были еще в станице Мелиховской, когда туда дошла весть, что застрелился атаман Каледин.

В это время откуда-то очень издалека стала явно слышна орудийная стрельба. Для нас было ясно, что приближались красные. А станичники и станичницы атаковали нашу хозяйку, кто мы такие, откуда мы, как она нас к себе пустила... Нам было ясно, что, пока не поздно, нам пора из станицы уезжать. Но тут возникал вопрос — как выбраться из этого медвежьего угла. К счастью, в Мелиховскую опять приехал тот же брат наших новочеркасских хозяев, и мы решили сразу же с ним возвратиться в Новочеркасск.

В эти критические дни второй половины января 1918 г., когда кольцо вокруг Ростова и Новочеркасска все более и более сжималось, командование Добровольческой армии не жалело сил для нахождения новых возможностей для укрепления и усиления Армии.

Сохранилось письмо генерала Корнилова от 18 января 1918 года, написанное в Ростове:

„Милостивый Государь Михаил Васильевич.

Из доклада представителя Войскового Круга Терского Казачьего Войска о положении дел в Терской области, вызвалась необходимость помочь названной области следующим образом:

1) Сформировать на средства Союза из офицеров, находящихся на Минеральных Гроуппах, — один офицерский батальон в гор. Пятигорске.

2) Взять на средства Союза, если это при ближайшем ознакомлении окажется желательным, 20 кавказский стрелковый полк, настроение которого, по-видимому, благоприятное. Состав полка около 200 офицеров, 1000 солдат и около 100 пулеметов.

3) Сформировать две пешие батареи из орудий, находящихся в Пятигорске.

4) Оказав содействие Войсковому Правительству Терского Казачьего Войска в восстановлении порядка на территории области, потребовать от этого правительства взамен:

а) Передачу Союзу всего оружия и боевых припасов, как отобранных от проходящих частей Кавказской Армии, так и принадлежащих расположенным в пределах области по запасным полкам.

б) Передачу Союзу двух батарей со всей материальной частью, находящихся в гор. Пятигорске. Передача батарей может быть выполнена, когда представится возможность вывести их из Пятигорска в Донскую Область.

Прошу не отказать высказать ваше мнение по вышеуказанным пунктам для заключения соответствующего договора с Войсковым Правительством Терского Казачьего Войска.

Примите уверение в совершенном почтении и такой же преданности

Л. Корнилов

На этом же письме рукой генерала Алексеева написан текст ответа генералу Корнилову:

„Милостивый Государь Лавр Георгиевич, бывшему Председателю Войскового Круга Терского Войска г-ну Губареву при отъезде выдано 100000 руб-

лей (пока в виде ссуды) на первоначальные расходы по водворению порядка в области.

Полагаю, что наши средства позволят взять на себя содержание одного офицерского батальона и двух батарей в Пятигорске, если только эти части, по выполнении задач на Тереке, перейдут безусловно в состав Добровольческой Армии.

Нужно было бы назначить уполномоченное вами лицо для ведения формирования и контроля расходов сумм Союза.

Что касается 20 кавказского стрелкового полка, я счел бы нужным раньше окончательного решения спешно изучить его состояние, организовать агитацию и наметить пути к оздоровлению, если будет возможность использовать эту часть, то предполагая, что наличность наших сумм позволит принять и ее на иждивение Союза.

19 января 1918. *Мих. Алексеев*. № 10. Ростов н.Д."

О жизни штаба Добровольческой Армии в Ростове говорит ген. Богаевский в своих воспоминаниях:

„Довольно часто я заходил в Штаб Добр. Армии. Большой дом Пармонова кипел жизнью, как улей. С утра до поздней ночи там шла нервная, лихорадочная работа, происходили совещания, приходила масса офицеров всяких чинов, сновали ординарцы с донесениями и приказаниями. Кроме ген. Алексеева и Корнилова, я встречал там ген. Деникина, Лукомского и многих других. Печать тревоги и тяжелой грусти лежала на всех лицах; не слышно было шуток и смеха и громкого разговора... Наблюдая эту, иногда суетливую, но чуждую беспорядка и растерянности жизнь, видя этих украшенных боевыми орденами недавних героев Великой войны, главнокомандармов, комкоров — без фронтов, армии и корпусов — в роли начальников крошеч-

ных частей, в общей сложности, едва равных 3 батальонам боевого состава, — я с глубокой печалью думал о родном Доне, заснувшем страшным, непонятным сном... И тяжелое предчувствие неотвратимой беды и неудачи холодной змеей заползало в душу... Но жребий был брошен. Шла беспощадная борьба. Другого выхода у нас не было”*.

Дальше ген. Богаевский пишет:

„Мысль об уходе Добр. Армии из Ростова, ввиду больших потерь и слабой надежды удержаться в нем, обсуждалась в Штабе и раньше... Но пока какие надежды на успех еще теплились — уходить не решались. Да и легко ли было сделать это? Оставить на муки и смерть своих многочисленных раненых, которых не было сил вывести, бросить на грабеж и насилие и истязание несчастное население большого города, надеявшегося на защиту Армии? Уходить зимой полуодетыми, без запасов и перевязочных средств — куда-то в степи, без определенной цели и плана — все это было слишком тяжело для ген. Алексеева и Корнилова”**.

Дон защищали и боролись на подступах к Новочеркасску лишь небольшие партизанские казачьи отряды, а среди них, поддерживая их своей решимостью, — части Добровольческой Армии. Но эти ряды таяли, помощи надежной, крупной, от казаков не приходило.

Кольцо вокруг Новочеркасска и Ростова сжималось, суживалось. Командованию Добровольческой Армии стало ясно, что этих городов не удержать, надо спасать саму Армию от уничтожения.

* Воспоминания ген. А. П. Богаевского. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк, 1960 г., с. 50.

** Там же, с. 52.

26 или 27 января ген. Корнилов послал телеграмму атаману Каледину, в которой сообщил, что отбывает и приказывает всем частям Добровольческой Армии, боровшейся с казаками у Новочеркасска, собраться к Ростову.

Это решение ген. Корнилова поддержал и ген. Алексеев и мотивировал его в своей телеграмме к Атаману от 28 января 1918 г.:

„Новочеркасск. Войсковому Атаману.
„Ознакомившись телеграммой Вам генерала Корнилова № 66, присоединяюсь основным ее положениям. Сохранение нашей небольшой живой силы имеет решающее значение для ближайшего будущего. Только сохраняя ее и отведя туда, где мы можем получить пополнения, мы затащим борьбу, а в выигрыше времени вся суть. Факт полного нежелания донских казаков защитить свое достояние, возлагая на плечи Добр. Армии непосильное бремя, лишает возможности затяжки борьбы и выигрыша времени, не говоря уже разлагающем непонимании всеми чинами нашей армии причин, по которым они жертвуют собою за интересы Дона, не защищаемого самими казаками. Принятое нами решение, изложенное телеграмме № 66, считаю поэтому единственным при сложившейся обстановке и поддержанию решение собраться Ростову. 12

28.1.1918

Алексеев”.

Это сообщение произвело удручающее впечатление на Атамана. Он собрал совещание своего правительства и членов Круга, на котором обрисовал трагическое положение Дона и решение генерала Корнилова, поддержанное Алексеевым, покинуть Дон. Атаман заявил, что удержать Новочеркасск нет никакой возможности, для защиты Дона и его сто-

лицы в его распоряжении всего 147 штыков. Он предложил правительству уйти и заявил, что слагает с себя полномочия. После бурного заседания, вернувшись домой, генерал Каледин застрелился.

Когда решено было уходить с Дона, отец отправил к нам в Новочеркасск с письмом мужа сестры Сергея Михайловича Крупина, предполагая, что он с нами останется. Письмо обращено к Анне Николаевне:

„5-го февраля 1918 г. Ростов на Д.

Моя любимая, ненаглядная Нюточка! Горсточка наших людей, не поддержанная совершенно казаками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодю, морозами, по-видимому, исчерпала до конца свои силы и возможность борьбы. Если сегодня-завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достоинства, то мы будем раздавлены численностью хотя бы и ничтожного нравственно врага.

Нам нужно будет уйти с Дона при крайне трудной обстановке. Нам предстоит, по всей вероятности, трудный пеший путь и неведомое впереди, предначертанное Господом Богом. Трудно сказать, как все устроится.

Отправляю к тебе Сергея Мих. Пусть он останется при семье и будет вашей опорой. Горюю бесконечно, что в поспешном разговоре с Колей по аппарату в ноябре я согласился на твой переезд в совсем чужой и далекий Новочеркасск, а не просил переехать в Москву или Тверь. Это гнетет меня бесконечно, не говоря уже про мое вообще душевное состояние при думе о всех вас, дорогих, которых пришлось обречь на невзгоды, лишения и неизвестное будущее исключительно вследствие моих решений и дел.

5 февраля 1913

Горюхи на 8.

Моя любимая, ненаглядная Катюша!
Сорочинка наших людей, неподдержанная
совсем казакми, брошенная всеми, ли-
шенная артиллерийских снарядов, лишённая
и не имевшая ни доми, ни порохов, ни провизии,
по существу, оставшая до конца своих дней и
возможности доработки. Если сорочинка - дала бы не
забыли и казаки солдаты, если бы казаки дала
не оставили на дачу своего домостроения,
то бы была разжалована в солдаты и бы
была и некоторая управленческая работа.

Наша работа будет очень важна и для нас
крайне важна и для нас. Наша работа
и, по всей вероятности, трудной и
трудной и небезопасной работой, предостережён-
ной. Трудная работа. Трудно сказать,
какие все трудности.

Отправлен в поезд Сергеев. Пусть
он останется при себе и будет в своей
опоры. Трудно сказать, что бы было
разработано и дала бы в Новой
и совсем не такой переезда в советской
улицы и дома в Новороссийске, а не в
переездах и домах в Новой. Если бы
иногда была бы работа, а работа была бы

Ты поймешь мое душевное состояние, которое, однако, приходится скрыть от всех, чтобы казаться совершенно спокойным среди достаточной бестолочи. Мне особенно тяжело, что я не имею о тебе и девочках вестей, ухожу на неизвестное без этих вестей, что перед уходом я не могу повидать тебя и девочек, благословить и поцеловать. Но сделать ничего нельзя.

(Дальше идут восемь с половиной строчек, вычеркнутых Анной Николаевной. — В. Б.)

Если мне Богом суждено погибнуть, то со мною погибнут и те, кто несет на себе...”

(Семь строчек вычеркнуто... Насколько помню, в этих строчках речь идет о деньгах, кто несет на себе казну Добровольческой Армии. Дальше Михаил Васильевич пишет, что посылает Анне Николаевне какую-то сумму денег, чтобы мы могли просуществовать какое-то время. Между вычеркнутыми строками вставлена фраза „Всю жизнь прожил честно”. Кроме денег для семьи, в этих же вычеркнутых строчках Мих. Вас. пишет, что посылает деньги для раздачи раненым, чтобы их также обеспечить на первое время.)

Продолжение письма:

„Хуже то, что погибнет тогда дело, от которого ожидали известных результатов. За это будут нарекать. Но если бы кто знал ту невероятно тяжелую обстановку, при которой прожиты последние три месяца, — это было сплошное мученье.

Если тебе придется впоследствии, когда жизнь войдет в берега, собирать наше разбросанное имущество, то имей в виду, что все мои вещи остались в Ростове, где — будет знать С. М. (Крупин. — В. Б.) Там кое-что из вещей, окончательная пропажа которых была бы нежелательна.

Если мне не суждено вернуться и видеть моих ненаглядных, то знай, что мысль о тебе и детях была всегда мне дорогою и бесконечно близкою; с нею я пойду и к моей последней минуте, если она назначена мне именно теперь. Голова забита и не могу молиться так, как я умел молиться в былые тяжелые дни моей жизни. Я всегда получал облегчение моему сознанию, моей душе. Но остатки, проблески молитвы обращаю на то, чтобы Господь помиловал Колю. Я все земное уже совершил; все мы еще не сделали всего, и я всем сердцем хочу, чтобы настала минута, когда, собравшись вместе, вы дружно помогли бы устроить новую жизнь, чтобы не было в ней нужды, чтобы в своей семье, среди своих — именно всех сохранившихся, еще снова родилась радость.

Много теснится в голове в эту минуту, всего не выльешь на бумагу — тем более, что и писать нужно не расплывчато: скорее С. М. нужно отправляться.

Благословляю тебя и девочек; жду твоего благословения и мысленно пожелания, чтобы Господь помог и спас”*.

Не застав нас в Новочеркасске, Сергей Мих. уехал обратно в Ростов, не оставив письма. А 8 февраля отец сам был в Новочеркасске. Видимо, был вызван на заседание Войскового Круга, хотя об этом нет нигде никаких указаний.

* Генерал Корнилов, как сообщает Деникин, „в письме, poslanном друзьям накануне похода, ...говорил с тревожным беспокойством о своей семье, оставленной без средств, на произвол судьбы среди чужих людей и о том, что больше, вероятно, встретиться не придется...” Генерал А. И. Деникин. Очерки Русской Смуты, том 2, с. 222. — Прим. ред.

мелю саму вину пробуждают в души
это примечаніе; сфинктерная створка
открыта "Слава" сонет Дона.

Не менее нервно поведем: набуха-
наго мит на мит К. Ондрашак
войска, оловянная раченка; своим губ-
тывающим оловянным оловянным оловянным
пропущенным оловянным оловянным, а
мид, как и раченка, оловянная
мид оловянная, оловянная оловянная
куча и раченка, оловянная оловянная
сестра.

Мидянная мидянная мидянная
мидянная. Ондрашак мидянная
се же это мидянная. Ондрашак
не мидянная мидянная, мидянная мидянная
мидянная, мидянная мидянная мидянная
мидянная. Мидянная мидянная мидянная
ре, мидянная, а мидянная мидянная,
мидянная, а по мидянной

Будучи в Новочеркасске, Мих. Вас. пишет Анне Николаевне свое последнее письмо перед походом:

„8 февраля 1918.

Моя любимая Нюточка! Сегодня я в Новочеркасске и имею возможность черкнуть тебе еще несколько строк (вычеркнуто моей матерью десять строк. — В. Б.). — И то — благодарение Богу.

Положение дел в общем не улучшается, так как настроение казаков капризно-нехорошее. Сегодня Круг принял решительную меру (два слова — „смертная казнь” — вычеркнуты. — В. Б.). Не знаю, найдут ли исполнители силу воли проводить в жизнь это решение, единственно способное отрезвить „славных” сынов Дона...

Минутами только становится полегче. В общем же переживается все это тяжело. Дни 915 года не могут идти, по душевному состоянию, в сравнение с настоящими днями. Тогда картина была шире, грандиознее, а теперь трагичнее, грустнее, а по последствиям — гибельнее для России.

...Дай Бог быть поспокойнее”.

Анна Николаевна не хотела уничтожать эти письма, ведь они могли быть последними, но она вычеркнула, густо замазав чернилами, те места в письмах, которые ей показались опасными.

Эти письма были получены нами позднее. Письмо от 8 февраля привез нам в станицу Андрей Шапошников, это было, кажется, 10 февраля, мы вместе с ним выехали обратно в Новочеркасск. Опять та же пустынная, снежная степь, только теперь масса новочеркасского собора приближалась и вырастала перед нами.

В Новочеркасске, на нашей квартире, мы застали Крупина, мужа сестры, который сказал, что Армия

оставила Ростов, уходит в неведомый поход, и передал письмо отца от 5 февраля. Встреча была короткая; несмотря на желание отца, чтобы Крупин остался с нами, он решил возвращаться в Армию и спешил нагнать ее еще в станице Ольгинской. Это решение было правильное, нам — трем женщинам — легче было быть незамеченными без молодого мужчины; большевики, придя в Ростов и Новочеркасск, жесточайшим образом расправлялись с офицерами и ранеными.

Оставаться в нашей квартире мы не могли, и наши хозяева решили нас отвезти к своим знакомым, имевшим маленький домик на окраине Новочеркаска.

Но до этого надо было побывать в лазарете, где я и сестра работали, раздать присланные отцом деньги раненым и как-то устроить их вне лазарета, в котором они, конечно, подвергались смертельной опасности.

Фактически в этом лазарете оставался только один тяжело раненый гардемарин, с раздробленной костью ноги. Его госпитальные сестры перенесли в женское отделение госпиталя, где он благополучно пролежал все время пребывания в городе большевиков.

Некоторых уже ходячих раненых взяли к себе в дома добрые казачки, до этого навещавшие их в лазарете. Некоторые, получив деньги, решили устраиваться самостоятельно. По великой милости Божьей никто из них не погиб.

В тот же день наши хозяева перевезли нас к своей знакомой, которая приняла нас, совсем чужих ей людей, как своих родных, с удивительным теплом и лаской. Муж ее был в это время в пути, по своим торговым делам, где-то в станицах, что было для данного момента тоже лучше. У этой доброй жен-

щины мы провели первые, самые страшные дни
большевистской расправы над Новочеркасском.

*

По приказу генерала Корнилова Армия должна
была оставить Ростов 9 февраля вечером. Все час-
ти, прикрывающие отход Армии, сосредотачивались
вечером у Нахичевани и Лазаретного городка.

Сам отец, брат и все близко стоящие к отцу лица
сознавали, что по состоянию своего здоровья он не
в силах совершать поход ни пешком, ни верхом.
Поэтому днем 9 февраля брат купил для отца та-
чанку. В его бумагах сохранился оригинальный счет
на покупку этой тачанки. Вот он:

„Специально рессорная и каретная фабрика Алек-
сея Тимофеевича Плаксина в Ростове-на-Дону,
Большой проспект, д. № 12. 9 февраля 1918 г.
Счет № 303.

Отправлено Господину штаб-ротмистру Алексе-
ву. Продана для вас одна тачанка с кожаным вер-
хом, обой кожаный, плоскодонка, на железном хо-
ду, оси точенные, дышла, барки и подушка

..... за сумму 2 400 руб.

Итого 2 400 руб.

Две тысячи четыреста рублей

Деньги получены сполна. *А. Плаксин*”

С этой тачанкой отец проделал весь Кубанский
поход. В этой тачанке отец вез и всю казну Добро-
вольческой Армии, все ее жизненные ресурсы для
питания, а иногда и для ночлега, потому что всем
частям Армии, как и лазаретам, было строго прика-
зано ген. Корниловым расплачиваться за все с хо-

зьявами наличными деньгами, за самоличные реквизиции или грабежи — расстрел. Такая крутая мера была объявлена по Армии, дабы в корне пресечь всякое поползновение к грабежам, столь деморализующим всякую армию.

Но, чтобы вернее обеспечить сохранность армейской казны в случае гибели ген. Алексева или попадания снаряда в эту тачанку, часть денег была распределена по разным лицам; так, у отца записано, что одну сумму нес казначей Армии полковник Петров, часть — ротмистр Шапрон, часть — доктор Кельин. Кроме того, перед выступлением в поход были выданы авансы на довольствие людей и лошадей всем начальникам войсковых частей.

Ген. Деникин тоже вспоминает об этом первом дне похода генерала Алексева:

„Вот приехал на телеге генерал Алексеев, при нем — небольшой чемодан. В чемодане и под мундирами нескольких офицеров его конвоя — „деньгонош” — вся наша тощая казна, около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Бывший Верховный сам лично собирает и распределяет крохи армейского содержания. Не раз он со скорбной улыбкой говорил мне:

— Плохо, Антон Иванович, не знаю, дотянем ли до конца похода”.

Перед самым выступлением в поход отец говорил кому-то (как пишет генерал Деникин):

„Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы*.

* Ген. А. И. Деникин. Ук. соч., с. 223.

В ночь с 9-го на 10-е февраля Армия оставила Ростов.

„Ростов погружен в темноту; в домах не видно света. Город мертв... Холодный ветер, несущий сухой снег и городскую пыль. Кое-где раздаются ружейные выстрелы, и они кажутся зловещими.

Только на углу Таганрогского проспекта и Садовой улицы оживление: там собрались небольшие колонны войск, всего, может быть, человек до 500. ...собравшиеся люди, не желающие укрыться от погоды в больших, теплых, уютных домах, не желающие скрыться от ожидаемого врага за кирпичными стенами домов, кажутся обреченными. Но эти люди сделали вызов и страшной ночи, и зимней непогоды, и надвигающейся опасности. Они сделали это сознательно и с целью.

...Слышны команды, распоряжения. /.../

Было около 22-х часов, колонна стала вытягиваться на Нахичевань”^{*}.

Сразу за городом встретил их ледяной ветер, несущий сухой снег, дорога тяжелая, местами сугробы. Пехоте пришлось вытягивать застревающие в сугробах орудия, помочь и лошадям.

Около 11 часов вечера из своего штаба вышел Корнилов. Его ожидал его конный конвой. При появлении Корнилова в руках одного из конвойных в темноте развевался национальный флаг — символ России, за честь и славу которой эта маленькая армия уходила в неизвестность.

...”С Богом!” — и Корнилов, вскинув за плечи вещевой мешок, пошел пешком. С ним генералы Деникин, Романовский, чины его штаба. Тут же со штабом в своей тачанке ехал и генерал Алексеев. Вся колонна двинулась на станицу Аксайскую. Нигде, ни в группе, окружавшей генерала Корнилова,

^{*} „Марковцы...”, сс. 117—118.

ни среди войск не слышно разговоров, смеха, все сосредоточенны, молчаливы, но не унылы, дух бодр, верят своим командирам, своему командующему.

После четырехчасового марша армия вошла в станицу Аксайскую, где и провела остаток ночи, а с утра началась переправа через замерзший Дон.

„Переправу главных сил начал ген. Алексеев, который пешком, опираясь на палку, и ею как бы ощупывая крепость льда, перешел Дон”*.

Вместе с отцом в поход вышли еще четверо из нашей семьи: брат с женой, врач — двоюродный брат и муж сестры, но ни один из них не оставил своих письменных воспоминаний об этом легендарном походе и о том, как был пережит он генералом Алексеевым. Муж сестры — корнет Сергей Михайлович Крупин — был убит в мае 1918 года, доктор Николай Николаевич Кельин умер от тифа в Крыму в июле 1920 года. Не написали и оставшиеся в живых, поэтому приходится прибегать к воспоминаниям посторонних лиц, лишь служебно или случайно встречавшихся с генералом Алексеевым в походе.

В этот день, 10 февраля, Армия должна была провести ночь в станице Ольгинской. В Ольгинской Добровольческая Армия была генералом Корниловым реорганизована — все мелкие партизанские отряды были сведены в полки. Таким образом, сведенные из нескольких небольших отрядов, родились новые полки, кроме уже существующего Корниловского: Сводно Офицерский, после геройской смерти командира генерала Маркова получивший его шефство — Марковский Офицерский полк, и Партизанский — после смерти генерала Алексеева ставший — Алексеевский Партизанский полк.

* Там же, с. 120.

В Ольгинской же решался вопрос: что делать дальше, куда идти Армии — на Кубань или в зимовники (юго-восточный угол Донской Области, где были сосредоточены донские коннозаводства, край мало населенный).

В зимовники уходили Донские части, покидавшие Новочеркасск под предводительством Походного Атамана ген. Попова. Ген. Корнилов ждал в Ольгинской его приезда для совместного решения этого вопроса. Но еще до приезда генерала Попова генерал Корнилов уже решил вести Армию в Зимовники.

По этому поводу генерал Богаевский пишет: „Корнилов принял это решение без ведома генерала Алексеева. Последний, узнав об этом, настоял на том, чтобы был собран военный совет старших начальников для детального обсуждения этого вопроса”^{*}.

12 февраля генерал Алексеев писал по этому поводу генералу Корнилову:

„В настоящее время с потерей главной базы Армии — гор. Ростова, в связи с последними решениями Донского войскового круга и неопределенным положением на Кубани — встал вопрос о возможности выполнения тех общегосударственных задач, которые себе ставила наша организация.

События в Новочеркасске развиваются с чрезвычайной быстротой. Сегодня к 12 часам положение рисуется в таком виде: Атаман слагает свои полномочия, вся власть переходит к военно-революционному комитету. Круг вызвал в Новочеркасск революционные казачьи части, которым и вверяет

^{*} Воспоминания ген. А. П. Богаевского. 1918 год. „Ледяной поход”. Нью-Йорк, 1963, с. 58.

охрану порядка в городе. Круг начал переговоры о перемирии; станица Константиновская и весь Север области в руках военно-революционного комитета, все войсковые части (главным образом, партизаны), не пожелавшие подчиниться решению Круга, во главе с походным Атаманом и штабом, сегодня выступают в Старочеркасскую для присоединения к Добровольческой Армии.

Создавшаяся обстановка требует немедленных решений не только чисто военных, но в тесной связи с решением вопросов общего характера.

Из разговоров с генералами Эльснером и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к *северо-западу** от станицы Великокняжеской. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распустившейся рекой Доном, а с другой — железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнение людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России.

Так как подобное решение выходит из плоскости чисто военной, а также потому, что предварительно начала какой-либо военной операции, необходимо теперь же решить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направлении ее деятельности — прошу Вас сегодня же созвать совещание из

* Очевидная описка в тексте Деникина — вероятно, следует: „к северо-востоку”. — Прим. ред.

лиц, стоящих во главе организации, с их ближайшими помощниками”*

Совет состоялся того же 12 февраля. Мнения на Совете разделились. Большинство стояло за движение на Кубань, где предполагалось найти... сочувственное настроение населения и достаточное количество запасов продовольствия. Екатеринодар был еще в руках Кубанской власти.

Вечером 13 февраля в Ольгинскую прибыл Походный Атаман. „Приезд ген. Попова, — пишет ген. Богаевский, — и его убеждения склонили ген. Корнилова двинуть добровольцев на зимовники. Наш конный авангард, стоявший в станице Кагальницкой, по его приказанию уже готов был двинуться на восток. Однако, ввиду все же затруднительного размещения по квартирам обоих отрядов и снабжения их продовольствием, было решено не соединяться, а идти параллельными дорогами, поддерживая между собою надежную связь”**.

Тогда по этому вопросу ген. Алексеев обратился вновь с письмом к ген. Корнилову.

Переписываю это письмо с собственноручного черновика ген. Алексеева, находящегося в его архиве:

„Милостивый Государь Лавр Георгиевич.

Настроение среди офицерского состава Добр. армии, по имеющимся у меня сведениям, нервное и неуверенное. Главнейшею причиною такого нежеланного состояния является полное отсутствие для всех освещения, во имя чего и как будет в ближайшие дни действовать армия, какую задачу она ста-

* Письмо это цитирует ген. А. И. Д е н и к и н. — цит. пр. т. II, сс. 229—230.

** Ген. А. П. Б о г а е в с к и й, цит. пр., с. 60

вит себе. Проникающие различные слухи, между прочим, и об уходе в зимовники, не успокаивают, а напротив усугубляют, в связи с событиями 15 февраля, нервность и порождают нарекания на лиц, которые взяли на себя нравственную ответственность за дела и судьбу тех, которые во имя идеи служения родине доверили себя руководству и командованию всей нашей организации.

Утро 15 февраля показало, что искомого покоя на более или менее продолжительное время и главное — безопасности не дадут армии и зимовники. Как 12 февраля, так и теперь, я считаю себя обязанным высказать, что остановка в зимовниках грозит армии опасностью и что ко времени возможного выступления из этого района армия окажется окруженной и обреченною на борьбу в условиях исключительно тяжких, быть может, безвыходных и несравнимых с обстановкою настоящей минуты.

В районе зимовников мы рассчитываем пополнить и освежить конский состав и обоз. Но зато во всем остальном мы, отрезанные от сколько-нибудь культурного района, будем терпеть недостаток. Даже денежные средства, хранимые в крупных купюрах, негде будет разменять, и мы будем лишены денег на текущую жизнь.

Положение на Кубани рисуется получаемыми сведениями не столь печальным, как на Дону. Быть может, можно рассчитывать, если не на полную согласованность действий, то хотя бы на некоторое сочувствие и помощь. В Екатеринодаре уже собрана некоторая сумма денег на армию, там есть банки, денежные знаки, материальные запасы. Обоз, вероятно, придется пополнять теперь же, путем реквизиции.

Идея движения на Кубань понятна массе, она отвечает и той обстановке, в которой армия находит-

ся, невзирая на тяжелое состояние обоза и конского состава. Она требует деятельности, от которой не отказывается большая часть армии.

Не нам приходится приурочить выбор и направление своих действий к ненадежным ополчениям Донской области, а напротив, нужно притянуть их к себе, ибо без нас они никакой ценности не имеют и рассеются в скором времени. Во всяком случае, начальники ополчений должны категорически ответить, кто из них связывает бесповоротно свою судьбу с Добр. армией и подчиняется безусловно ее командованию.

Условия, в которых мы находимся, настоятельно требуют:

1) Немедленного и бесповоротного принятия решения. Как и 12 февраля, высказываюсь, что только движение на Кубань — одним из кратчайших путей к Тихорецкой — имеет почву, цель. Всякие отвлечения на зимовники, или в район Торговой, имея побочные основания, вредно, ибо отвлекает нас от единственной задачи, к выполнению которой нужно стремиться, невзирая на большие физические трудности.

2) Установив решение, нужно с общей идеей его ознакомить начальников и тем приподнять нравственные силы армии, сделать понятной для массы общую цель, устранить опасные кривотолки и постепенно проникающие в среду исполнителей опасения или бесцельности дальнейшей работы, или возможности оставления армии руководителями, или рассеяния армии ранее, чем не будет обеспечена возможность выполнения этого безболезненно, или не будет ясна для каждого причина роспуска армии.

Я прибавлю к этому, что в центрах — в Москве и Петрограде — по-видимому, назревают крупные события. Вывести на это время из строя хотя и сла-

бую и усталую Добровольческую Армию можно только с риском, что она навсегда уже утратит свое значение в решении общегосударственной задачи.

Прошу принять и т. д.

16 февраля 1918 г.

Алексеев”.

„Кагальницкая”

На это письмо отец получил тоже письменный ответ:

„17 февраля 1918

„Ст. Мечетинская.

„Милостивый Государь Михаил Васильевич.

Крайне сожалея о существовании в частях Добровольческой Армии толков и пересудов, волнующих массы, я должен отметить, что, по имеющимся у меня сведениям, распусканьем таких толков и слухов являются прежде всего члены политического отдела, настроение которых далеко не спокойное, что и сказалось в их поведении 15 февраля при обстреле ст. Хомутовской. Я усердно прошу Вас принять в этом отношении... меры.

Что касается вопроса о возможности пребывания в течение некоторого времени в зимовниках, то он будет решен окончательно на основании данных разведки по выходе частей Добровольческой Армии к станции Егорлыцкой. Во всяком случае, свертывать на Кубань немедленно нам не представляется возможным по многим причинам и прежде всего потому, что к нам должны присоединиться наши конные отряды полковника Гершельмана и подполковника Яновского.

Я ясно себе представляю, что единственная цель нашего движения на Кубань — это поставить Добровольческую Армию в условия возможной безопасности и предоставить возможность ее составу ра-

Cm. acromiatus

15 E 78

Musculus Borealis

Я беру себе представителя, это человек
нам был известен по Кудряв-
скому постановлению Государственного Совета и
Государственной Думы. Я беру
себе представителя по закону, по закону,

не подвергаясь опасности быть купленным
Что касается до Временных Казен по
общегосударственным делам, то и в этом
уже при существующей организации
дел Временных Казен и при том
лично выходящих из них
дел в вопросах не представляя со-
бою ничего не нового, потому что
всего не Публич, и немедленно сле-
дует из себя Казначейства Временных
Казен и Временных Казен, а также
и вообще Временных Казен, а также
и вообще Временных Казен.

Кроме этого Временных Казен и Временных
Казен и Временных Казен

С. Корнилов

зойтись, не подвергаясь опасности быть истребленными.

Что касается до выполнения каких-либо общегосударственных задач, то я признаю, что при существующей организации управления Добровольческой Армии и при постоянном вмешательстве политического отдела в вопросы, не принадлежащие его ведению, это невозможно, почему, по выходе на Кубань, я немедленно слагаю с себя командование Добровольческой Армией и совершенно прекращаю свои отношения к организации, о чем мною и сделано заявление представителям финансовой группы 8-го сего февраля.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности

Л. Корнилов."

На том же листе письма Корнилова написан черновик ответа генерала Алексеева. Судя по почерку, отец очень нервно переживал это письмо ген. Корнилова.

Отец писал ген. Корнилову:

„М/илостивый/ Г/осударь Л/авр/ Г/еоргиевич/
На Ваше письмо от 17 февраля 1918 считаю нужным высказать:

1) С передачей команды штабс-капитана Капельки в состав партизанского отряда есаула Лазарева (12 февраля в станице Ольгинской), с переводом части людей в ряды армии, с откомандированием некоторого числа чинов в центры России для выполнения особой работы, в политическом отделе осталось всего 30 служащих, считая в том числе носителей нашей казны и караул при ящике, содержимое которого нельзя распределить для носки. Не думаю, чтобы эти 30 человек, шедшие 15-го февраля в

хвосте обозов, повлияли на ход и размеры событий в ст. Хомутовской. Для этого существуют более серьезные причины.

Остались налицо преимущественно младшие чины, которые никакого влияния на общее настроение войсковых частей иметь не могут.

2) Политический отдел не мог вмешиваться и не вмешивался в вопросы, не подлежащие его ведению. По-видимому, речь идет не о вмешательстве „отдела”, а о моих двух личных письмах к Вам. На эти письма я не только имею право, но при известных обстоятельствах, я обязан их писать, ибо считаю себя не посторонним лицом, а ответственным за судьбу тех, которые шли в Армию только по моему призыву.

3) Общая идея движения должна существовать и быть известна старшим начальникам. Осуществление ее, конечно, зависит от обстановки. Только обстановка укажет на то, придется ли части на Кубани распустить, или они окажутся способными для выполнения какой-либо другой задачи.

4) Я сожалею о Вашем гласном заявлении начальникам частей, каковое решение Вы приняли лично относительно себя, ибо это не подняло, конечно, общего настроения в тяжелую минуту.

„Прошу и т. д.

Михаил Алексеев.

18 февраля 1918 г.

Мечетинская”.

Армию генерал Корнилов не оставил, но приказал повернуть на Кубань, таким образом соглашаясь с генералом Алексеевым в том, что „движение на Кубань понятно массе”.

После поворота на юг картину первого боя Добровольческой Армии дает Деникин:

„Офицерский полк шел в авангарде. Старые и молодые; полковники на взводах. Никогда еще не было такой армии... Одну из рот ведет полковник Кутепов, бывший командир Преображенского полка... В рядах много безусой молодежи — беспечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакал Марков... на ходу „разнес” кого-то из своих офицеров и полетел к головному отряду.

Глухой выстрел, высокий разрыв шрапнели. Началось.

Офицерский полк развернулся и пошел в наступление: спокойно, не останавливаясь, прямо на деревню. Скрылся за гребнем.

Подъезжает Алексеев. Пошли с ним вместе. С гребня открывается обширная панорама...

Вправо, в обход двинулся Корниловский полк. Вслед за ним поскакала группа всадников с развернутым трехцветным флагом...

Корнилов!”*

Как вспоминает ген. А. П. Богаевский, начала выясняться обстановка на Кубани:

„Уже 27 февраля дошли слухи, что Екатеринодар пришлось оставить кубанским войскам и правительству. Этот слух, конечно, всех взволновал, ведь Екатеринодар — была цель, где рассчитывали найти базу и поддержку, а теперь... впереди полная неизвестность, но жребий брошен, и остановка — гибель”**.

Нравственной поддержкой служило, что кубанцы встречали добровольцев дружелюбно. Обычно, после речей или бесед в станицах генералов Корнилова и Алексева с казаками о целях Армии и положе-

* Ген. А. И. Деникин, цит. пр., т. II, сс. 235—236.

** А. П. Богаевский, цит. пр., с. 75.

нии в России, кубанцы присоединялись к армии — как одиночки, так и небольшие отряды, пополняя ряды армии и тем укрепляя ее дух. Чаще говорил Алексеев, так как Корнилов говорить не любил.

После боя за станицу Кореновскую на одном убитом, по-видимому, красном комиссаре, офицеры нашли крупную сумму денег на 180 000 рублей царскими кредитками. Зная, что ген. Алексеев был хранителем всей казны армии, офицеры, по приказу своего старшего, отнесли этот „трофей” генералу.

„Ген. Алексеев сидел за столом и занимался делами, когда вошли 2 офицера и молча положили перед ним сумку с деньгами. Генерал смотрит на сумку и на офицеров.

— Что это такое? — спросил он.

— Военный трофей, Ваше Высокопревосходительство!

Генерал молча вынул четыре объемистых пачки билетов, внимательно пересчитал их и поднял на офицеров глаза, полные доброты и благодарности”*

Как свидетельствует книга „Марковцы”, „как всегда во время остановок армии, ген. Марков обязательно приходил к генералу Алексею. Тут от него не требовался официальный доклад, но ген. Марков считал своим долгом, влекомый чувством глубокого уважения к Вождю, положившему начало Добр. армии, и знающий, какую громадную моральную ответственность нес Вождь за нее, хотя и не руководил ею, — быть у него.

Ген. Алексеев сильно нездоров. Но вошел ген. Марков, и лицо старого Вождя сразу же просияло...

Ген. Алексеев... ограничивался немногими вопросами касательно боя, состояния и настроения в час-

* В. П а в л о в. Ук. соч., с. 321.

тях. Его больше интересовало состояние самого ген. Маркова: он беспокоился о его здоровье, зная его не заменимое никем значение в армии.

Вождь не задерживал его у себя:

— Сергей Леонидович! Идите к себе. Вам нужно отдохнуть. Идите с Богом! — провожал его, как отец своего любимого сына”*.

Заходили и другие командиры, и Богаевский, и Кутепов — и поделиться, и услышать одобрение и поддержку.

В армии были огромные потери, а так как раненых возили на подводах, то после боя под Кореновской пришлось походный лазарет увеличить на 200 подвод.

Здесь, в Кореновской, подтвердилась весть, что Кубанское правительство и войска вынуждены были оставить Екатеринодар и ушли в горные аулы за Кубань. Решено было изменить маршрут и идти за Кубань на соединение с Кубанским отрядом и правительством.

„Под Усть-Лабой надо было спешить, — пишет Деникин, — так как всегда спокойный и уравновешенный Богаевский доносил, что его сильно теснят, и просил подкреплений...

Мы идем с Корниловцами, которые выслали колонну влево, в обход станции и наступают тихо, ожидая результатов обхода... С цепями идет с винтовкой в руке генерал Казанович — корпусной командир. Совестно так, без дела, — отвечает, улынувшись исподлобья на чей-то шуточный вопрос.

Несколько поодаль стоит Алексеев со своим адъютантом ротмистром Шапроном и его сыном. Ему тяжело в его годы и с его болезнью, но никто никогда еще не слышал из его уст малодушного

* В. Павлов. Ук. соч., с. 183.

вздоха. Тщательно избегая всего, что могло бы показаться Корнилову вмешательством в управление армией, он бывал, однако, всюду — и в лазарете, и в обозе, и в бою; всем интересовался, все принимал близко к сердцу и помогал добровольцам, чем мог — советом, словом ободрения, тощею казной”^{*}.

После тяжелых боев армия переночевала в столице Рязанской. В этой же станице были получены подтверждения, что Кубанский отряд находится где-то верстах в 50—80 от Рязанской. Отряд этот ведет тяжелые бои с большевиками. Эта весть вызвала среди добровольцев радость, укрепляя надежды.

Генерал Корнилов решил усиленными переходами идти на соединение и помощь Кубанскому отряду, находящемуся где-то в горах, в черкесских аулах.

Наконец 13 марта в ауле Шенджий мы встретились с генералом Покровским.

Генерал Покровский, в сущности, капитан, в прошлом летчик и Георгиевский кавалер, был произведен Кубанским правительством в генералы за организацию кубанских противобольшевистских отрядов и защиту Екатеринодара. Он был назначен командующим Кубанским отрядом за свою храбрость и предприимчивость, хотя и не был кубанским казаком.

„14-го состоялось в ауле Шенджий свидание с Покровским. В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошел молодой человек в черкеске с генеральскими погонами, стройный, подтянутый, с каким-то холодным металлическим выражением глаз, по-видимому несколько смущенный своим но-

^{*} Ген. А. И. Д е н и к и н, цит. пр., т. II, сс. 251—252.

вым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени Кубанской власти и отряда. Корнилов ответил просто и сдержанно.

Во время свидания в ауле Шенджий Корнилов потребовал от Покровского полного подчинения себе, но последний, ссылаясь на решение Кубанской власти, на это не согласился, настаивая на сохранении отдельного Кубанского отряда и только оперативного подчинения его Корнилову. Вопрос не был решен окончательно, однако все же пришли к соглашению — совместно взять станицу Ново-Дмитриевскую и там уже соединиться и договориться. Обозы обоих отрядов под большим прикрытием должны были сосредоточиться в станице Калужской, накануне взятой с боя Кубанцами”*.

15 марта утром Армия, выступила в направлении станицы Ново-Дмитриевской, которую надлежало взять с боем совместно с Кубанцами, а обоз под охраной одного конного дивизиона, направился в станицу Калужскую, занятую Кубанцами.

Этот переход и бой за станицу Ново-Дмитриевскую „оставил в памяти всех участников 1-го Кубанского похода неизгладимое впечатление, — вспоминает ген. Богаевский. — В этот день мы вели упорную борьбу за свое существование с враждебными нам силами и человека и природы, и трудно было сказать, что тяжелее...

...погода с необыкновенной быстротой совершенно менялась четыре раза: ясное солнечное утро ранней весны; проливной дождь; снег, ветер и мороз, перешедший в снежную ледяную вьюгу. Последняя впоследствии и дала нашему „Анабазису” название Ледяной поход”...

* Ген. А. И. Д е н и к и н, цит. пр., т. II, с. 270.

„...Снега навалило чуть не на аршин, — продолжает ген. Богаевский. — Маленькая речка, в обычное время, судя по мосту, — „воробью по колено“, вздулась в грязный поток, вода снесла настил моста и широко разлилась по берегам. В довершение всех бед — мороз становился все крепче и крепче и несчастным добровольцам, до этого промокшим до нитки, в мокрых дырявых сапогах приходилось круто... Скоро одежда превратилась в ледяную кору; полы шинели ломались, как тонкое дерево.

Столпились на берегу быстрого потока. Красные озлобленно расстреливали нас артиллерией... Положение отчаянное. Перейти реку нужно во что бы то ни стало, — иначе ночь в открытом поле под ледяной вьюгой или отступление в уже далекие мертвые аулы, или бой там...

Генерал Марков перебрался на другой берег с небольшой частью своего полка еще когда цел был мост...

Моя попытка устроить с добровольцами новый мост из бревен и плетней усадьбы — не удалась: было глубоко, и течение сносило все.

Все же кое-как под артиллерийским огнем противника переправа продолжалась. Перетащили даже пушку, но она уже на берегу перевернулась и застряла в невылазной грязи. Я, оставленный Корниловым наблюдать за переправой, разрывался на части, чтобы ускорить ее, но это было выше человеческих сил...

Между тем Марков, подтянув свой полк, уже ворвался в станицу и вступил в рукопашный бой с большевиками, которые, надеясь на погоду, совсем не ожидали нашего прихода и отчаянно защищались в каждом доме. Однако, их все же выбили. Всю ночь подтягивались отставшие части, располагались где попало на ночлег...

Уже поздно ночью по страшной грязи я со своим штабом добрался до отведенного квартирником дома и заснул мертвым сном под непрекращавшуюся ружейную трескотню...»*

17 марта был днем полного отдыха для измученных бойцов. В этот же день из станицы Калужской приехали к ген. Корнилову представители Кубанской Рады и правительства.

Армия пробыла в Ново-Дмитриевской целую неделю с 16 по 23 марта. Первые дни красные еще несколько раз атаковали станицу, но были отбиты. Во время этих атак, 17 марта, велись переговоры между командованием Добровольческой Армии и Кубанским правительством, в результате которых был подписан договор о подчинении Корнилову Кубанского отряда. Однако нелегко было достигнуто это соглашение.

„Под грохот разрывов снарядов красных батарей, — пишет ген. Богаевский, — осыпавших станицу, в доме командующего Армией шел горячий спор по этому вопросу. Представителям Кубанской власти — Войсковому Атаману, членам Рады и правительству — трудно было отказаться от своей недавней самостоятельности и всецело подчиниться Корнилову, зная к тому же его крутой нрав. Кубанская власть хотела сохранить автономию внутренней жизни и управления своего отряда, подчинив его командующему Добр. Армии лишь в оперативном управлении»***.

Соглашение было все же подписано:

„1. Ввиду прибытия Добр. Армии в Кубанскую

* Ген. А. П. Б о г а е в с к и й, цит. пр., сс. 99—101.

** Там же, с. 103.

область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому Правительственному Отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского Правительственного Отряда в полное подчинение ген. Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, Войсковое Правительство и Войсковой Атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего Армией.

3. Командующий Войсками Кубанского Края с его начальником Штаба отзываются в состав Правительства для дальнейшего формирования Кубанской Армии.

Подписали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан Шахим-Гирей”*

К Екатеринодару продвигались с боями: как всегда, с боя брали, завоевывали себе ночлег, отдых, питание. Шли все время по липкой черноземной грязи, что замедляло движение и утомляло людей. Так прошли с боями станицы Григорьевскую, Смоленскую и Георгие-Афипскую. В ночь на 26 марта была захвачена, у станицы Елизаветинской, в 10 верстах от Екатеринодара, переправа, где находился паром через реку Кубань. И в тот же день началась переброска войск через реку. Переправа шла медленно и постепенно, ибо имелось всего два парома, каждый мог принять не более 50 человек, и, кроме того, десяток лодок.

28-го утром, по приказу ген. Корнилова, началось наступление на Екатеринодар 2-й бригады и конницы. Ген. Корнилов не хотел дать опомниться

* Ген. А. И. Деникин, цит. пр., т. II, с. 279.

красным и считал, что нужно использовать момент, пока еще не подвезли большевистские подкрепления. Так что атаку Екатеринодара начала лишь половина сил армии. В этот день была занята нашими войсками Сельскохозяйственная ферма, в которой поместился ген. Корнилов со своим Штабом, телефон, а также перевязочный пункт. На этой ферме, через несколько дней, и был убит ген. Корнилов. Она все время жестоко обстреливалась, и приближенные Корнилова убеждали его переменить командный пункт Армией, но Корнилов не соглашался с этими доводами и упорно оставался на ферме.

К вечеру 28-го марта частями Армии были заняты предместья Екатеринодара, кожевенный и кирпичный заводы, но в сумерках наступление остановилось под сильным обстрелом красных.

29-го утром переправилась уже и 1-я бригада ген. Маркова. Под небольшим прикрытием оставался обоз, а бригада втянулась в бой. Бесчисленные атаки на город в течение этого дня результатов не дали и везде были отбиты превосходящими силами красных.

„Везде противник оказывал активное сопротивление, — пишет Богаевский. — Добровольческие части, пополненные мобилизованными, по приказу Корнилова, молодыми, необученными кубанскими казаками, частью впервые попавшими в бой, — уже не в силах были долго выносить страшного напряжения. Старых добровольцев осталось мало, и они уже не могли передать молодым своего прежнего высокого порыва”*.

В этот же день, 29 марта, генерал Корнилов приказал части Армии в 5 часов дня повторить всем

* Ген. А. П. Богаевский, цит. пр., с. 121.

фронтом Армии атаку на город. Эта атака удалась только на правом фланге у генерала Маркова, а на левом корниловцы, понеся огромные потери, продвинуться не смогли и отошли на исходные позиции. Был убит их командир полка, полковник Неженцев. Полковник Неженцев сформировал уже после революции для поднятия боевого духа ударный батальон еще на фронте Великой Войны. С этим батальоном, получившим имя генерала Корнилова и развернутого в полк, он прибыл в Добровольческую Армию, участвовал с полком во всех боях и был его бессменным командиром до самой своей героической смерти.

Другие части Армии несколько раз переходили в отчаянные атаки, стараясь прорваться в город. Только партизаны генерала Казановича смогли пройти до Сенной площади, но, потеряв связь с другими частями, оказались в окружении и с большим трудом пробившись через него и присоединились к своим. Возобновлять 30 марта атаки было невозможно: потери были огромные, в некоторых частях оставалось не более 300 штыков. Отдельные атаки и бои продолжались, несмотря на предельное утомление добровольцев, и всю ночь с 29-го по 30 марта. Эти ночные бои были очень тяжелые и принесли огромные потери. В результате 30 марта выяснилось, что в 1-й бригаде оставалось в строю всего около 1200 человек, а во 2-й — около 600. Зато обоз, походные лазареты выросли до 1500.

Вечером 30 марта ген. Корнилов пригласил к себе на совещание генералов Алексеева, Деникина, Романовского, Маркова, Богаевского и Кубанского атамана полковника Филимонова. Этот совет описал его участник ген. Богаевский:

„Вечером 30-го марта в домике фермы состоялся военный совет, последний в жизни Корнилова...

Места всем на кровати и скамье не хватило. Часть сидела на соломе и на полу. Комната едва освещалась 2—3 восковыми свечами, другого освещения у нас не было. Окно в сторону красных было закрыто циновкой, чтобы скрыть свет у нас.

Настроение духа у всех было подавленное: из докладов Романовского и командиров бригад выяснилось, что потери в частях были значительные, особенно в командном составе. В этот день были убиты полковник Неженцев, командир Корниловского полка, любимец Корнилова. Ранен, но остался в строю генерал Казанович... пополнить их было нечем и нечем. Снарядов и патронов оставалось мало. Все части были сильно потрепаны и крайне утомлены и перемешаны. Часть Кубанских казаков, пополнявших полки, расходятся по своим станицам, заметна утечка добровольцев, чего раньше не было...

А между тем у большевиков, несмотря на большие потери, силы увеличивались приходом новых подкреплений. Боевых припасов было огромное количество.

Во время грустной беседы Марков, сидя в углу на соломе, заснул: сказались две бессонные ночи и крайнее моральное и физическое напряжение боевых частей... Все мы также едва пересиливали себя, чтобы не последовать его примеру.

Вдруг грохот разрыва снаряда и сильный удар в наружную стену заставил всех встрепенуться; оказалось, что вблизи от дома разорвалась граната, большой ее осколок плашмя ударился в стену нашей комнаты, но, к счастью, не пробил ее...

...Штурм Екатеринодара был предрешен Корниловым: он считал, что другого выхода не было.

Мы были собраны, по-видимому, не затем, чтобы узнать наше мнение по этому вопросу, хотя Корни-

лов и спросил его, а для того, чтобы внушить нам мысль о неизбежности этого штурма. Все мы, однако, заявили, что рассчитывать на успех невозможно, а в случае неудачи — все будем обречены на гибель. И только ген. Алексеев, не протестуя против атаки города, предложил отложить ее на сутки, чтобы дать людям хотя бы сомнительный отдых.

Корнилов согласился на это, и штурм был назначен на утро 1-го апреля”*.

Около 7 ч. утра 31 марта ген. Богаевский зашел на ферму к ген. Корнилову, „чтобы доложить ему о результатах своего объезда позиции бригады накануне вечером, а также последние утренние сведения”. По свидетельству Богаевского: „Корнилов был задумчив и сумрачен... перед ним лежала развернутая карта окрестностей Екатеринодара и стоял стакан чая”. Около получаса пробыл Богаевский у ген. Корнилова, который „молча выслушал меня, задал несколько вопросов и, отпустив меня, мрачно углубился в изучение карты. Его последние слова, сказанные как бы про себя, были: 'А все-таки атаковать Екатеринодар необходимо: другого выхода нет...'”

„...но не прошло и пяти минут после моего ухода от командующего, как раздался страшный грохот и удар точно молнии, от которого задрожал весь дом. Дверь из комнаты Корнилова открылась со страшным треском, и оттуда вылетел столб белой известковой пыли: снаряд попал в эту комнату.

Вслед за адъютантом Корнилова я бросился в нее и увидел ужасную картину. Корнилов лежал на полу, с закрытыми глазами, весь покрытый белой пылью. Его голову поддерживал адъютант корнет

* Ген. А. П. Б о г а е в с к и й, цит. пр., сс. 129—130.

Бек-Хаджиев; по левому виску текла струйка крови, правая нога была вся в крови; шаровары были разорваны. Корнилов тихо стонал...

Прибывший врач немедленно распорядился принести носилки, на которые мы и положили едва дышащего Корнилова и вынесли его на двор. Было чудное солнечное утро. Стрельба красных стала положительно ураганной. Снаряды все время разрывались возле самого дома, и офицеры, которые несли носилки, не знали, куда деваться от снарядов, быстро понесли его в небольшой сарайчик, крыша которого часто служила Корнилову наблюдательным пунктом...

Выскочив во двор, я увидел, что носилки с Корниловым пытались протиснуть в узкую дверь сарайчика, который не только не представлял никакой защиты от снарядов, но наоборот, деревянный с соломенной крышей, — послужил бы костром для всех, кто в него вошел, в случае попадания снаряда, что было вполне возможно. Я вспомнил, что в нескольких десятках шагов от дома, на крутом берегу Кубани, есть небольшая терраса, достаточно укрытая от выстрелов, и указал ее офицерам, которые несли носилки. Меня вновь кто-то задержал, и когда я пришел на террасу, то увидел такую картину: на носилках, по-прежнему с закрытыми глазами, чуть дыша, лежал Корнилов. Лицо его уже было обмыто. Около него стоял генерал Романовский, доктор, сестра милосердия и еще несколько человек. Когда я подошел, доктор, стоявший у изголовья носилок, приподнял веки Корнилова и тихо сказал: „Кончается”... Еще один вздох, и Корнилова не стало...

Кто-то сложил ему руки на груди крестом. Совершенно случайно я опустил руку в карман и нашел там маленький крестик, машинально сделан-

ный мной из восковой свечи во время последнего Военного Совета. Я вложил этот крестик в уже похолодевшие руки своего Вождя.

Так закончил свою жизнь один из величайших русских патриотов, не побоявшийся открыто восстать против бездарного Временного Правительства и затем большевиков...

Добровольческая Армия потеряла в нем горячо любимого Вождя, которому она безгранично верила; Россия — верного доблестного сына, положившего свою душу за ее спасение”*.

Ген. Деникин, все время находившийся при штабе Корнилова, вступил во временное командование Армией, о чем, запиской, написанной на клочке бумаги, сообщил ген. Алексееву, ночевавшему в станции Елизаветинской.

Официально Деникин был помощником командующего армией и, находясь в этой должности, он после смерти Корнилова сразу вступил в командование, встав во главе Армии. Но Алексеев был старшим, он мог сам возглавить Армию или назначить заместителя павшему командующему. Поэтому, когда Деникину дали на подпись краткое сообщение, адресованное генералу Алексееву, о смерти Корнилова, он приписал в начале слова „Доношу, что...” придавая этой записке форму рапорта.

Эта записка гласила:

„Генералу Алексееву.

„Доношу, что попавшим в 7 ч. 20 м. в помещение штаба снарядом был смертельно ранен генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут. Я вступил во временное командование войсками Добровольческой Армии. 31 марта. 7 ч. 40 м. № 75 т.

Генерал-лейтенант *Деникин*”.

* Ген. А. П. Богоевский, цит. пр., сс. 130—132.

„Вместе с Романовским Алексеев обсуждал проект приказа, причем оба остановились в нерешительности на одной технической детали: от чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский решил вопрос просто: „Подпишите „генерал-от-инфантерии Алексеев” и больше ничего, Армия знает, кто такой Алексеев”*.

„Тело Корнилова положили на повозку вместе с телом полковника Неженцева. Ген. Алексеев подошел к нему, перекрестился, отдал земной поклон праху, поцеловал холодный лоб покойника и долго в глубокой задумчивости стоял над его телом. Удивительны были взаимоотношения этих двух людей. Оба — глубокие патриоты, глубоко любившие Россию, беззаветно служившие одному и тому же великому делу, — не подходили друг к другу по личным свойствам своих характеров. Много грустных сцен приходилось видеть их окружавшим при их служебных встречах”**.

Когда ген. Алексеев приехал на ферму, он обратился к генералу Деникину со словами: „Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог”. Немедленно был написан и сообщен войскам приказ о вступлении ген. Деникина в командование Армией.

„Параграф 1

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб Армии, в 7 час. 30 мин. 31 сего марта, убит ген. Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

* Ген. А. И. Деникин, цит. пр., т. II, с. 303.

** Ген. А. П. Богаевский, цит. пр., с. 133.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское наступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой Армии и славное командование ею — известно всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабеет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному вождю и лучшему другу России.

Мир праху его!

Параграф 2

В командование Армией вступить генералу Деникину.

Генерал-от-инфантерии *Алексеев*”.

Деникин пишет, что после смерти Корнилова из разбитого дома фермы штаб перешел „в конец рощи, где расположился на перекрестке дорог, под открытым небом...”

„На бурках возле дороги сели в круг Алексеев, Романовский, Филимонов и я. Я очертил общее положение армии. Оно несколько ухудшилось в техническом отношении после 30 марта...

Но не в этом главное. Смерть вождя нанесла последний удар утомленной нравственно и физически пятидневными боями армии, повергнув ее в отчаяние.

Поэтому, ставя себе главной целью спасение армии, я решил сегодня с закатом солнца снять оса-

ду Екатеринодара и быстрым маршем, большими переходами вывести армию из-под удара екатеринодарской группы большевистских войск.

Возражений не последовало**.

„В ночь на 2-е апреля Армия выступает в направлении к железнодорожному переезду, недалеко от станции Медведовской. В течение этого дня пришлось сильно сократить обоз, уплотнив на подводах раненых и беженцев, повыбрасывая, несмотря на протесты, людей, разный багаж. В этот же день, в сумерках, были похоронены в поле тела ген. Корнилова и полк. Неженцева. Хоронили преданные Корнилову текинцы. Могилы сравнивали с землей, сняв кроки местности, чтобы можно было и в будущем найти могилы. Но, к сожалению, кто-то из местных жителей видел, где похоронили Корнилова, и выдал большевикам. Тело ген. Корнилова было выкопано красными, отвезено в Екатеринодар, где подверглось варварскому издевательствам.

Армия двинулась, как всегда, имея впереди бригаду ген. Маркова, сразу же авангардом — штаб с ген. Деникиным и Алексеевым, затем бесконечный обоз, на переход которого через полотно железной дороги требовалось 2—3 часа времени, и в арьергарде — генерал Богаевский. При выступлении было запрещено курить и был приказ соблюдать тишину.

Чуть стало смеркаться, обоз стал вытягиваться из колонии, и чтобы обмануть красных об истинном направлении Армии, сперва пошел на север, чтобы потом круто свернуть на восток. Последние части выступили из колонии уже ночью.

Около 4-х часов утра, пройдя 24 версты, наш авангард подошел в темноте к железной дороге у станции Медведовской. Сторож у переезда был

* Ген. А. И. Деникин, цит. пр. т. II, с. 304.

арестован нашим разъездом, и генерал Марков, приехавший к нам, заставил сторожа, крайне перепуганного, успокоить по телефону эшелон большевиков со станции, слышавших подозрительный шум нашего движения и спрашивавших о нем сторожа. В это время части генерала Маркова уже развернулись и приготовились к атаке станции. Все шло хорошо, но вдруг с последней раздались выстрелы: наш разъезд спугнул красных часовых. От станции отделился бронепоезд и тихо, с загашенными огнями, двинулся к переезду, где уже находился штаб Добровольческой Армии, вместе с ген. Алексеевым и Деникиным, и куда пошла голова обоза. Бронепоезд уже был в нескольких шагах от переезда**.

Эти минуты описывает Деникин:

„Ждем результатов захвата станции. На будку приходит штаб-ротмистр Алексеев, сын Михаила Васильевича.

— Отец просит разрешения войти в будку.

— Пожалуйста, милости просим.

Это, очевидно, для примера другим подчеркнутое подчинение драконовским правилам порядка и движения колонны... полное невмешательство в дело организации управления и вождения армии...

...У будки все: ген. Алексеев, командующий армией со штабом и генерал Марков. Одна граната, несколько лент пулемета и... в командном составе армии произошли бы серьезные перемены...

...Марков бросается к поезду — „поезд, стой! Раздавишь, с...с...!“ — Марков выхватил у кого-то из стрелков ручную гранату и бросил ее в машину. Мгновенно из всех вагонов открыли по нам силь-

* Ген. А. П. Богоевский, цит. пр., сс. 139—140.

нейший огонь из ружей и пулеметов... Между тем Миончинский (командир арт. дивизиона) продвинул к углу будки орудие и под градом пуль почти в упор навел его по поезду... Грянул выстрел, граната ударила в паровоз, и он с треском повалился передней частью на полотно... И тогда со всех сторон бросились к поезду Марковцы. С ними и их генерал. Стреляли в стенки вагонов, взбирались на крышу... Скоро все кончилось. Горячо обнимая виновника этого беспримерного дела.

— Не задет?''*

*

У командования отношения с кубанскими властями установились сдержанные, корректные, но сухие. Но, между прочим, кубанцы поддерживали денежно генерала Алексеева, передав ему в это время в его ведение миллион рублей, что было весьма кстати, так как за три месяца похода „казна” сильно растаяла. Кроме того, они взяли на себя оплату всех выданных Армией за время похода реквизиционных квитанций.

Из Ильинской генералом Деникиным был послан полковник генерального штаба Барцевич с разездом в разведку на Дон. 12 апреля Армия перешла в станицу Успенскую, и вот сюда вернулся полковник Барцевич, привезший радостную весть о восстании на Дону.

„Отважный полковник Барцевич с опасностью для жизни пробрался туда и привез на Дон известие, что Добровольческая Армия жива и продолжает бороться с большевиками. Эта весть радостно всколыхнула южных Донцов, которые уже опомнились

* Ген. А. И. Деникин, цит. пр., т. II с. 308.

от красного угара. Немедленно было решено установить связь с генералом Деникиным и полтора десятка смелых казаков вместе с полковником Барцевичем пробрались мимо красных отрядов и прибыли в станицу Успенскую.

Все начальствующие лица собрались в станичной школе, и там старший из Донцов (все это были простые казаки) в своей горячей речи заявил, что весь Дон уже поднимается и ждет себе на подмогу Добровольческую Армию.

Приезд этой делегации окончательно решил вопрос о дальнейшем направлении нашего движения. Всякие колебания были кончены. На Д о н — было единогласное решение, отозвавшееся глубокой радостью в наших сердцах. Забыты были все пережитые страдания и невзгоды, у всех была одна мысль — скорее на север, где уже, по словам делегатов, „всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон”*.

4 апреля в станице Успенской генерал Деникин делал смотр частям Армии. Генерал Алексеев верхом, в составе штаба, сопровождал командующего Армией. Трехцветный национальный флаг развевался перед ними. Деникин объезжал фронт, здоровался с частями и обратился со словами:

„Земной поклон вам, чудо-богатыри! Вы совершили один из величайших походов Русской Армии. Родина не забудет вас”. Продолжая свое слово, генерал Деникин указал добровольцам, что начатая ими борьба является борьбой за освобождение России, теперь расширяется и принимает общегосударственное значение**.

Штаб Армии, при котором неотлучно находился

* Ген. А. П. Б о г а е в с к и й, цит. пр., сс. 144—145.

** Ген. А. И. Д е н и к и н, цит. пр., т. II, с. 316 и далее.

генерал Алексеев, вошел под вечер Страстной Субботы в станицу Егорлыцкую. Радостно встретили добровольцев станичники, одаривали раненых писанками и другой праздничной снедью.

„Поздно ночью я (Деникин) со штабом ехал по дороге в Егорлыцкую, спеша к Пасхальной заутрени...

Ночь была тихая и звездная. Справа на горизонте догорал зажженный кем-то после боя хутор и бросал кровавый отблеск на небесную высь. Гулко стучали подковы по еще не оттаявшей земле... В темноте обрисовывались силуэты казачьей заставы. Въезжаем на площадь. Светится ярко храм. Полон народа. Радость Светлого праздника соединилась сегодня с избавлением от „нашествия”, с воскресением надежд. Радостно гудят колокола, радостно шумит вся церковь в ответ на всеблагую весть:

— ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!”*

В полночь ударил церковный колокол к заутрени. Кто мог, потянулся в Церковь. Пошел в Церковь и генерал Алексеев, и у обедни исповедался и причастился. Как потом говорил отец — не надеялся он, что придется ему встретить Великий Праздник в храме Божьем.

Грустная была Пасха у нас в Новочеркасске. Красные власти запретили служить заутрени, но священник церкви, в которую мы ходили, объявил, что служба будет, даже если церковь будет пустая. Со страхом, стараясь держаться позади деревьев, быть более незаметными, мать, сестра и я пошли к заутрени. Церковь была полна. Через несколько дней Анна Николаевна писала Михаилу Васильевичу: „У светлой заутрени я все молилась, чтобы и тебе удалось встретить праздник в храме, но не ду-

* Там же, сс. 324—325.

мала, что вы так близко от нас (сравнительно)".

Тоскливо, никем не отмеченный, в мыслях и тревоге за своих прошел первый день Пасхи. А утром второго дня мы проснулись от частой стрельбы под нашими окнами, сперва приближавшейся, потом удалявшейся. Когда я выглянула в окно, то увидела на улице казаков в погонах. В это утро казаки-повстанцы с боем выгнали красных из столицы Дона. Радость была великая. Загудели праздничные пасхальные колокола, народ высыпал на улицы, все, кто как мог, приветствовали своих освободителей, но те не очень утешали нас, говорили, что не знают, удержат ли Новочеркасск. Так прошло три дня. И вот утром 25 апреля настала критическая минута, казаки стали снимать свои батареи, стрелявшие по красным.

„Станичники, не оставляйте нас", — умоляли жители.

Но уже подали передки к орудиям, когда произошло чудо, послышалась стрельба в тылу у красных, со стороны Ростова. Не зная, в чем дело, но, видя помощь, казаки опять поставили свои пушки на позиции и продолжали стрелять по красным. А через несколько часов стройными рядами, запыленные, измученные, но радостные входили в Новочеркасск части полковника Дроздовского. Прodelав 1000 верстный поход с боями с Румынского фронта, этот героический отряд, около 3 тыс. человек, взял Ростов, но, под натиском немцев, должен был его оставить и подошел к Новочеркасску в самую критическую минуту, когда казаки, теснимые превосходящими силами красных, готовы были оставить город.

Об отряде полковника Дроздовского никто ничего не знал, никто никогда о Дроздовском не слышал, для всех это было как гром с ясного неба, пас-

хальное яичко, пасхальный подарок. О, какое было ликование, какое чувствовалось счастье. Но наше счастье, счастье нашей семьи было особенно велико в этот незабываемый день моей жизни. Велика милость Господня. В этот же день пришел конный разведывательный разъезд от Добровольческой Армии для связи с казаками. С этим разъездом приехал С. М. Крупин, муж моей сестры.

Как горело сердце, как трепетала душа благодарностью к Богу, когда мы узнали, что все наши живы и что они в данные дни в безопасности, что поход, страшный, тяжелый поход окончен и они сравнительно недалеко от нас.

С. М. пробыл с нами несколько дней. Расскажем не было конца. Но, наведя все нужные справки, он вместе с разъездом должен был вернуться в Армию. С ним мать послала письмо к отцу, в котором писала: „Истомились мы страшно, живя так далеко без малейшей весточки от вас, потеряв с вами всякую связь. День 25-го (приезд С. М.) неожиданно принес нам столько радости, что мы не знали, как и благодарить Господа Бога за Его великую милость к нам... Бог знает, что ждет еще впереди, но эти дни мы действительно отдыхаем душой от пережитого нервного напряжения, сплошного гнета и кошмара. К нам лично Господь был бесконечно милостив, и мы не подверглись никаким бедам, а могло быть совсем иначе”.

Лишь через неделю, не помню уже с какой okazji, получили мы первое письмо от отца. Оно оказалось и его последним письмом к жене. Отец писал 2 мая из станицы Мечетинской:

„Как тяжелый камень, свалившись с души моей, облегчил ее, утолил безысходную печаль, обратил мысль со словами благодарности к Богу. Тяжелое

еще не пережито, много его впереди, но за минувшее — не было конца милосердию Божию: все мы живы и здоровы, живы и здоровы находящиеся при мне. А по теперешнему времени — это и чудо и милость Господня.

Я не искал смерти, но не считал достойным прятаться от нее, и спокойно не раз смотрел ей в глаза, сердясь, что мои молодые неотступно следовали за мною, когда они не были нужны и сделать ничего не могли. Побуждения нравственные толкали меня вперед и заставляли спокойно относиться к вопросам о переходе в лучший мир.

Устал я думой бесконечно, полное неведение о Тебе, детях, нескончаемая поэтому тревога, никогда меня не покидавшая.

Устал и телом, ослабел, так как плохая вода, каждый день переменная, полная неаккуратность в моих болезненных делах расшатали меня. Но приходится пока дух поставить выше тела.

Теперь и в Армии, вернее, в отряде, живется легче, с Деникиным полное согласие и совместное решение вопросов на пользу общую...

Вереницей сейчас идут передо мной люди, дела. Прекращаю мое письмо”.

5 мая в станице Мечетинской происходило совещание: генералами Алексеевым и Деникиным были собраны „для беседы” командиры частей.

Полковник В. Е. Павлов так описывает эту беседу:

„Ген. Алексеев говорил о внешнем положении, главным образом касаясь немцев. Он считал, что немцы были и остались врагами России, поэтому с ними недопустима какая-либо связь. С ними — ни мира, ни войны.

Ген. Деникин говорил о единственной задаче Добр. армии — борьбе с большевиками и освобож-

дении от них России. Он говорил, что армия может идти только под Национальным флагом, но не под монархическим или республиканским. „Какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбе страны без ведома русского народа? Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей”.

Начальникам было поручено передать в свои части, что армия не одинока: из Румынии пришел и теперь находится в Новочеркасске отряд полк. Дроздовского, поднимается Кубань и ежедневно сотни казаков присоединяются к армии. Борьба с красными на Дону успешно развивается, освобождаются все новые и новые станицы и округа и казаки вливаются в свою армию”...

На следующий день, 6-го мая, состоялась вторая беседа не только со старшими начальниками, но также с бригадными командирами, вплоть до отделенных включительно. Алексеев и Деникин „...дали подробную информацию о положении в России, о предстоящих задачах армии. Ими было сказано, что Германия стремится отнюдь не восстанавливать единства России, а раздробить ее на ряд мелких государств — Германскую Украину, Крымскую и Все-великого Войска Донского республики, и это только здесь, на юге; государства, ей служащие и от нее зависящие. Добр. армия же борется за Единую, Великую и Неделимую Россию, ни от кого не зависимую и свободную. Они еще раз подтвердили, что будущее устройство России должно быть решено волею Учред. Собрания...”*

Генерал Краснов после своего избрания атаманом просил о приезде в Новочеркасск одного из руко-

* В. Е. Павлов. Ук. соч., т. 1, сс. 239—240.

водителей Добровольческой Армии. Все внешние сношения и дела вел генерал Алексеев. Но он считал невозможным свой приезд в столицу Дона, так как путь лежал через Аксай, оккупированный немцами, и была опасность оказаться немецким пленником. По взаимному соглашению свидание было назначено в станице Маньчской, расположенной на берегу Дона и отстоящей верстах в 30 от Мечетинской, где в это время пребывал штаб Армии.

Генерал Краснов очень любезно предложил моей матери поехать с ним на свидание с отцом. В чудное майское утро выехали мы в одном из автомобилей свиты Атамана. Впереди шел автомобиль генерала Краснова с атаманским значком. Благоухает привольная весенняя степь, вся в цветах, в сочных травах.

Неизгладимо тяжелое впечатление, заставившее больно сжиматься сердце: в Аксае мы встретили немецкие посты — немцы в середине России...

Мы плыли на пароходе вверх по Дону. Все прибрежные станицы выходили на берег на пристани приветствовать своего выборного Атамана. Генерал Краснов стоял на корме парохода с перначем в руках. Впервые я слыхала тогда старую казачью песню, ставшую гимном: „Взволновался, всколыхнулся православный Тихий Дон”, — которой приветствовали Атамана.

Часа через два мы были в Маньчской. Я не помню, кого мы встретили на пристани, кто нас отвел в дом, где остановился отец, — мысли были с ним: в каком состоянии мы найдем отца. Отца застали мы лежащим в кровати.

Отец сильно исхудал, но был бодр духом. Была

великая радость встречи, но она не была интимной, семейной; к нему в комнату все время входили какие-то офицеры, которым он давал поручения, распоряжения, куда-то посылал. Позже отец встал, чтобы идти в станичное управление на заседание с Атаманом. Это было 15 мая.

Сколько мы пробыли в станице Маньчской — не помню: день, два, а затем вместе с отцом, по той же благоухающей степи, поехали в станицу Мечетинскую, где встретились с братом и остальными членами нашей семьи. Это были несколько недель тишины и покоя, хотя в недалеком расстоянии от станицы происходили мелкие стычки отрядов армии с большевистскими бандами. Здесь мы пережили торжественный и радостный момент соединения с Армией отряда полковника Дроздовского, шедшего пешком походным порядком из Новочеркасска. В такое же пригожее весеннее утро генералы Алексеев, Деникин и Штаб Армии выехали в степь за станицу для встречи отряда. Сперва показались на горизонте облака пыли, все ближе и ближе. Впереди несли трехцветное знамя. Полковник Дроздовский верхом на лошади подъехал к генералу Деникину с рапортом и присоединился к штабной группе, чтобы представить свой отряд. Первой шла, под командой полковника Жебрыка, морская рота, с развевающимся перед нею Андреевским флагом. Рота за ротой, бодрые, подтянутые, отдохнувшие в Новочеркасске от своего длинного похода, шли дроздовцы, вливая новые силы в ряды Добровольческой Армии.

Присоединение отряда полковника Дроздовского, кроме того, прибывающие группами и поодиночке офицеры с Украины, сильно увеличило ряды Армии, а средства не прибавлялись. Наличные иссякли, и это было постоянной тревогой и заботой генерала Алексева.

Сидя в глухой станице Донского Войска, Алексеев обращается ко всем, у кого он считал, что имеет нравственное право просить и требовать. 23 мая он пишет Войсковому Атаману Всеволодского Войска Донского, то есть генералу Краснову:

„На совещании с Вашим Превосходительством в станице Маньчской вопрос о денежных средствах на содержание Добровольческой Армии и о необходимости помощи из общегосударственных доходов Войска Донского хотя и был затронут, но не получил какого-либо определенного решения.

Между тем Добровольческая Армия растет численно, прилив офицеров увеличивается, а денежные средства иссякают.

Необходимо прочно установить размер средств, на которые может рассчитывать Армия, хотя бы на ближайшие два месяца — июнь и июль 1918 года — в предположении, что за этот период более определенно выяснится политическая и военная обстановка, которая окажет влияние на последующую жизнь Армии. Принимая во внимание наличные наши средства данной минуты, Добровольческая Армия будет нуждаться ежемесячно в июне и июле в помощи в размере двух миллионов рублей, а всего 4 миллиона рублей.

По соглашению, установленному товарищем Министра Финансов Хрущевым с покойным Атаманом генералом Калединым и правительством Войска Донского, из первой ассигновки в 3 миллиона рублей причитающиеся 50% на долю Добровольческой Армии полностью получены. Из второй же ассигновки в той же сумме, из коей Добровольческая Армия должна была получить половину, пока в действительности получено около 5,5 миллионов, а около 9,5 миллионов остается в распоряжении Войска.

Из этой суммы я и прошу Вас поддержать жизнь и деятельность Добровольческой Армии выдачею по частям в июне и июле четырех миллионов рублей.

Судьба связала 26-го ноября 1917 года деятельность Добровольческой Армии с жизнью войска Донского. Ближайшее будущее не прервет эту связь, почему я с глубокой верой обращаюсь к Вам с моею просьбою, надеясь, что оно поддержит жизнедеятельность Армии за счет указанного выше источника.

Генерал Алексеев”.

В начале мая отец получил письмо от П. Н. Милюкова из Ростова. Это была первая весточка из внешнего мира, ориентирующая в обстановке в России, и, как первый контакт с внешним миром, обрадовавшая его. Письмо это не сохранилось. 10 мая из станицы Мечетинской отец отвечает Милюкову*:

„Приветствую Вас и крепко благодарю за Ваше доброе и сколько-нибудь ориентирующее письмо, а главное — это слово участия, указывающее, что есть *хоть один человек*, которому Добровольческая Армия близка, которой он интересуется и хочет пытливо заглянуть в ее туманное будущее. Никаких писем от московских „друзей” я не получал. Трудно чувствовать и сознавать себя более ненужным и лишним, ни для кого не интересным, как чувствую это я и все мои сотрудники. Есть у нас деньги на хлеб насущный. Мы почему-то босы, оборваны,

* Переписка ген. М. В. Алексева с П. Н. Милюковым была частично опубликована Б. Сувориным — „Новое время”, Белград, 26 апр., 7 мая и 23 июня 1921 года. В настоящее время эти письма (или копии их) находятся в личном архиве П. Н. Милюкова. Columbia University, Russia, Archive. — Прим. ред.

большинство не имеет смены белья, ибо кто и когда интересовался, на какие средства живет эта маленькая, быть может донкихотствующая, Добровольческая Армия. А Армия доживает последние гроши. Столь много обещавший в смысле материальном и столь мало давший (всего 350 000!) Московский Центр, желавший, однако, играть первенствующее значение в жизни Армии, теперь, имея полную возможность установить с нами связь и помочь нам... г д е о н? Мы его послали искать. Но это не значит, что он нам даст средства на продолжение нашего существования. Войско донское, по-видимому, уклоняется от выполнения соглашения Хрущева. Для Московского Центра денежные наши дела всегда были надоедливыми, жужжанием мух. Центр хотел за дешевую плату „руководить”.

Резкость моих слов объясняется горечью пережитого и переживаемого. Три месяца трудов и лишений. В результате неизвестность существования будущего дня (ведь и на ропуск нужны деньги, и не малые). Обстановка для Добровольческой Армии тяжела, сложна и туманна.

Первое тяжелое условие я высказываю Вам. Нужно сейчас 10 миллионов. Это — гроши, и я не могу поверить, чтобы Москва их не нашла. Без денег я вскоре с болью сердца и с опасением за судьбу отпускаемых, распушу Армию. Срок ожидать это не большой, если с Дона не удастся получить 6 миллионов, на которые у меня есть переводной бланк. При увеличивающейся численности людей, при растушей дороговизне, при необходимости вновь одеть и обуть людей — средний месячный расход достигает 5 миллионов рублей.

Второе условие — немцы, их скрытые политические цели и намерения.

3-е условие — личность нового атамана Дона ге-

нерала Краснова (его деятельность в октябре 1917 года, его отношение к Добровольческой Армии).

4-е условие — беспомощность Кубани, невозможность и бесцельность повторения туда похода при данной обстановке, не рискуя погубить Армию.

Не перечисляю Вам второстепенных причин, заставляющих мучительно думать над решением вопроса — как вести дальше Добровольческую Армию.

Немцы, с которыми играет в дружбу ген. Краснов, или сознательно, или страха ради иудейска, еще не высказались окончательно относительно Дона открыто, но косвенно показали уже желание: Каменская и Лихая ими заняты. К Царицыну они продвигаются, чтобы кратчайшим путем стать на Волге. Дон ими будет занят, тем более, что и ген. Краснов заявил, что пора Дону о России не думать, а стать „республикой”, которую пока немцы, конечно, возьмут под свое покровительство. Это для них важно прежде всего стратегически, особенно в связи с положением дел на Кавказе.

Итак, на Дону хозяином скоро будут немцы, с которыми, как врагом России, Добровольческая Армия не имеет права и возможности вступать в переговоры, а тем более заключать какой-либо договор, условие.

Сохраняя главную задачу — борьбу с анархией, с большевизмом, Добровольческая Армия не может обратиться в пособников немецких. Она должна сохранить самостоятельность существования или исчезнуть. Выгодно ли немцам терпеть Добровольческую Армию, если она не будет у них в руках? Ведь это ядро будущей дисциплинированной Армии русской, — быть может, средство спасения и возрождения. Мы — немцам нежелательны. Уже теперь име-

ются сведения об их намерениях — Армию обезоружить, распустить, старших начальников „интернировать”.

Куда нам идти? На Кубань — гибель. На Кавказе мало привлекательного и делать нечего.

Генерал Краснов, беря начальствующий тон по отношению к Армии, указывает ей путь — скорее берите Царицын, но Дроздовского я удержу в Новочеркасске до „создания регулярной Донской армии”. Цель — сунуть нос в *непосильное предприятие*, на пути к выполнению которого мы можем столкнуться с немцами, избавиться от нас на Дону и доказать немцам, какой он „паичка”. Своей армии он *не способен* создать, ибо и он еще временный хозяин, да и подготовки для этого нет. Мы ему нужны, но он балансирует между страшным немцем и пока слабой Добровольческой Армией. Личность Краснова сыграет отрицательную роль и в судьбах Дона, и в наших, он нас просто продаст, как продал Керенского в октябре и ноябре 1917 года под Петроградом. Мы должны предусматривать это и принимать меры.

О Кубани говорил. Тысячи две с половиной доблестных людей — в составе нашей армии. Остальное безоружно, безынициативно, бессильно.

Только крайность заставит меня распустить войска, ибо каждый в отдельности боец, не исключая и Кубанцев, обречен на гибель. Но для существования, работы, деятельности необходимо, чтобы:

1) Москва дала деньги, не увлекаясь созданием банков. С химерами этими мы ознакомились в декабре 1917 — январе 1918 г. Без денег вести такое дело нельзя. Пусть Москва снимет маску и прежде всего откровенно выскажет свое действительное отношение к Добровольческой Армии.

2) Мы должны расти в числе за счет Центра, а не

Дона и Кубани, преследующих свои цели. Было время, когда московские военные деятели говорили, что каждого бойца нужно сохранить на месте „для Московского действия”. У них гора до сих пор родила мышь, а мы обратились в Доно-Кубанские войска, ибо наши доблестные офицеры и юнкера в большом числе погибли во время незаметного, но эпического похода.

Только увеличив наши силы, мы можем вырваться из кольца немцев — Дон — большевизма. С первыми нам непосильно вести пока борьбу, со вторыми — неуместно, с третьими мы управляемся и с Божьей помощью выйдем на более торную дорогу.

Я очень кратко очертил Вам наше тяжелое положение. Боюсь, что не все понятно, но писать больше не могу. И тяжелая мысль о ближайших наших судьбах не покидает нас, руководителей. Дай Бог с честью вывести войска из тупика. Живем надеждою”.

И второе письмо пишет Алексеев Милюкову из той же станицы Мечетинской 25 мая:

„Я получил Ваши письма от 19-го и 21-го мая. Вопросы, поставленные этими письмами, столь существенны и важны для определения целей нашей дальнейшей деятельности, что ответы должны быть по возможности точны и определены. Но обстановка, при которой приходится принимать решения, столь быстро — как Вы сами говорите — меняется, что без словесной беседы, одними письмами мы не в состоянии установить полное понимание условий нашего будущего существования. Если бы Вы могли пожертвовать двумя днями, мы прислали бы в Маньчскую автомобиль, а до Маньчской Вас распоряжением атамана доставил бы пароход. Это было

бы самым желанным. Мне появиться в Новочеркаске по некоторым причинам неудобно.

Трудность принятия для нас решений увеличивается неискренностью и двойною игрою генерала Краснова. 15-го мая в Маньчской с ним по самым существенным вопросам договориться не удалось.

а) Средствами он (войска) якобы обеспечить нас не может, разве допустить роскошь „воспомоществования” в размере не свыше 1/3 части расходов.

б) По занятии немцами Батайска, готов часть своих сил предоставить временно в распоряжение Добровольческой Армии для выполнения пока частных задач, вытекающих из общей идеи борьбы с большевиками.

в) Атаман отказывается от стремления руководить Д. Армией, ставить ей цели, а будет соотносываться с общей обстановкой и вырабатывать совместные способы действий.

г) Временно, до создания Донской Армии, Атаман, без содействия Добр. Армии на Дону, в частности, в Новочеркасске, обойтись не может. Просит оставить в его распоряжении бригаду Дроздовского, хотя не имеет возражения против замены его другими частями Добровольческой Армии.

д) Кубань не может быть предоставлена своим силам, и помощь ей со стороны Дона, по укреплении положения в нем, должна быть оказана.

Но уже 16-го мая, то есть на следующий день после Маньчского совещания, атаман отзывался о Добровольческой Армии в резких, мало соответствующих обстановке выражениях, явно подчеркивая, что эта армия служит ему и Дону помехою в отношениях с немцами, что Армию нужно распределить „между Доном и Кубанью, ну а некоторым генералам поехать за границу”.

20-го мая письмом Краснов требует помощи для

второстепенного предприятия от нас. 21-го мая пишет письмо ультимативного характера, что имеющиеся у него сведения доказывают неизбежность наступления германцев на Тихорецкую. Так как помешать этому он не может, то предлагает Добровольческой Армии 26—29 мая, отпустив Кубанцев, (куда?) с наличными силами, при содействии некоторых Донских отрядов, идти брать Царицын.

Тут, что ни слово — затаенная мысль, желание — и, скажу от себя, готовность продать. Идти на Царицын мы не можем, бросить предательски Кубанцев (1/2 нашей Армии) мы не имеем права, покинуть Донскую область, значит и отказаться от тех грошей, которые я по справедливости считаю принадлежащими Армии и только находящимися в Донской Казне. Деньги же общегосударственные.

Общее направление мыслей и желаний в Армии — монархическое, претендуют на то, чтобы этот лозунг объявить во всеобщее сведение. Но сломить психологическое настроение и доказать массе необходимость соглашения с немцами невозможно. Мы тогда потеряем большую часть нашего личного состава. Против наших выводов логически возражать трудно, но заставить присоединиться к ним наш офицерский состав едва ли возможно без решительных потрясений самого существования Армии. Нужна спокойная подготовка, указания опыта, дальнейшее выяснение обстановки в Москве, разъяснение позиции наших союзников.

Вот почему мне так хотелось повидать Вас. Но цифровых данных, из некоторых соображений, на бумаге изложить не могу. А между тем теперь установить единство и мыслей и решений весьма важно. Если Киев может обождать 2—3 дня, то поговорим. В Киеве призрачная власть гетмана и действительная власть немцев. В Москве все-таки правдами

или неправдами советская власть привлекает к себе на службу наших генералов и офицеров, которые идут в надежде, что большевизм изживет себя и каким-то чудом, само по себе, переходит в монархию, но помимо немцев.

Если нам не придется повидаться, то прибавляю, что скорый поход на Москву нам непосилен, не говоря про многие нерешенные вопросы, пойдут ли с нами те или другие казаки. Частные, но серьезные операции начнутся скоро. Пока численно, духовно и в смысле прочности *мы растем*, а средства *добывать так или иначе нужно*. Нельзя умереть от денежной немощи, но мы готовимся и к этому, когда съедим последний кусок и выдадим в содержание последний рубль, но сделав все, что можем и умеем”.

Привожу здесь и третье — последнее письмо отца к Милюкову, написанное, правда, позднее, уже из Новочеркасска, 18 июня 1918 года, но касающееся все тех же сложных и тяжелых условий того расшатанного психически, морально и политически времени.

„Получил Ваше киевское письмо, но сразу ответить не мог: Армия начала наступление, втянулась в упорные бои, понесла пока небольшие потери, но одну незаменимую — убит генерал Марков.

Нужно было точнее ориентироваться в общем настроении нашей Армии, чтобы ответить Вам. Как общее явление — глубокое сознание, что немец — враг, с которым счеты не покончены, но он является отцом и творцом большевизма, доведшего нашу родину до гибели. Циркулирующие у нас весьма определенные сведения, что Вильгельм не допускает пока мысли о возрождении России, что принят план образования 4—5 кусков. Это косвенно подтвер-

ждается требованием (кн. Тундутов — дурак, Добрыньский — пройдоха, кто за ними, я не знаю) скорейшего создания Юго-Восточного Союза (дается, кажется, наименование какой-то особой республики) из германофильствующих атаманов (Донс. Куб. Астр.) по германской указке, под открытым германским управлением и руководством. Довольно настойчиво предъявлено требование при этом или разоружить Добр. Армию, или удалить ее руководителей, не идущих к немцам.

Все это создало в Армии тяжелую атмосферу яркого недоверия и недоброжелательства к немцам. Мы хорошо ориентированы относительно „самостийного” существования Украины, относительно роли там немцев, настроения украинского крестьянина, неизбежной скорой борьбы партизанского характера за отстаивание мужиком *своего* хлеба от жадных загребательных рук немцев (Харьковская, Полтавская особенно). Мы знаем силы немцев. Армия в лице *всех* своих офицеров так нервно относится ко всем этим вопросам, что малейшее уклонение руководителей в сторону соглашения с немцами поведет за собой фактическое исчезновение основного кадра нашей армии, она разойдется и будет искать работы там, где не будут участвовать немцы. Разоружения можно избежать и нужно этого достигнуть. Распыления же и самоуничтожения Армии, при уклоне к немцам, избежать невозможно.

Не без того, что на настроение наших офицеров действуют и те мерзости, к которым прибегают возрождающиеся организации, имеющие уже соприкосновение с немцами (Ростов — Всеволжский, Киев — ген. Веселовский, Дачинский). Делать можно каждому что угодно, но чисто плотно, отсутствие последнего качества нервирует массу и дает ей основание считать немцев готовыми на каждую га-

дость. Арест в Киеве полк. Ряснянского — акт прямо враждебный нашей Армии.

Вполне понимая, насколько сильно и выгодно положение у нас немцев, зная их умение показывать размер кулака, больше, чем он есть на самом деле, сознавая плохую деятельность союзников, мы психологически не можем переменить себя, поступиться общим настроением массы и, уступая немцам, искать пока сомнительного согласия Вильгельма на воссоздание великой неделимой России. Нет веры.

Свято сохраняя свою цель, Армия должна, до минуты своей возможной гибели, идти иным путем. Этот вывод неизбежен из совокупности настроений всех составляющих действительную силу и душу Армии. Изменить невозможно. Поход на Москву зависит пока от многих чисто местных условий. Лично я считаю, что Добровольческой Армии пора переменить направление операции, хотя бы ради взаимного спасения.

Такова наша обстановка, невзирая на уклон в германскую сторону со стороны Краснова, который неизбежен, ибо он находится в тяжелых условиях, а Кубань ждет немцев, как избавителей, в лице своего правительства и рады”.

„Киев — 21-го июня (5-го июля) *.

Дорогой Михаил Васильевич,

спасибо Вам за Ваше прямое и искреннее письмо от 18-го июня. Я вижу, что перемена тактики Добровольческой Армии, о которой я мечтал, как об одной из краеугольных основ *немедленного* приступа к объединению России, для Вас и для всей Армии в целом „психологически” невозможна. В том акте

* Первая половина этого письма приведена самим П. Н. Милюковым в его статье „Мои сношения с ген. Алексеевым”. „Последние новости”. Париж, 3 и 6 апреля 1924 года. — Прим. ред.

освобождения Москвы от большевиков, который я считал возможным и необходимым *теперь же*, Добровольческая Армия не будет участвовать. Не будет поэтому и самого акта восстановления национального общерусского правительства русскими руками. На этом надо поставить теперь крест и не только потому, что перемена ориентации Добровольческой Армии оказывается невозможной, но и потому, что, если бы она совершилась *теперь*, она бы уже запоздала. Ибо является другой фактор, выбивающий у меня почву из-под ног: усиление опасности для германцев на Востоке, вследствие движения чехословаков и предстоящего японского десанта. В такой момент германцам, очевидно, некогда думать об объединении России и то течение, которое эту мысль поддерживает, поневоле теперь отодвигается на второй план. Германцы, видимо, *придут в Москву*; но придут *не как освободители* Москвы от большевистского засилья, о чем они подумывали раньше и для чего могла бы им пригодиться Добровольческая Армия. Они придут как *союзники большевиков*, и их защитники от нападения союзников. Можно даже догадываться, что первые их эшелоны уже на Волге, и если верно, что Сызрань отнята у чехословаков, то тут уже обнаружилось их присутствие. С другой стороны, в германской печати есть известие, что Иркутск взят австро-германскими военнопленными, — что в свою очередь может явиться сигналом для наступления японцев. Таким образом, то, чего я опасался и что хотел бы предупредить — борьба союзников с противниками на нашей территории и закрепление разъединения России на две части — грозит сделаться совершившимся фактом. Все это уничтожает мой план в самых основаниях, но не уничтожает той цели, для которой я его составлял, и не исключает необходимости

зорко всматриваться в дальнейшие перспективы.

Ближайшая из них — результаты появления германцев в Москве в роли союзников большевиков. Для меня нет сомнения, что германцы эту роль бросят при первой возможности и повторят в Москве то, что сказали здесь: совершат мирный переворот и выдвинут какое-нибудь местное правительство. Возродится ли при этом идея объединения, будет ли у местного правительства возможность поставить немедленно всероссийские задачи, выберут ли германцы этот момент для восстановления монархии, — всего этого я не знаю. Но, кажется, при всем этом они используют более правые политические силы и партии, чем имели в виду до сих пор. Удастся ли при этих условиях добиться такого положения, при котором мои политические друзья могли бы принять активное участие в воссоздании государственности... (проп. одного слова. — Ред.) для меня вопрос. Но если не это, то какая другая линия поведения (окажется) возможной?

Добр. армия, по-видимому, выбрала эту линию окончательно. Она ведет на Волгу в ту туманную даль, которая рассеется далеко не сразу, лишь через несколько месяцев, при такой картине европейского положения, которую сейчас учесть невозможно. Можно лишь сказать, что этот театр войны останется второстепенным и исход борьбы здесь не повлияет, а сам будет находиться в зависимости от общеевропейских комбинаций. Эти комбинации можно учитывать различно. Только что приехал из Петрограда Никанор Васильевич, который, не отрицая пользы контакта с немцами, все же продолжает верить, что в будущем году осенью развязка получится благоприятная для нашей старой ориентации. Он считает японскую помощь серьезной, хотя и не верит, что Япония отдаст нам все 25 корпусов (с

союзниками 35), о которых говорят в Петрограде. Он считает, что положение германцев очень трудно и тоже верит в возможность их удаления отсюда, под влиянием местных затруднений и необходимости (искать?) силы в другом месте. Я учитываю положение несколько иначе. По-моему, данный фазис войны на *континенте* (не говорю, *всей* войны) — на исходе. Единственная серьезная опасность для Германии — возможный распад Австро-Венгрии, но и это обстоятельство будет в общем ходе войны иметь локальный характер. Тот или другой мирный исход в Европе может застать нас врасплох, в состоянии бессилия и раздробления: к этому и начинает склоняться, по-видимому, германская политика. Но создание таких единиц, как „юго-восточная держава“, я не считаю проявлением *этой* политики: напротив, это есть проявление политики восстановления русской государственности и, как временную ступень, я продолжаю это приветствовать. Во всяком случае, дальнейший путь воссоздания государственности всероссийской лежит при этих условиях, *не* в расчетах на победы союзников и на их протекцию на международном конгрессе, а в переговорах и соглашениях, которые должны вестись теперь же и ни на минуту не прекращаться, приспособляясь лишь ко всем изменениям положения. Мой старый план умер: да здравствует новый план, который надо обдумывать немедленно. Добр. армия в этом плане в настоящее время, вероятно, не будет играть никакой роли, если *вся* уйдет на Волгу. Но в будущем, — вероятно, недалеко, — нам все же придется снова встретиться, — и нужно быть в постоянном контакте, насколько это будет возможно. Я предвижу, при этом, что уход Д/обровольтеской/ а/рмии/ на Волгу усилит отколовшиеся от нее части, которые Вы считаете „нечистоплот-

ными''. Я знаю, в чем здесь дело. Всеволожский хотел меня видеть в Ростове, и я его уговаривал — не отделяться от Д. а., не выступать с отдельными воззваниями, а ждать момента, когда вся Д. а. станет на точку зрения монархии (что, по моему мнению, было неизбежно). Не знаю, как подействует уход Д. а. в этом отношении и не перейдет ли она на позицию левого центра и Савинкова (непредрешение формы правления до Учредительного Собрания). Я эту позицию считаю теперь безнадежно устаревшей. Во всяком случае, по другому принципиальному (по-моему, не-принципиальному) вопросу об ориентации во внешней политике — раскола, по-видимому, предупредить не удастся! Я хотел бы, однако, чтобы и тут, по возможности, сохранился контакт и чтобы разрыв не принимал обостренного характера, который сделал бы невозможным дальнейшее сотрудничество. Моя мысль все-таки, что эти расходящиеся теперь части должны потом снова встретиться и работать вместе над осуществлением того, что у них есть общего. Боюсь, что в том случае, если Добровольческая Армия уйдет на Восток (а может быть, уже и ушла к Царицыну), сношения с Киевом будут не так легки, как до сих пор. Во всяком случае, у меня большая к Вам просьба: не пропускать okazji и держать меня в курсе. Я, со своей стороны, обещаю Вам делать то же. Так мало людей, которые могут друг другу верить до конца, что этого круга не надо сужать больше того, чем того требуют непобедимые внешние препятствия.

Я видел здесь Шапрона и постарался еще раз связно изложить ему, для передачи Вам, мои мотивы за поход на Москву. Я чувствовал, что это уже поздно: Ваше письмо подтвердило мои предчувствия. Положение полковника Ряснянского, по одним све-

дениям, очень хорошо: против него ничего не нашли, и он показал, по поводу встречи со мной, что приходил осведомляться, могут ли германцы помочь Добровольческой Армии восстановить монархию. Говорили даже, что предстоит скорое освобождение. Во всяком случае, этого ареста нельзя было понимать как шаг против Добровольческой Армии, так как в тот момент германцы вовсе не ставили еще над ней креста (быть может, отчасти имея в виду и мою ориентацию). Тогда речь шла о перемене командования, в случае его нежелания переменить ориентацию, и только как о дальнейшей мере говорили о разоружении. Я, конечно, определенно высказывался, где мог, за сохранение командования. Тогда освободили, например, Лопуховского. Сегодня Ваш офицер, напротив, сообщил мне, что положение Ряснянского плохо, что его обвиняют в шпионаже. Если это верно, то боюсь, что это — симптом поворота в отношении к Добровольческой Армии, — неизбежного при Вашем решении уйти в область союзнической ориентации.

Прежде, чем кончить, хочу оговориться. Я совсем не против Вашей оценки *лиц*, ко многим из которых отношусь так же, как Вы. Но я хотел бы, чтобы *лица* не смешивались с *тенденциями*, которым они служат и которые иной раз лучше и заметнее, чем их официальные защитники. Что Вы хотите? Честные и хорошие люди боятся пойти на авантюру, которой часто представляется *начало* осуществления всякой тенденции. Сами собой и выдвигаются авантюристы, которым терять нечего, или самолюбивые честолюбцы, которым льстит видное место, выпадающее при этом на их личную долю. Роль авантюристов и честолюбцев все-таки временная, а тенденция, если она правильная, находит свою дорогу сама и впоследствии привлекает к себе других людей.

Исключения, такие, как Ваше с идеей Добровольческой Армии, — когда правое дело попадает сразу в хорошие руки — редки (я вспоминаю при этом наши беседы в Новочеркасске в ноябре прошлого года). В большинстве случаев примесь „нечистоплотности” в начале — почти неизбежное правило: и Вы сами пишете, каких трудов Вам стоило отделаться от этой лигатуры.

Еще два слова: не бойтесь, что я не пойму Ваших, хотя и кратких, но всегда точных указаний: я понимаю и Ваши полуслова, и придаточные предложения, и оговорки: они говорят мне очень многое. Всегда буду страшно рад получить от Вас дальнейшие весточки.

Преданный Вам и глубоко уважающий

П. Миллюков

Р. С. Уже написав письмо, я только что получил известие, что статс-секретарь Кюльман (недавно поскользнувшийся в рейхстаге на симпатиях к Англии) уходит в отставку и что сюда вместо Мумма (сторонника *разделения* России) посылается военный человек. (Это перемена, выгодная для *моей* ориентации.) Конечно, результаты этой перемены скажутся не сразу, но тем более мне приходится жалеть, что при утилизации ее я уже не могу использовать такого сильного аргумента, как Добровольческая Армия”.

*

Весь июнь развивалось наступление Добровольческой Армии в направлении на Екатеринодар.

Начало его было успешно. После взятия 12 июня Торговой, 15-го была взята Великокняжеская, на которой, в поездных составах, было захвачено много военного имущества и боевых припасов, столь необходимых армии.

1 июля была взята ст. Тихорецкая. И здесь опять была взята богатая военная добыча — сильно укрепившая боевую мощь армии. Были взяты десятки орудий, огромное количество ружейных патронов и артиллерийских снарядов, а кроме того и походные кухни.

От Тихорецкой армия, которая теперь возросла до 20 000 бойцов, разделилась и повела наступление в трех направлениях: на север в тыл армии Сорокина, на юг — на станцию Кавказскую и на Запад к Екатеринодару.

Но лишь 26 июля обнаружился отход армии Сорокина к Екатеринодару и к станице Тимашевской. Конные части добровольцев преследовали красных. 2-го шли сильные бои на подступах к Екатеринодару. Генерал Деникин был на передовых позициях. Ночью красные оставили Екатеринодар, а рано утром 3 августа добровольческие части вошли в город. Над атаманским дворцом взвился национальный флаг.

В последующие дни вплоть до 13 августа продолжалось преследование красных в направлении к Новороссийску, но бои были уже не такие упорные, и 13 августа почти без боя был взят Новороссийск, а затем очищено и все Черноморское побережье Кавказа, вплоть до границы с Грузией. У армии появился надежный, неугрожаемый тыл — Черное море.

За несколько дней до отъезда ген. Алексеева в Торговую, где в это время находился Штаб Армии, большевиками было объявлено о расстреле Государя. В этом первом сообщении они умолчали об убийстве всей семьи. Эта страшная весть потрясла всех. „Где Императрица? Что с семьей?“ — не раз повторял в эти дни отец. Отец сразу же обратился к епископу Новочеркасскому с просьбой отслужить

официальную панихиду, но тот отказался. Первую панихиду по убиенном Государе служил от себя ген. Алексеев в Войсковом Донском соборе. Совершал ее не епископ, а очередной священник. Нет слов говорить о том, какое тяжелое чувство было у всех присутствующих, а их было мало, только те, кого предупредил и позвал отец и кто посчитал своим долгом прийти. У меня в памяти остался полутемный, огромный, почти пустой войсковой собор и эти, тогда столь необычные заупокойные молитвы об убиенном Государе Императоре.

После этих тяжелых дней отец вскоре выехал в Екатеринодар, получив известие о вступлении в него частей Добровольческой Армии. Насколько я помню по рассказам близких, 5 августа 1918 г. был отслужен молебен, но не в самом храме, а на площади перед Собором. Отец в последний раз сел верхом на свою „Единицу“, служившую ему с 1909 года. Но тогда еще никто не думал, что это было в последний раз. Тогда и отец вместе с войсками верил, что „хотя еще много тяжелого впереди, но рассвет виден“.

6 августа была назначена панихида по генерале Корнилове на месте его смерти, у обрыва над рекой Кубанью, около фермы, где он был смертельно ранен. К этому дню прибыла и семья генерала Корнилова: его вдова, дочь и подросток-сын. Потрясенные горем, не только гибелью горячо любимого мужа и отца, но и страшным издевательством над его останками, много тяжелых и незаслуженных упреков высказали вдова и дочь генералам Алексееву и Деникину, что они не уберегли останки генерала Корнилова от надругательства*.

* Советский автор, участник событий, — В. Т. Сухоруков — не отрицает надругательств над выкопанным телом генерала Корнилова: „Сорокин вернулся в Екатеринодар, — пи-

Панихида в присутствии генералов Алексеева, Деникина и других, а также и вдовы, дочери и сына генерала Корнилова... Потом — слова генерала Алексеева, сказавшего, что, хотя и нет могилы Вождя, места его упокоения, все же сожженный и развеянный по ветру прах приняла Русская Земля и сделала его своим достоянием, а память о великом Патриоте да сохранится и чтится вовеки в сердцах верных Родине сынов.

Для генерала Алексеева и его штаба было реквизировано помещение в доме директора и владельца пивоваренного завода — чеха Ирза. Над парадным входом в дом взвивался прикрепленный к пике маленький Георгиевский флюгер с русским национальным флагом наверху в углу. У крыльца стояли парадные часовые. Хозяева-чехи, обе дочери которые были замужем за казачьими офицерами, гостеприимно приняли генерала Алексеева и его штаб. В длинной широкой передней, перед дверью в кабинет генерала, стоял столик дежурного офицера, направо была гостиная, которой отец пользовался очень редко, в каких-нибудь особенно официальных случаях. Вдоль той же правой стены стоял большой диван, на котором сидели все ожидавшие приема у генерала. Кто только не проходил через эту приемную в эти короткие два месяца до смерти отца, кто только не сидел на этом диване. Здесь я познакомилась с Сазоновым и Кривошеиным, встретила вновь с приехавшим из Киева ген. Абрамом Михайловичем Драгомировым и с ген. Лу-

шет он, — и увлекся парадами и демонстрацией на улицах города обнаруженного трупа Корнилова, который после этого никому не нужного спектакля был всенародно сожжен” (В. Т. Сухоруков. XI Армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918—1920). Воениздат, М., 1961, с. 25). — Прим. ред.

комским и многими, многими другими. Дальше влево была спальня отца, а за ней комната, в которой помещалась канцелярия. Прямо была комната адъютанта и влево, в конце передней, коридор, который вел в столовую.

В обширном дворе завода помещался конвой генерала, в заводских пристройках были размещены офицеры, солдаты, в конюшнях стояли лошади.

Потекла деловая жизнь. Отец, как всегда, вставал рано, и уже в 9 час. начинался прием. Много огорчений и много неприятностей приносила самостоятельная Кубанская Рада, считавшая Добровольческую Армию „в гостях” на земле вольной Кубани. Кубанский атаман полковник Филимонов был человеком вполне лояльным и не сепаратистом, но он был бессилен изменить настроение других членов рады. Нужно было много такта и выдержки, чтобы как-то, во имя общего дела, сохранить деловые отношения и не довести до разрыва, который и произошел после смерти отца.

Рядовое казачество, испытав на себе в течение полугода советский „рай”, было благодарно добровольцам за боевую помощь по очищению Кубани от большевиков. Их благодарность выражалась в широком гостеприимстве казачьих станиц, в снабжении добровольцев бельем и одеждой.

Чтобы выразить свою благодарность, многие станицы на своих станичных сборах избирали генералов Алексеева и Деникина почетными старейшинами своих станиц.

В архиве отца сохранилось несколько таких постановлений станиц Уманской, Незамаевской, Новоминской, Успенской, Пашковской, Бородинской. Все они начинались одинаково, на уставном отпечатанном формуляре, и затем каждый по-своему выражал свои чувства. Заканчивалось все станич-

ной печатью и подписями: станичного атамана, его помощников, станичного казначея, почетных станичных судей.

Привожу одно из таких постановлений:

„ПРИГОВОР № 158

1918 года Августа 26 дня. Мы нижеподписавшиеся, выборные и должностные лица, составляющие станичный сбор станицы УМАНСКОЙ, Ейского отдела, Кубанской Области, быв сего числа на станичном сборе в числе выборных от участков „80” человек и должностных лиц станичного правления „5” человек, а всего „85” человек, составляющих более двух третей от общего числа тех и других „118” человек, имеющих право голоса на станичном сборе, в присутствии станичного атамана губернского секретаря О. Н. Назаренко, движимые чувством особой радости по случаю освобождения нас от ига большевиков, восторженно восклицаем: да здравствуют славные бойцы Добровольческой Армии и ее руководители, как восстановители мощи и порядка нашей родной матери России.

Да здравствует многострадальная Россия.

В сем приговоре мы, казаки станицы Уманской, желая ознаменовать великий день освобождения родной Кубани от большевистских банд присоединением к числу нашего общества Великого Стратега, гордость нашей России, многоуважаемого генерала-от-инфантерии Алексеева, просим Ваше Высокопревосходительство, как предводителя славных бойцов Добровольческой Армии, освободителей Кубани от грабителей-большевиков, принять звание почетного старика нашей станицы, дабы этим именем неразрывно связать судьбу нашей станицы с судьбой гениального русского военного стратега, известного всему миру.

К сему подписывается сбор станицы Уманской”
(Идут подписи) .

ПРИГОВОР № 15 от 28 августа 1918 года станицы БОРОДИНСКОЙ Таманского Отдела, гласит:

„Желая почтить достойным образом Добровольческую Армию в лице ее славных вождей, сбор станицы Бородинской постановил: пожертвовать из наших общественных сумм Триста рублей на постройку памятника генералам: Корнилову и Маркову, как великим патриотам земли Русской.

Генералов: Алексеева, Деникина и Эрдели просить принять звание почетного старика станицы Бородинской, а портреты генералов Алексеева, Деникина и Эрдели приобрести и вывесить в сборной комнате станичного правления”.

Как только отец устроился в Екатеринодаре, он выписал мать и меня. Сестра с мужем была уже раньше, еще в Тихорецкой, при штабе Армии. С большой радостью собрались мы в путь, предполагая, впрочем, что наше оседлое место пока что останется в Новочеркасске, однако нам не суждено было больше в него вернуться.

Поезда ходили еще очень нерегулярно между Тихорецкой и Екатеринодаром, потому что подолгу останавливались прямо в степи. А степь была сплошь покрыта бахчами, и наши спутники офицеры, прыгивая с поезда в степь прямо на бахчу, приносили и угощали нас чудными спелыми арбузами... В памяти у меня не осталось, как и когда мы приехали в Екатеринодар, кто нас встретил и как мы встретились с отцом. В это время он был еще довольно бодрым и, казалось, ничто не предвещало его близкого конца. Все мы были бесконечно счаст-

ливы тем, что опять вся семья собралась вместе. Нам, матери и мне, отвели две комнаты, совсем близко от дома, где жил отец и помещался его штаб. Обедали и ужинали мы у отца.

Екатеринодар был переполнен офицерами — здоровыми, из частей, стоявших на отдыхе, в резерве полков, выздоравливающих, раненых и больных. Все изнашивалось за время походов, все нуждались в одежде, белье, да и денег не хватало. Хотя жалование теперь и выплачивалось регулярно, но его хватало только на еду, но не на одежду.

В газетах часто появлялись письма-просьбы добровольцев, привожу некоторые из сохранившейся у меня газеты „Великая Россия”:

„Я, вольноопределяющийся 2-го Офицерского полка, не имею ни копейки денег, не имею возможности купить папирос. Прошу отзывчивых граждан гор. Екатеринодара поделиться со мной своим достатком. 8—9 сводный госпиталь”...

„Я, офицер 1-го ген. Маркова полка, три раза ранен. В настоящее время я почти здоров, но за неимением брюк и гимнастерки, я не имею никакой возможности куда-нибудь выйти и посему покорно прошу отзывчивых граждан гор. Екатеринодара помочь мне выйти из этого положения. Лазарет № 9”...

„Граждане города Екатеринодара, помогите мне! Я раненый, в течение трехмесячного лечения не поднимаюсь с кровати; теперь есть возможность подняться на ноги с помощью костылей, которых в госпитале не имеется. Граждане, если есть у кого такие, то прошу вас, не откажите принести мне за что буду очень благодарен. 9 сводный госпиталь”...

„Прошу Екатеринодарцев, имеющих лишние брюки и сапоги, отдать их „неимущему” юнкеру старому Дроздовцу. Арм. № 5 лазарет”...

Закипела работа: выдавались пособия, без воло-

киты, без долгих рассматриваний прошений или заявлений, а то и без них, когда нужда была срочной и очевидной. Но особенно мне памятна выдача белья, которая, первое время, за неимением помещения, происходила у нас в квартире. Две наших комнаты разделяла узкая, но длинная передняя, и вот в ней, сразу перед входной дверью, поставили столик и около было сложено белье, частью купленное, частью пожертвованное. В глубине передней — ширма, за нею скамейка. Приходящий получал смену белья, шел за ширму, переодевался, бросал свое грязное, а часто и вшивое белье (особенно у приехавших с фронта) в мешок.

В тех же екатеринодарских газетах ежедневно давалось объявление:

„Верховный Руководитель Добровольческой Армии генерал Алексеев принимает по делам службы ежедневно, кроме праздников, от 10—12 часов (по петроградскому времени)“.

Но обычно уже в 9 часов отец был в своем кабинете, обычно к этому часу приходил к нему ген. Абрам Михайлович Драгомиров. В это время решались вопросы и созывалось „Особое Совещание“, которое должно было быть как бы центральным органом управления освобожденных от большевиков областей*.

* 18 августа 1918 года генерал Алексеев принял на себя звание „Верховного Руководителя Добровольческой Армии“. До этого времени генерал Алексеев не занимал никакого общественного положения в Добровольческой Армии. Принятие нового звания было, видимо, связано с проектом переезда генерала Алексеева на Волгу для участия в правительстве Уфимской Директории, а также в связи с необходимостью создания гражданского управления при Добровольческой Армии. Тогда же, 18 августа 1918 года в Екатеринодаре, генерал Алексеев утвердил „Положение об Особом Совещании при Верховном Руководителе Добровольческой Армии“.

В первых числах сентября отец простудился и не вставал с кровати. Температура была небольшая, но изнуряющая; кроме того, отца мучила жаркая погода, совсем еще летняя, ничем не напоминающая наш сентябрь в Средней России с его легкими прохладными днями. Я приходила к отцу ежедневно, обычно приносила ему пятичасовой чай, и неизменным вопросом его было: „Не посвежело ли“?

Эта простуда сильно подорвала силы отца, и мы все замечали, что, переходя из своей спальни в кабинет, он стал придерживаться за спинки стульев или край стола. Но когда был опять у себя в кабинете,

Как говорится в этом „Положении“, Особое Совещание имело целью „разработку всех вопросов, связанных с восстановлением органов государственного управления и самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой Армии“. А также подготовку временных законопроектов, „организацию сношений с представителями держав согласия, бывших в союзе с нами, и выработку планов совместных действий в борьбе против коалиций „центральных держав“...

Особое совещание состояло из отделов, в том числе — внутренних дел, дипломатического, финансового, торговли и промышленности, земледелия, путей сообщения и др.

Среди управляющих отделами были бывший товарищ министра иностранных дел Нератов, юрист-кадет К. Н. Соколов, профессор М. В. Бернацкий, Н. Е. Парамонов и другие.

Согласно положению, „Председателем Особого Совещания состоит Верховный Руководитель Добровольческой Армии, генерал-от-инфантерии Алексеев. Его заместители в порядке постепенности: первый — Командующий Армией генерал-лейтенант Деникин, второй — помощник Верховного Руководителя, генерал-от-кавалерии Драгомиров, третий — Помощник Командующего Армией генерал-лейтенант Лукомский“.

Особое Совещание просуществовало до 17 декабря 1919 года, когда приказом генерала Деникина при нем, как при главнокомандующем, было составлено — „Правительство“. (См. „Архив Русской Революции“, т. 4, 1922, сс. 241—243). — Прим. ред.

силы как бы возвращались, и он по-прежнему мог работать. Но, по-видимому это была привычка к работе, сила воли продолжать, несмотря на угасающие силы, „свое последнее дело на земле”. Хотя он никому, даже своей жене, никогда не жаловался и не говорил о своем состоянии, но сам, в душе, уже чувствовал, что дни его сочтены. Как-то утром, во время очередной беседы с ген. Драгомировым, Алексеев достал шкатулку с хранившейся у него казной Добровольческой Армии и молча передал ее Абраму Михайловичу. Драгомиров понял и так же молча принял ее из рук Алексеева. Потом, уже после смерти отца, Драгомиров говорил нам, что Михаил Васильевич этим актом, этой передачей жизненных ресурсов Армии, как бы уже прощался с жизнью и со всеми своими планами на будущее Армии, а с нею — и с горячо любимой Россией, которой действительно отдал всю свою жизнь.

Вскоре после этого наступило ухудшение в здоровье Михаила Васильевича. Это была уже не простуда, а возобновление болезни почек. Начались боли, стала подниматься температура. И по состоянию здоровья, и по настоянию врачей пришлось лежать в кровати. Но жизнь диктовала свои требования, и долго лежать Михаилу Васильевичу не пришлось. К середине сентября стало известно, что приезжает грузинская делегация для переговоров с командованием Добровольческой Армии и Кубанским Правительством.

К 12 сентября отец созвал объединенное заседание членов Кубанского правительства, старших генералов Добровольческой Армии и грузинских представителей... Несмотря на нездоровье и температуру, отцу пришлось встать, чтобы вести это заседание. Я помню, как он, как всегда, одетый в защитный китель с аксельбантами, прошел из своей

комнаты в столовую, где происходило заседание.

В архиве отца сохранился „Краткий протокол” этого заседания, на котором он произнес и вступительное слово:

„Разрешите от имени Добровольческой Армии и Кубанского Правительства приветствовать представителей дружественной самостоятельной Грузии. Предстоящие переговоры, я надеюсь, приведут к удовлетворительным результатам. С нашей стороны никаких стремлений ограничить самостоятельность Грузии нет; я должен ожидать равноценного отношения Грузии к нам...”*

Был тяжелый жаркий день, отец, разгоряченный дебатами, сразу после заседания вышел в соседнюю со столовой буфетную и выпил залпом стакан ледяной воды. Двоюродный брат, доктор, потом говорил, что именно это и вызвало воспаление легких.

С 14-го числа, с Воздвижения, отец больше не вставал, однако к 20-му врачи считали, что воспаление легких уже не грозит опасностью. Но организм был слишком надорван. По желанию генерала Деникина, был созван консилиум из известных профессоров, находившихся в Екатеринодаре и приехавших из Ростова.

Но дни его были сочтены. Мать как-то напомнила Михаилу Васильевичу о чуде после причастия в Могилеве в 1916 году, но он сказал: „Теперь не поможет”. Причащался отец вечером, в канун своей смерти, будучи в полном сознании.

О последних днях жизни отца привожу записи моего мужа М. К. Бореля, составленные тогда же:

* Редакция приводит лишь начало вступительного слова ген. Алексеева на заседании 12-го сентября 1918 года.

25 сентября 1918 года (8 окт. по новому стилю)
Состояние здоровья генерала Алексеева с каждым днем ухудшалось...

Кровати своей он уже не покидал. И если нужны были кое-какие совещания, на которых его присутствие было необходимо, то генералы Деникин и Романовский принимались им обыкновенно у постели.

— Что я буду делать без Михаила Васильевича! — часто говорил в это тревожное время генерал Деникин, — ведь я же только солдат и только по-солдатски умею решать политические вопросы.

Трудно было генералу Алексееву даже подумать, что он расстанется со своим детищем. Часто во время болезни, когда чувствовалось некоторое улучшение, генерал требовал блокнот и что-то усердно записывал. Даже болезнь не могла оторвать его от привычного труда...

Приехал генерал Деникин и еще до прибытия священника просидел у постели больного, очевидно, мысленно прощаясь с умирающим.

В ночь с 24-го на 25-е почти никто не спал... Жизнь генерала клонилась к концу. Часов около 6-ти утра наступила агония. В 7 пришла моя очередь ехать за кислородом.

— Только поторопитесь, — сказал мне ротмистр Шапрон, когда я садился в автомобиль. — Генералу нехорошо, а последняя подушка приходит к концу.

Быстро полетели мы с прапорщиком Слюсаренко, шофером генерала, по улицам просыпавшегося города, забрали для скорости весь сосуд с кислородом и часам к 8-ми вернулись в штаб. У балкона к нам навстречу вышел ротмистр Шапрон.

— Не надо больше ничего, — грустно сказал он, — генерал только что скончался!

В штабе корнет Крупин передал нам различные

распоряжения и разослал нас по всем концам города с извещением о смерти, о первой панихиде и т. д.

На улицах, почти на всех углах, были уже расклеены траурные объявления о кончине генерала:

„25 сентября в 8 часов утра скончался после долгой болезни (от крупозного воспаления легких) Верховный Руководитель Добровольческой Армии генерал-от-инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

Комендант Главной Квартиры Полковник Корвин-Круковский”.

В 2 часа дня была назначена первая панихида. Так как комната, в которой скончался генерал, была слишком мала для того количества народа, которое ожидалось на панихиде, то тело было перенесено в зал. Гроб был поставлен в левом, противоположном от входных дверей углу. Зал был убран в темные тона, а гроб утопал в зелени и цветах, принесенных многочисленными русскими людьми. У гроба все время стоял офицерский караул, который сменялся каждые полчаса, чтобы дать возможность представителям всех полков отдать последнюю дань своему любимому полководцу.

На панихидах, служившихся по несколько раз в день, собиралось много людей. Присутствовали и генералы, и офицеры, казаки, рабочие и крестьяне. Зал был слишком мал, чтобы вместить всех, пришедших помолиться за упокой души раба Божия боярина Михаила.

Газеты вышли в этот день окаймленные черным, и все были посвящены смерти „Великого русского патриота”. В Ростове, Новочеркасске, Новороссийске — везде были отслужены панихиды, на которых присутствовала большая часть населения.

В течение целого дня происходило паломничество ко гробу. Со всего Екатеринодара приходили люди,

приезжали казаки из окрестных станиц. Они молча входили в зал, становились на колени перед гробом, целовали холодный лоб и накрест сложенные руки генерала.

27-го сентября состоялись торжественные похороны.

С самого утра стал стекаться народ. Войска выстраивались шпалерами по Екатерининской улице в ожидании начала процессии. Целые шеренги пехоты, офицеры всех родов оружия.

Наконец, часов около 9.30, начали приготовляться к выносу тела. Подвезли ближе к воротам лафет Кубанской батареи, прислуга которого состояла исключительно из войсковых старшин и полковников. Лафет был обтянут черным сукном и усыпан ветками ельника. Раздалась команда „в ружье”.

В дверях показался гроб, его несли генерал Деникин, генерал Драгомиров, генерал Лукомский, генерал Иванов, генерал Эрдели, генерал Романовский... На улице снимали фуражки, и все застыло в мертвом ожидании, когда тронется лафет. Сменившие „Коль Славен” звуки „Похоронного марша” Бетховена оповестили, что процессия тронулась...

Впереди всех шли офицеры и несли венки, присланные от многочисленных частей Армии и различных учреждений и организаций, от союзных представителей. Лес венков. До глубины души тронули всех дети, которые несли венок с удивительной надписью: „Не видели, но знали и любили”. На такое большое количество венков не хватило цветов в Екатеринодаре, ни в Ставрополе, ни в Новороссийске. Не хватило также и лент, и некоторые венки были обвиты марлевыми и даже бумажными лентами с надписями на них.

За офицерами, несшими венки, ехали зарядные ящики, все с теми же венками, затем шел прапор-

щик, князь Накашидзе с терновым венком от нашего штаба, обвитым георгиевской лентой. Терновый венок был собственноручно сделан казаками конвоя генерала. Затем шел офицер с подушкой орден, потом лафет с телом покойного, близкие, а за ними генералы и шла ведомая подпрапорщиком Дорошенко кобыла „Единица“, и наконец конвой, в последний раз сопровождавший своего вождя под командой поручика Александрийского гусарского полка Андреевского. От каждого полка, где это представлялось возможным, были присланы для участия в похоронах роты, эскадроны и взводы, которые следовали за лафетом или стояли шпалерами вдоль по Екатерининской улице и частью по Красной.

Процессия двигалась по Екатерининской, по Красной, затем свернула на Соборную и вышла на площадь к Екатерининскому собору, куда было поставлено тело для отпевания. Громадная, в десятки тысяч толпа провожала гроб усопшего до собора.

После смерти генерала Алексева генерал Деникин издал приказ уже как Главнокомандующий Добровольческой Армии:

„Приказ

Главнокомандующего Добровольческой Армии

№ 1

гор. Екатеринодар, сентября 25-го дня, 1918 года

Сегодня окончил свою полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни — он принес в жертву служению Отчизне. Тяжелая лямка строевого офицера, ученый труд, боевая деятельность офицера генерального

штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководителя всеми вооруженными силами русского государства в Отечественную войну — вот его крестный путь. Путь, озаренный кристальной честностью и героической любовью к Родине — великой, и растоптанной.

Когда не стало Армии и гибла Русь, он первый поднял голос, кликнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой Армии. Перенеся и травлю, и непонимание, в тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верой в сердце и с любовью к своему детищу шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины.

Бог не судил ему увидеть рассвет. Но он близок. И решимость Добровольческой Армии продолжать его жертвенный подвиг до конца пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя Русской Земли.

Главнокомандующий Добровольческой Армии
Генерал-лейтенант *Деникин* ”*

* Ген. А. И. Д е н и к и н. *Очерки Русской Смуты*. Том III, Изд. „Слово“, Берлин, 1924, сс. 271—272.